

Валентин Долгочуб

Язычники атомного века

SVARTE PUBLISHING

Содержание

Предисловие к русскому изданию.....	4
Вступление.....	6
I. Закономерность эпохи или человеческое своеволие?.....	8
1. Эпоха Модерна.....	8
2. Постмодерн и Неоархаика.....	15
3. Кто первый?.....	19
4. Кого считать современным язычником?.....	23
II. Ордена, конфессии, кружки самодеятельности (проблема организационного оформления).....	27
III. Проблемы идеологии.....	35
1. Традиция и традиционализм.....	35
2. «Куда мы едем?», или Как возродить Традицию?.....	40
3. Между Брахманом и Зевсом: вопрос заимствований.....	46
4. Курьёзы этимологии.....	50
5. Родноверческие мифы.....	53
а) Предтечи наши.....	53
б) Жидомасонский заговор.....	56
в) Правь славим!.....	58
г) Славим, а не просим!.....	59
д) А с какого времени славим?.....	60
е) Владимир - хазарин.....	62
ё) Велесова книга.....	63
ж) Жертва и жертвенность.....	66
з) Этногенетические мифы.....	68
и) Древнерусская народность и религия «общей колбочки».....	70
й) Мифы о христианстве.....	73
6. Теология и философия.....	77
а) Философские школы современного Родноверия.....	77
б) Имманентность и трансцендентность.....	81

в) Персонифицированы ли Боги?	83
г) Существуют ли Боги вне своих функций?	85
д) Манифестационизм как альтернатива креационизму и эволюционизму. 87	
е) Возможна ли и нужна ли в Родноверии доктрина духовного освобождения?.....	89
ё) Брат и Сестра.	91
ж) Смерть на празднике жизни.....	93
з) Теология Триглава.	95
и) Бинарные сестрицы.	98
й) Мокошь и Мать-Сыра-Земля.....	100
к) Мокошь и София-Шакти.....	101
л) Эсхатология современного Язычества.	103
м) Маркс, Шпенглер или Тойнби?	105
н) Воскрешение этноса.	108
IV. Проблемы социальной интеграции	111
V. Немного футурологии.....	116
Вместо послесловия: Преодоление современного мира	119
Литература	121
Приложение 1: Слово о Чуде	129
Приложение 2: Модернизировать Архаику?	130
Приложение 3: Идентичность и духовность	132
Приложение 4: Отзыв на книгу: Askr Svarte (Нечкасов Е.А.). Polemos: Языческий Традиционализм	134

Предисловие к русскому изданию

Хоть, возможно, это будет некорректным, с первых строк приходится заявить, что данная книга изначально не была рассчитана на русского читателя. В ней преимущественно отображены общественные и культурные реалии Украины, кое-где автор вполне сознательно обращается к идейному багажу, которым отягощён каждый «сознательный» украинский гражданин.

Однако родившись и живя в Одессе, автор с первых лет знакомства с Язычеством имел возможность наблюдать уникальное переплетение русских и украинских мировоззренческих проектов, столкнувшихся в нашем приморском городе. Действительно, ещё в 1990-х годах языческое движение здесь зародилось сразу в двух основных формах, постоянно взаимодействующих друг с другом. Околоязыческие проекты – РУН-Вера и «инглиизм» – также проявили двойственную направленность. Возрождая и наследуя традиционную культуру степных украинцев, автор испытал серьёзное влияние философии Велеслава Черкасова, а потому причастен и к русскому родноверческому дискурсу. Русский читатель должен понимать, что большинство украинских язычников неплохо знакомы с российским родноверческим движением и его наработками в деле возрождения Традиции (обратное, к сожалению, встречается реже).

В последние годы и в Украине, и в России среди язычников, занимающихся теоретическим трудом, заметны схожие тенденции. Совершаются настойчивые попытки деконструировать заблуждения, симулякры и прочие нелепости, осложняющие взаимодействие язычников и историков, археологов, этнографов. Всё реже встречается обращение к «Велесовой книге» и всё чаще – грамотное и бережное изучение источников. Иногда, впрочем, это влечёт за собой резкое отвержение философского и богословского наследия, уже сформировавшегося в (нео)языческой среде. Мы выступаем против такого разрыва. Родноверие как религиозное, культурное, общественное явление в наших странах *состоялось*, не имеет смысла подвергать это сомнению.

Со времени первого представления данной книги широкой публике (в электронном виде) осенью 2014 года сама динамика языческого движения вполне соответствует описанному в ней. В печатном варианте «Язычники атомного века» были изданы В.В.Букаевым в начале 2017 года, а в 2018-м ожидается переиздание в киевском издательстве «Орієнтир».

Переводя и несколько адаптируя текст для русского читателя, автор безмерно рад возможности ещё раз пересмотреть положения, высказанные в книге. Общая концепция была полностью сохранена, хотя в отдельных

моментах мы попытались уйти от витиеватости и сложности изложения. Упомянутые выше «специфично украинские» моменты снабжены сносками, что, надеемся, несколько сгладит трудности перевода.

Необходимо отметить, что своим появлением эта книга обязана также любимой и терпеливой супруге автор Алёне, всей одесской родноверческой общине «Мокоша», а также Ирине Зорченко и Владиславу Водько, консультировавшим автора в некоторых темах.

Вступление

Прежде всего, стоит уточнить, о чём и для кого эта книга, дабы её ненароком не приняли за пародию на откровения Михаила Задорнова⁵² или отсылку к пьесе Анны Яблонской¹⁵².

Заря «этнорелигиозного ренессанса», как называет эпоху возрождения Язычества Галина Лозко⁸⁴, уже восходит над Европой, и очень не хотелось бы, чтобы она разделила печальную судьбу коммунистического призрака. В конце концов, у неё есть все шансы – и для того, чтобы блуждать призраком, и для того, чтобы взойти солнцем Новой Архаики. Очевидно, её появление именно в наше время совсем не случайно – кто-то стремится увидеть в этом наступлении «нового века» (New Age): эпохи Водолея, зона Гора или даже новой Сатья-Юги, сдвиг «космических циклов»; кто-то – химеру постхристианского «грехопадения». Мы же попытаемся поскрести по сусекам истории идей – в первую очередь, европейским, ведь там уж точно должно отыскаться что-нибудь интересное, что прольёт свет на таинство зарождения новой языческой зари.

Впрочем, перед человеком, впервые столкнувшимся с явлением современного Язычества и углубившимся в него, вопрос об этом таинстве, как правило, просто не возникает, её интересует процесс, а в качестве объяснения его движущих сил – и причуды «космических циклов» сойдут. Если же этот человек к тому же юный, с неугасшим романтическим порывом в душе, но при этом способен держаться Сердцем избранных взглядов, Язычество атомного века получит преданного сторонника на всю жизнь (в лучшем случае, конечно). Таким юношей был и автор этой книги, в 14 лет увлечённый Родноверием (как ещё называют современное славянское Язычество) и прошедший все этапы становления родноверческой идентичности и языческого самосознания.

Судя по личному опыту, в 2000-х годах первым ощущением после реально-обрядовой или внутренней инициации было творческое отчаяние, сожаление о том, что «так мало людей об этом знает», «так мало людей» увидели эту зарю. Позже, с расширением знаний о мировоззрении, признававшегося в качестве «своего», возникало другое видение: разнообразие конфессий и течений, учений и программ, и более того – международные объединения языческих движений (ЕСЕР, Родовое Славянское Вече и др.). Возникало также и видение проблем, будто в давно покинутой комнате фонарик или луч Солнца выхватывал всё больше беспорядка. Оказалось, что «мы» (современные язычники) в комнате не одни: за нашими спинами, по углам, в соседних комнатах, освещённых догорающими свечами, притаились учёные, философы и теологи – каждый со своей записаной книжкой и теорией

по поводу того, «как мы докатались до такой жизни». Пришлось бегать из угла в угол, заглядывать в записные книжки, ругаться с концептуалистами и формалистами, а затем снова испытывать отчаяние. Новый кризис, впрочем, заключался в деконструкции мифоподобных идей, заблуждений, выработанных современным Язычеством в рабочем порядке самотворения или для самозащиты. На самом деле так поступает любая живая идеология или культурная традиция, поэтому автор настоятельно просит читателей не воспринимать эпитет «мифоподобные» как нечто унижающее или дискредитирующее.

Собственно, анализу проблем современного Язычества эта книга и посвящена. Достаточно просто, на первый взгляд. Мол, проблема поставлена (а некоторые проблемы в рамках родноверческого движения действительно будут поставлены впервые) – сделаны первые шаги в направлении её решения. На самом деле преследуется цель оживить теологические и философские дискуссии, кое-где – изложить собственную точку зрения (как одну из возможных). Перечень трудностей славянского Язычества в эпоху квантовой физики и шоу-бизнеса обозначенными в книге проблемами не исчерпывается, поэтому, откинув надежду описать их все, акцентируем внимание на наиболее важном задании – создать зеркальце, в которое мы, язычники, могли бы смотреть и «проверять», не слишком ли мы тенденциозны в своих теориях и практиках, не погрязли ли в консервации, не спрыгнули ли с дерева этнической Традиции.

Итак, книга написана язычником (родновером) и для язычников (родноверов). Автор не уверен, что для некоторых деконструкций, предлагающихся в книге, уже пришло время, поэтому рекомендует сперва распространять книгу во «внутренних» родноверческих кругах. Это будет полезно тем более, что некоторые главы (касающиеся истории идей, теорий осмысления исторического процесса и теорий этносов) можно использовать как пособия для введения в тему.

Изначально мы не предполагали, что книга может заинтересовать людей, незнакомых с явлением современного Язычества, поскольку в ней не найти ни «древних знаний» древнерусских мудрецов, ни практических рекомендаций касательно поиска своей «звёздной половинки». Практика, впрочем, показала, что и для первого знакомства *некоторым* она может быть полезной. Что касается тех, кого мы разместили по углам затемнённой комнаточки, то они, надеемся, с пониманием отнесутся к поднятой проблематике (что, к сожалению, случается не всегда).

I. Закономерность эпохи или человеческое своеволие?

1. Эпоха Модерна

Популярное изложение истории Европейской (Западной) цивилизации обачно начинается с блестящей Античности – Древней Греции и Древнего Рима. В самом деле, некоторые импульсы ценностей и философских проблем, достигающие своими корнями древнегреческой Классики, добрали до XX века и лишь в информационную эру погасли, словно догоревшая свеча. Действительно, средневековые и ряд современных европейских государств выросли на мифе Римской империи. Меньше всего хотелось бы создавать новую модель историософии, навязывать общий смысл случайным и не связанным друг с другом событиям. Поэтому ограничимся утверждением, что из перечисленных эпох каждая несёт в себе двойственное для Европы значение: Античность породила глубокую языческую философию и изысканное искусство, но стала началом переноса внимания с Космоса (Священного, Природы) на человека, и этот антропоцентризм позднее, будучи усвоенным и развитым в христианстве, послужил одной из главных предпосылок потребительского отношения к природным богатствам. Средневековье (в широком смысле) – это в одно и то же время инквизиция, флагелланты и прозрения выдающихся мистиков, крестовые походы и плоды Ренессанса.

Пернесёмся сразу на относительно недалёкий от нас временной рубеж, который стал решающим в выборе направления исторического пути Европы. Несмотря на все попытки некоторых историков и социологов нивелировать исторический разрыв, отделяющий традиционные общества от современных, - точка зрения, согласно которой в XVII-XVIII веках начался кардинальный, хотя и во многом закономерный, перелом в жизни Запада, всё ещё господствует на интеллектуальной арене.

Что же такого произошло в это время? Большинство обществ на планете оставались аграрными, то есть сельское хозяйство, дополненное другими видами промыслов, ремёсел, неспешной добычей полезных ископаемых, составляло основу их хозяйствования. Главным способом передачи культуры в широких слоях народа была *традиция, обычай*, - большинство знаний, практического опыта передавалось непосредственно от старших поколений (родителей, дедов, мастеров) или от старших ровесников, а не посредством школы, телевидения, интернета или даже книг. Обычай имел, как правило, яркую этническую специфику: вещи, практики и особенности мировоззрения, порождённые самим народом для себя самого, во всех их местных вариациях

определяли способ жизни индивида. *Традиционная культура* каждого этноса (народа) была уникальным комплексом – уникальным не столько по происхождению, поскольку каждая из них в той или иной мере испытывала иностранное влияние, но уникальным по логике взаимного расположения элементов, их использования в контексте, их объединения в целостность.

Можно было бы надолго остановиться на духовной сфере этих комплексов, которая и охватывает то, что мы называем «*Язычеством*», рассмотреть, как традиция сохраняет родное народу мировоззрение даже под наслоением того же христианства. Но такая задача выходит за пределы этого текста. Укажем только, что весь этот культурный комплекс, вернее будет сказать – *способ жизни*, собственно, на протяжении веков и делал народные массы украинцами (ещё до того, как они начали себя так называть), белорусами-литвинами, волохами и т.д. Не менее правильно будет утверждать, что само наличие этого способа жизни (к сожалению, в прошлом) наполняет содержанием современные этнонимы. Иначе говоря, эти люди жили в таких домах, одевались в такую одежду, пели такие песни, которые мы сегодня называем собственно «украинскими», «русскими», «чешскими», то есть придаём им чёткую этническую окраску (сложно назвать «хрущёвку» или даже столичный небоскрёб «украинским» или «русским» жилищем, хотя сегодня они таковыми якобы и являются).

Интеллектуальный казус, случившийся на рубеже XIX-XX веков из-за переноса понятия «традиционное общество» с культуры «низов» на устройство сословно-феодальных государств, случившийся в том числе благодаря трудам и т.н. философов-традиционалистов, будет рассмотрен в разделе III.1, а также в отдельной работе.

Итак, в конце XVIII века в Западной Европе (и на «дочерних» пространствах Северной Америки) случился культурный взрыв, технологический аспект которого принято называть «промышленным переворотом». Подготовленное полутора веками идеологических и технических предпосылок внедрение крупного машинного (фабричного) производства само по себе не кажется слишком впечатляющей трансформацией. Но оно шло в одно в одной упряжке с рядом других процессов, охвативших и изменивших практически все сферы человеческой жизни. Материально-технические изменения сопровождали и мощнейшие изменения в картине мира. В частности, интеллектуальное обоснование промышленного переворота предоставило *Просвещение* – интеллектуальное движение, провозглашавшее культ разума, отказ от наследственных иерархий и секуляризацию общества.

Попробуем определить общие признаки, которые сопровождали наступление эпохи Модерна (сначала в Западной Европе, а затем – и в любой стране, куда приходил промышленный переворот и капитализм):

1) Бурное развитие техники стало возможным в первую очередь потому, что для небольшого числа образованных европейцев естественные (экспериментальные, доказательные) науки стали более авторитетным источником знаний о мире, чем религия. Просвещение создало своего рода *культ науки*. Превратившись на какое-то время в глашатаев истины в последней инстанции, во второй половине XX века учёные стали понемногу утрачивать эту позицию, что знаменовало собой начало нашего родного Постмодерна. Пережитки культа науки можем наблюдать и в Родноверии – в частности, «научная достоверность» является одним из наиболее популярных аргументов по поводу прошлого и теперешнего Язычества. Причём, противоположностью «научным сведениям» почему-то представляется не вдохновенный мистицизм поэтов и не магическое мышление как неотъемлемая составляющая традиционной духовности, а нелепые спекуляции в духе New Age и уфологии (хотя, конечно, лучше уж «научная достоверность», чем они, также достаточно распространённые в околорелигиозной среде). Стоит добавить, что «научная достоверность» во многих таких случаях является скорее *представлениями* родноверов о научной достоверности. Приятное исключение составляют те язычники, которые полностью усвоили методологию гуманитарных наук, но неизбежно, как следствие, утратили нечто собственно *религиозное*.

2) Культ науки в соединении с промышленным переворотом породил идею *технического прогресса* как главного закона человеческой истории. По меньшей мере со времён Фридриха Ницше эту идею нередко рассматривают как секуляризованный образ иудеохристианского эсхатоса – «страшного суда», «спасения» и «царство божье» как конечной цели, к которой стремится человечество и мир вместе с ним (иным секуляризованным вариантом этого образа является «коммунизм»). Серьёзные сомнения в непрерывности и однозначной полезности прогресса возникли после Первой мировой войны, когда оказалось, что «технические достижения» человечества, усиленные империалистическими амбициями «мировых держав» и корпораций, могут успешно служить для его же уничтожения. О современном технофутуризме пойдёт речь в следующей главе.

3) Утверждение *капитализма* как нового социально-экономического уклада, основанного на частной собственности на средства производства и наёмном труде. Стоит обратить внимание на то, что ни одна крупная территория, которая уже претерпела процесс модернизации, за всё время

Модерна (XIX-XX века) не могла выйти за пределы капиталистических отношений (хотя небольшим территориям ненадолго это удавалось). Модерн на практике не знает некапиталистического общественного бытия, несмотря на все попытки построить «социализм» в разных формах или «корпоративное фашистское государство»! Всюду мы сталкиваемся или с рыночным, или с государственным капитализмом. Впрочем, для нас особо важны тут этические последствия – индивидуализм, прагматизм, мещанский дух, отрицающий как «простоту села», так и героическое подвижничество. Важны также и серьёзные изменения социальной структуры: вместо аристократических привилегий, передающихся по наследству («право крови»), опорой господствующего сословия становится финансовое состояние (капитал). Кроме того, в соединении с промышленным переворотом капитализация стимулирует приток рабочей силы в города, что является началом *урбанизации*.

4) Три предыдущих процесса сливаются в идее уподобления человеческого тела и общества машине. Одновременно происходило изменение научной моды: внимание перемещалось от точных наук (математики, физики, астрономии) к естественным (в первую очередь, к биологии), а затем – к наукам общественным. Синтезом всего этого стал позитивизм Огюста Конта, который до середины XX века имел сильнейшее влияние на западную науку. Если человек традиционной культуры представлял мир в категориях организма (пантеистический образ «космического великана», из частей тела которого происходят разные части мира; общеизвестное уподобление весны и утра – юности, лета и дня – зрелости, осени и вечера – старости и т.д.), то теперь мироздание и общество предстают как гигантский *механизм* со своими «винтиками» и топливом.

5) *Секуляризация* общества не столько лишила церковь влияния на общество, сколько вытеснила вытеснила Священное за пределы картины мира обычного европейца, привела к «расколдовыванию мира». Мифология осталась (см., например, замечательный критический труд Ролана Барта [10]), но ещё мещанская разновидность – это совсем не та могущественная сила, которая роднила народы с их Истоком, упорядочивала их жизнь, давала возможность познавать мир и определяла их этику.

6) Следствием секуляризации было также и то, что уже не религия и обычай, а *идеология* стала мотивационным и содержательным наполнением движений и товариществ. Либералы и консерваторы, националисты и социалисты (анархисты, марксисты, социал-демократы в их числе) заняли место пуритан и духоборов. Впрочем, и идеологии, как это нередко бывает, апеллируют к религии или в неё же и превращаются.

7) Именно этой эпохой принято датировать появление нового способа делить людей на сообщества – появление *модерных наций*. Среди литературы на украинском языке наиболее основательный компендиум теорий насчёт формирования и природы наций можно найти в труде Г.Касьянова «Теории нации и национализма» [65], а также в добросовестно укомплектованной О.Проценко и В.Лисовым антологии «Национализм» [96]. Для нас важно то, что проект нации почти обязательно предполагает *миф об общем происхождении*, концепцию собственной национальной истории (иногда – исторической миссии), для чего трудящиеся над проектом в той или иной мере окунаются в старину. Мы, язычники, должны хорошо понимать, что они находят там, о тенях каких забытых предков напевает романтикам и славянофилам в нашем местном варианте лесная песнь¹.

8) А ещё именно Модерн породил такие привычные для нас явления, как профессиональный спорт, туризм, телефония, именно массовые СМИ и т.д.

Итак, вместе со всеми техническими новациями *индустриальное общество* пророчило безжалостный перелом не только сословной иерархии, но и традиционной общинной культуры (которая, собственно, и утверждала этносы в их бытии), господство материализма или секуляризованного идеализма христианского происхождения (с однозначно положительным будущим), вознесение не столько «маленького человека» (само это понятие уже обусловлено отступлением от обычая, носителем которого в сельской общине был *каждый* полноценный её член), сколько духовно импотентного мещанина. Если не считать луддитов (специфическое движение первых фабричных рабочих, которые на практике выступили против индустриализации), первой основательной оппозицией Модерну, порождённой им самим, стал *Романтизм*. В противовес рационалистическому Просвещению он вознёс приоритет воли, силы, страсти, героизма, он стремился окунуться в старину и возродить культ Природы в ответ на механизацию жизни. Тут мы прямо подступаем к важному вопросу «Кто первый?». Запомним его и двинемся непосредственно на нашу Родину^{II}, которая, стоит отметить, по-особому захлебнулась в волне индустриализации.

Украинцы на момент революций 1917 года ещё оставались преимущественно крестьянским народом с критическим минимумом буржуазии и немного большим количеством интеллигенции. Промышленный переворот и капитализация экономики охватили украинское село ещё во второй

---

^I «Тени забытых предков» (1911) Михаила Коцюбинского и «Лесная песнь» (1912) Леси Украинки – известнейшие произведения украинского неоромантизма, насыщенные языческими образами. Изучаются в школьной программе.

^{II} Автор имеет в виду Украину.

половине XIX века, однако способ жизни крестьян от этого кардинально не изменился. Главным способом передачи культуры оставался межпоколенческий обычай, основой досуга – традиционные игры, развлечения и фольклор, сельская община до начала её систематического развала реформами П.Столыпина всё так же обеспечивала начальное образование, медицинские, хозяйственные, частично судебные и налоговые функции. По поводу общины на территории Украины существуют разные теории, однако не подлежит сомнению то, что Российская империя, в отличие от некоторых других европейских государств начала XX века, так и не успела стать «социальным государством» - таким, которое декларирует общее попечительство об образовании-медицине-безопасности.

Общинный (по-английски «община» - commune) обычай на самом-то деле добил не Столыпин. Его доби́ли «коммунисты»-большевики, успешно продолжившие все линии развития имперской промышленности. В рамках новой волны индустриализации новорожденное «государство рабочих» сделало ставку на тяжёлую промышленность, что для широких крестьянских слоёв означало безнаказанное высасывание их сил и ресурсов государством в пользу избранных отраслей. Кроме этого, ещё три фактора обусловили сокрушительный удар по этническому обычаю:

а) урбанизация – значительно повысился отток рабочей силы в города, которые изначально не имели (как Одесса или Николаев) или давно утратили (как Киев или Чернигов) механизм традиции;

б) большевистская коллективизация потрясающим образом разрушила традиционные формы коллективного сотрудничества в украинском селе – такие, как, например, толоки и молодёжные громады;

в) насильственное «примирение» непокорного внешней власти крестьянства, его систематическое обворовывание путём продразвёрсток и прочее изъятие аграрных продуктов.

Последнее, в частности, стало одной из предпосылок совсем печальных и трагических явлений – голодоморов. Для нашей темы не так важны их причины, сколько следствия – а разрушительное влияние голодовок на этническую культуру на протяжении последнего десятилетия изучался этнологами нескольких украинских университетов¹.

Итак, несмотря на то, что проект украинской модерной нации возник одновременно с другими европейскими, социально-экономическая модернизация достаточно поздно, но всё-таки обрушила и нашу этническую культуру. Впрочем, эта «запоздалость» кажется нам весьма положительной для родноверческого дела (см. разделы III.1,2).

---

¹ См., напр., Відгомін лихоліття / упор. В.А.Кузнецов. – Одеса: Освіта України, 2014. – 104 с.

Реактивное ускорение Модерна после Первой мировой войны взорвалось «эпохой крайностей», как удачно и исчерпывающе назвал «короткий XX века» (1914-1991 гг.) Э.Хобсбаум [41]. К его одноимённому труду и отсылаем тех, кто хотел бы ознакомиться с критическим анализом Западной цивилизации минувшего столетия.

В историософском плане для нас важно то, что «кризисные десятилетия» (1960-1970-е года) в Западной Европе и США подготовили конец Модерна – но не такой, который знаменует новое начало, а конец в вязком, безысходном месиве неопределённости. Именно в эту неопределённость попали и бывшие советские пространства в 1991 г., а благодаря глобализации вся планета была охвачена одной цивилизацией, одним способом жизни, стремящимся к ещё большей стандартизации, унификации предметов потребления (при кажущемся их разнообразии). Эту неопределённость, которую многие интеллектуалы желают видеть «переходной период» (куда именно – мнения разнятся), назвали *Постмодерном*. Мы вновь наблюдаем двойственность: рядом с потребительским обществом телесного и душевного вырождения, произвола корпораций-империй, хищническим высасыванием природных богатств, с каждым годом приближающим критическую черту, возносится информационное общество с нанотехнологиями и генетическими умствованиями, а вытесненная на периферию война позволяет некоторым ослеплённым оптимистам лепетать о «наилучшем из времён»¹.

Для констатации цивилизационного кризиса, во второй половине XX века охватившего условную «Европу», а вместе с ней – и всю планету, приведём цитаты соответствующих друг другу мыслителей «правого» и «левого» лагеря:

Юлиус Эвола: «Современная цивилизация толкнула человека вперед; она произвела в нем потребность во все увеличивающемся количестве вещей; она сделала его все более и более неудовлетворенным самим собой и бессильным. Таким образом, всякое новое намерение и технологическое открытие на самом деле является не завоеванием, а поражением - новым ударом кнута во все убыстряющейся гонке, слепо происходящей в системе обусловленностей, все более серьезных и необратимых» [141].

Герберт Маркузе: «Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, находят свою душу в своём автомобиле, стереосистеме, квартире с разными уровнями, кухонном оборудовании. Сам механизм, привязывающий человека к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом» [90].

---

¹ Этот тезис написан в 2013 г. В конце 2017 г. кризисность исторической ситуации стала очевидной для всех жителей «благополучного» Запада, которые хоть как-то задумываются о собственном положении.

Сравнение этих взглядов на мировой кризис неизбежно приводит к мысли о том, что деление на «правых» и «левых» в начале Постмодерна утратило свою актуальность.

2. Постмодерн и Неоархаика

Итак, конец XX века знаменовало обострение цивилизационного кризиса, на фоне которой и начало расцветать языческое движение – как в славянских странах, так и в западных (а также, справедливости ради, стоит отметить подобие движения у финно-угорских и кавказских народов).

Термин «Постмодерн» сегодня является заезженным ярликом для разного рода приятных и не очень явлений, что, как ни парадоксально, - тоже типичный признак современной эпохи. Попробуем коротко, как и в случае с Модерном, описать наиболее характерные её признаки. Однако, если в предыдущей главе нас интересовали также социально-экономические и политические аспекты, то теперь мы сосредоточимся на особенностях мировоззрения, коммуникации, познавательных процессов.

В первую очередь, необходимо помнить о том, что мы живём в эпоху всеобщей относительности (релятивизма) идей, мировоззрений, учений. Отсюда имеем три следствия: а) уверенность в своей окончательной правоте (например, вера марксистов в знание ими «объективных законов исторического развития») выглядит по меньшей мере смешно; б) возрождённое Язычество может быть провозглашено «идолопоклонническим отступлением от истины» или же «шагом в дикость» заангажированными единицами, но никак не большинством; в) относительными являются любые утверждения о Постмодерне, в том числе и наши.

1) *Бессубъектность*. Многие современные философы, начиная с Рене Декарта, грезили поисками рационально-волевого субъекта истории, общества, процесса познания. Из размышлений предыдущего параграфа можно догадаться, почему особый вклад в это сделали позитивисты. Однако в 1960-е годы французские философы констатировали, что «пациент [то есть субъект] мёртв», расщепился на элементы, как микрочастица (которыми, кстати, занимались физики того времени), растворился в словах, вещах и практиках. Даже наше понимание традиционной культуры как «совокупности текстов, знаков и практик» - из той же самой оперы. В новейшей мифологии мещанства и дискурса масс-медиа поиски утраченного субъекта часто приобретают конспирологические черты: если миром правят не «жидомасоны», то непременно «американские мондиалисты» или инопланетяне. К сожалению,

конспирология – одно из первых явлений, с которым сталкивается человек, пришедший к Родной Вере. Нет, говоря о глобализме (как одном из идеологических и социально-экономических признаков Постмодерна), мы вполне осознаём роль неправительственных организаций, спецслужб и корпораций-империй, но ни одна из этих форм не претендует на роль всевластного субъекта.

2) Одним из лучших философских описаний нашей эпохи считается «Ситуация Постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара. По его мнению, главным признаком Постмодерна является *отказ от «великих идей/идеалов»* (метанарративов). Религия, идеология, любой великий смысл, за который человек былые времена готов был пожертвовать жизнью, поддается «ироническому обыгрыванию», пренебрежению и скепсису. Комфортная расслабленность, виртуальность, беспроблемная несерьёзность – всё это является обыденным состоянием наших современников, несмотря на серьёзность вызовов, которые ставит перед каждым человеком эпоха¹.

3) «Родовой травмой» информационного общества являются *симулякры* – это страшное слово, впрочем, всего-навсего означает «копию без оригинала». Огромное количество окружающих нас явлений: от атрофированных до самой лишь видимости политических партий, событий, создаваемых СМИ, до «аудионаркотиков» и «электронных сигарет», - копии, не имеющие основания в реальности. Александр Дугин причислял к симулякрам и «неоязычество» как такое, что апеллирует не к историческому Язычеству («оригиналу»), а к искусству созданному представлению о нём⁴⁷.

3) Как и любой переходный период, Постмодерн сопровождают *эсхатологические ожидания*, то есть предчувствия «конца света», «великой трансформации» и т.д. Кроме обычных христианских чаяний «царства божьего», которые в упрощённой форме массово популяризируются киноиндустрией и обостряются в связи с неомифологическими сюжетами вроде «календаря мая», «21.12.2012», имеем и более интересные формы. В первую очередь, во второй половине XX в. на базе теософии, спиритуализма, «массового» (профанного) оккультизма возникло такое идейное направление, как New Age (дословно: Новый Век). Стоит пройтись по большому (и даже не очень большому) городу, как увидишь анонсы тренингов, семинаров, практик псевдоэзотерического и парапсихологического характера. Объединяют «ню-эйджеров» в том числе и ожидания уже упомянутой «Эры Водолея» (либо с

---

¹ Впрочем, встречается вполне осмысленное и прагматичное стремление к уничтожению метанарративов. Во время круглого стола в *католическом* епископальном университете Рио-де-Жанейро в мае 1973 г. крупнейший философ-постмодернист Мишель Фуко на вопрос одного из собеседников «Необходимо разрушить волю к истине, не правда ли?», лаконично отвечает: «Да» (Фуко М. Интеллектуалы и власть. Том II).

другим названием), которая, по мнению большинства «адептов» и учений, будет пространством любви, мира на «новом уровне сознания» (чем не «царство божье»?). Вероятно, не стоит описывать, насколько глубоко New Age проник в Родноверие. Существуют ещё сторонники технократии, киберпанка и иного технофутуризма. Они далеко не всегда мыслят существование «за чертой» как нечто благостное и счастливое – вспомним «Матрицу» или классический технототалитаризм в духе Олдоса Хаксли³⁸. В связи с этим можем вспомнить странные, хотя и небезытересные попытки соединить возрождённое Язычество с последним из названных направлений – см. статью Алексея Широпаева «Неоязычество и “родноверие”», пестрящую фразами вроде: «Наш Ярило облачен не в лен, а в клепаный хром. Его солярность пахнет соляром и сталью. Он лыс от радиации, а мутация открыла в его челе третий глаз, лазурный, как небо Прародины...»¹³⁷. Какую альтернативу этим эсхатологиям может на самом деле выдвинуть Родноверие, обращающееся к этнической Традиции, мы попробуем обозначить в дальнейшем изложении.

4) Постмодерн одновременно подвергается влиянию двух разнонаправленных тенденций: *деконструкции*, попыткам разрушить целостность привычной картины мира (некоторые умники, в частности, занимаются деконструкцией представлений о поле, языке, нации, теле и тд.), и, с другой стороны, *холизма*, стремления свести возрастающее разнообразие подобных частиц в новую целостность, более свободную и плюралистичную, путём синтеза или синкретизма. Причём, допускается соединение всего со всем: от распространения междисциплинарных научных исследований (результатом которых является, например, синергетика) до экспериментальных работ вроде «Дао физики» Ф.Капри, в которой принципы квантовой механики сопоставляются с мифологическими представлениями⁶⁴, до оригинального соединения художественных стилей (склонность к эклектике). В.Крутоус уверен, что «неоязычество» рождается на самом перекрестье этих двух тенденций⁷³, а В.Бибихин утверждает, что в «этническом ренессансе», восстающем против глобализма и универсализма и проявлением которого часто представляется и возрождение Язычества, возвращение к «старине@ – не самоцель, а составляющая нового синтеза¹³.

За стремлениями к построению целостной картины мира, которая не была бы фрагментарной или «одномерной» следует процесс *ремифологизации* мира. Она, впрочем, часто принимает характер не общего «заколдовывания мира», не принятия этнической мифологии, утверждающей естественную, языческую, духовность, а всего-навсего возвращение индивидуальных и групповых фантазий с целью убежать от жизненных проблем, либо их переосмыслить («я поменял своё сознание с минуса на плюс», как поёт С.Калугин).

«Одномерность» и потребительски-ориентированный картины мира от этого, тем не менее, не уменьшается, его носители не перестают быть посредственными зрителями в «обществе спектакля», по выражению Ги Дебора⁴⁰. Вопрос про вторичное, воистину целостное «заколдовывание мира» сегодня ставит лишь возрождённое Язычество, а также некоторые «консервативные революционеры» вроде А.Дугина.

Итак, Постмодерн многими из тех, кто пытался осмыслить его историческую суть, называется «переходным периодом». В таком случае следует установить, *откуда* происходит переход и *куда*. С первым всё ясно – это Модерн, импульсы которого продолжают успешно гнездиться в наших ежедневных практиках. Со вторым всё сложнее. Про эсхатологию уже было сказано. Мы можем просто ждать печального продолжения мировой стагнации, вплоть до вырождения человека в постиндустриальных условиях; можем соглашаться с классиками антиутопии насчёт будущего тоталитаризма, которого производители-потребители (в замкнутой цепи этих процессов) не будут даже замечать; можем, наконец, верить в освоение новых планет и нанотехнологии. Всё это, впрочем, будет лишь продолжение той самой парадигмы Западной цивилизации, которая начала формировать ещё даже задолго до Модерна.

Тем временем иные словоблуды уже вывели понятие «постпостмодерна»⁷⁴, что в лишний раз свидетельствует о кризисном и застойном характере нашей эпохи.

В этой самой бездне общества потребления, феерического ожидания New Age, конспирологических грёз единичные голоса осторожно начали высказываться о необходимости *кардинального слома цивилизационной модели*: это в одно и то же время консервативно-революционные «новые правые» и сторонники «контркультуры» (например, ранний Чак Паланик); практиком этой идеи был Теодор Качинский (известный как террорист Унабомбер). Наконец, на рубеже веков появилось такое экспериментальное понятие, как *неоархаика / неоархаизм* (от греческих слов νεος – «новый» и αρχαϊκος – «старинный, древний», а также αρχη – «первоначало, принцип»). Это идея принципа, который вернул бы нас к самому истоку Запада, который очень условно видят в Архаике – периоде в истории Древней Греции, и который дал бы возможность выбрать иное направление исторического движения (созвучно с мыслью В.Бибихина: обращение к «старому» ради «нового»). Мы убеждены, что этот принцип способно воплотить в жизнь именно возрождённое Язычество.

Олег Гуцуляк, украинский философ, защитивший диссертацию на тему «неоязычества», высказывает схожую мысль: «неоязычество» предлагает обращение к первоначальным, но нереализованным возможностям европейской

культуры⁴⁶. В связи с этим можно развить метафору Освальда Шпенглера насчёт «заката Западного мира»¹³⁹ (к ней мы ещё вернёмся в пункте III.6.н). Если сам автор жил ещё в «сумерках», то Постмодерн – самая настоящая полночь, нижайшая точка Железного века, как мог бы кто-то сказать. Неоархаика в таком случае – движение в направлении рассвета; тот вариант будущего, когда кризис всё-таки будет преодолен, хотя и не «диалектической противоположностью», каким должен был бы стать, скажем, марксистский социализм, но решительным и безжалостным обрубанием максимально возможного количества импульсов Модерна. Наконец, вспомним популярного в родноверческих кругах Льва Гумилёва – «конец и вновь начало»⁴³, такое любимое нами «вечное возвращение»!

Практическим аспектам нашей футурологии в дополнение к высказанным только что аспектам абстрактным будет посвящён раздел V данной книги. Сейчас же есть смысл перейти к первому вопросу, который является проблемным непосредственно для среды родноверов: кто первым начал дело Возрождения?

3. Кто первый?

Необходимо обозначить вопрос ещё конкретнее, поскольку в такой форме он кажется размытым. Язычество – духовная сфера традиционной культуры народа, оно спокойно сохранялось в практиках и неосознанной части мировоззрения широких крестьянских слоёв, пока существовала сама традиционная культура. Тем не менее, не подлежит сомнению, что на уровне *идентичности* эти самые слои уже через несколько веков после крещения Руси полностью начали позиционировать себя как христиан. Очень соблазнительным выглядит допущение о какой-нибудь потаённой передаче «сакральных, волховских знаний» отдельными родами из поколения в поколение. Соблазнительным, но очень маловероятным. Состояние *двоеверия* – это та «норма», которую мы обнаруживаем в жизни славянских крестьян аж до середины XX века.

Наш вопрос заключается в том, кто первый «кинул клич» о возрождении открытого, сознательного Язычества, Язычества именно на уровне идентичности (хотя *как именно* должен был бы обозначать свою религиозную идентичность исторический язычник и должен ли был вообще – также вопрос проблемный)? Кто, возможно, даже без призыва добросовестно начал возрождать исконные верования?

Обстоятельный анализ новейшего, то есть *уже возродённого* либо возрождаемого Язычества, можно найти в труде Галины Лозко «Пробуждённая Энея. Европейский этнорелигиозный ренессанс»⁸⁴. Тем не менее, современное Язычество в этом труде как будто отрывается от общего контекста истории идей, из которой упоминаются разве что Традиционализм и Консервативная революция. На удивление оборвано выглядит описание этнорелигиозного ренессанса в России и Германии, где для него были едва ли не самые благоприятные условия.

Откровенно говоря, обращение к Язычеству в «высокой» (не этнически-традиционной) культуре со времён Ренессанса происходило постоянно. Один из ярчайших представителей итальянского Возрождения Джованни Боккаччо в 1350-х годах написал «Генеалогию языческих Богов» в 15 книгах (разделах). Его образованные современники почитали языческую Античность в качестве этического и мировоззренческого образца. Впрочем, они не молились Юпитеру и Меркурию, а продолжали использовать их в духе эпохи – как аллегорические образы, скажем, в алхимии.

Среди «просветителей» XVIII в. выделяется Жан-Жак Руссо, известный своими примитивистскими взглядами: его «естественный человек», «благородный дикарь», его утверждение самотождественности «со всей Природой» ещё пригодятся тем, кто осознает, что технический прогресс имеет не одни только преимущества.

Романтизм. В самой своей основе он обращался к старине, к героическим идеалам, часто созданных воображением поэтов. Это от него тянется непрерывная линия идеи, мечты о «высоком стиле» жизни, укоренено в Природе и народе (или нации), в традиции, которая прервала бы размеренный поток линейного христианского времени. Г.Лозко называет «Песни Оссиана» Дж.Макферсона. Но почему только они? «Краледворская рукопись» В.Ганки, «Слово о полку Игореве», как раз вновь обретенное после московского пожара 1812 г., «Русалка Днестровая»¹, даже сборники украинских народных песен, составленные М.Максимовичем, - это произведения одного ряда, дети одной своевольной и гордой матери. В живописи – прерафаэлиты, по поводу которых, как и по поводу эллинофильского Ренессанса, во второй половине XIX в. впервые использовали термин «неоязычники» (W.James в 1868 г., J.A.Symonds в 1877 г., J.McCarthy в 1880 г.).

Являлись ли эти деятели искусства язычниками? Ничто не мешает нам утверждать, что *по духу своему* они приблизились к состоянию естественной

---

¹ Изданный в 1837 г. галицким кружком романтиков «Руська трійця» сборник народной и частично авторской поэзии; данному кружку в одно и то же время был свойственен панславизм и утверждение национального единства украинцев.

духовности, однако если понищать Язычество как духовный космос этнической культуры, то вряд ли – как представители «элиты», деятели искусства в большинстве своём не наследовали этнических практик от своих родителей, по обычаю, и, очевидно, не стремились воспроизвести их с помощью иных источников.

В то же время на германских землях возникает особое представление о *нации* как сообществе. После падения Священной Римской империи (1806 г.) остро стояла проблема объединения разрозненных территорий и этнических групп, и ответом в том числе на неё стала своего рода философская мода на «погружение в народ». Гердер, Фихте, Шеллинг и Шлегель, многие другие талантливые интеллектуалы предпринимали попытки отыскать и выразить чувство «крови и почвы» (Родной Земли), обратить внимание на метафизическую роль языка в жизни народа (Родного Языка); третьим компонентом, как несложно догадаться, был поиск родной духовности (идея *Volkseele* – «народной души»). Подавляющее большинство, впрочем, удовлетворялась лютеранством как особенной, «национальной», формой христианства. Тем не менее, в 1814 г. Э.-М.Ардт в качестве способа предложил в качестве способа объединения немцев отмечать древнегерманский праздник летнего солнцестояния. Стоит также вспомнить об австрийском мыслителе второй половины XIX в. Гвидо фон Листе, который активно разрабатывал направление *ариософии* (учения про «ариев»), включительно с проектом *вотанизма* или *арманизма* как возрождённой эзотерической составляющей древнегерманской веры. Впрочем, в противовес утверждениям некоторых популярных изданий¹²⁶, в своей работе «Тайна рун» фон Лист всё ещё упоминает о Христе с теплотой и уважением¹²⁵. Отношения ницшеанской философии к Язычеству коснёмся немного позже, в пункте III.5.a. Идеи фон Листа существенно повлияли на заинтересованные в эзотерике и теософии мюнхенские круги. Уже в 1900 г. Ланц фон Либенфельс основывает «Орден Новых Храмовников», учение и практика которого базировались на арманизме с привлечением «друидических» культов и наследия раннего индуизма. Отсюда в самом деле можно начинать рассказ о возрождении Язычества в Германии, который представляет Г.Лозко в «Пробуждённой Энее».

В Российской империи интерес к языческой духовности в среде дворянства зажёгся от той самой волны Романтизма, далее же развивался в направлении интеллектуальной оппозиции самодержавию (вспомним Пушкина: «Волхвы не боятся могучих владык, // А княжеский дар им не нужен»¹⁰⁶). Тут мы видим славянофилов, которые, хотя и мыслили корень «русской души» в христианстве, всё же обращались к фольклору, где непременно находили следы древних верований. К славянскому языческому наследию, точнее, к его

социальной составляющей, обращались также выдающийся теоретик анархизма П.Кропоткин⁷². Поэты-символисты русского «Серебряного века» - Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Александр Добролюбов и др. – тем или иным способом также апеллировали к языческой духовности. Первый, например, обращался к «окультуренным» дионисийским практикам, последний ушёл в «хлысты» - интересную народную секту, которая, судя по всему, восала в себя опыт языческих техник экстаза. Велимир (Виктор) Хлебников в какой-то момент своих духовных поисков сознательно изменил своё имя на древнеславянское, а пасторально-антимодернистские мотивы Есенина, вероятно, известны каждому любителю русской поэзии. Таким образом, среди оторванных от живой этнической Традиции дворян и интеллигентов поиски отголосков Язычества начались задолго до второй половины XX в. Детальнее с ними можно ознакомиться в достаточно тенденциозной статье Б.Фаликова¹²². Кстати, среди исторических «союзников» возрождённого Язычества он называет экологизм (что очевидно) и феминизм (что актуально больше для западных направлений).

Г.Лозко стремится «персонализировать» историю возрождения, пытаясь установить конкретные личности, начавших его: Вильгельм Стороста в Литве, Эрнест Брастыньш в Латвии, Ян Стахнюк в Польше, Эдуард Какосян в Армении и, конечно же, Владимир Шаян в Украине. В то же время она упоминает и об отдельных родноверов среди бойцов «Украинских сечевых стрельцов»¹, Ореста Зыбачинского (про него см. пункт III.5.а) и т.д. Не отрицая того, что провозгласить возрождение Язычества безусловно должна была конкретная личность (более того, глупостью было бы приписывать языческую самоидентификацию тому, кто её не имел или не мог иметь), мы советовали бы рассматривать перечисленные личности *исключительно* в контексте эпохи.

Целью этого раздела и было показать, что идея *возрождения* прошла длительный путь в сознании европейских наций, что зародилась она не на пустом месте, а воплощаться начала *стихийно* (примером чего служат единичные сторонники Язычества среди «Сечевых стрельцов»).

Главным для историка родноверческих идей в этом занимательном труде – не пытаться насильно протянуть линию идеи сквозь наиболее значимые в национальном дискурсе персоны, забывая при этом менее ярких, но действительно имевших к ней отношение. Так в пантеоне «родноверческих предтеч» ожидаемо появились Шевченко, Франко и Леся Украинка, время от времени в этом перечне всплывает даже Д.Донцов (со ссылкой на «Дажбог» - юношеское приложение к «Литературно-научному вестнику», редактором которого он являлся). Тем не менее, почему-то там нет не такого известного, но

---

¹ Украинское национальное подразделение (легион) в составе австро-венгерской армии, принимавшее участие в Первой мировой и последующей Гражданской войне.

крайне оригинального западноукраинского поэта Богдана-Игоря Антоныча (1909-1937), который являлся *сознательным* двоевером, а в стихах своих утверждал: «Я – влюблённый в жизнь поганин»⁵¹.

В этом месте, по нашему мнению, можно оставить паутину истории и перейти к современности.

4. Кого считать современным язычником?

В поиске опоры, от которой мы могли бы оттолкнуться при ответе на этот вопрос, у нас есть по меньшей мере два пути: понимать под Язычеством а) *естественную духовность*, которая изначально свойственна человеческой душе и роднит её со всей Природой; б) *духовную сферу традиционной культуры* определённого этноса, имеющую выразительную специфику в своём наследовании и воспроизведении. Стоит отдать должное и *самоидентификации*, поскольку многие добродетельные люди, «живущие по правде» и по советскому обычаю не посещающие церковь, хоть и могут удовлетворить первому критерию, а иногда отчасти и второму, всё же не являются сознательными язычниками. В то же время не следует преувеличивать значение *организаций* как «коллективных субъектов» языческого возрождения. Их как проблему мы попробуем рассмотреть в следующей разделе, а здесь будет достаточно банального утверждения, что большое количество страстных язычников не относятся ни к одной общине, а в общинах, наоборот, всегда присутствует определённое количество «сочувствующих», колеблющихся в своей позиции.

Итак, в соответствии с первым критерием искомым ответом будут те люди, у которых неугасшее чувство единства с Природой воплотилось в более-менее сознательные формы мировоззрения и действия. Это предполагает придание большой важности интуиции и мистическим переживаниям, которые непременно в той или иной степени сопровождают общение с окружающей средой и её незримыми хранителями. Человек, с радостью приветствующий утреннее Солнце, кланяющийся восходящему Месяцу, относящийся к живым существам и «неживым» (с точки зрения обыденного восприятия) произведениям природных сил как к равным себе, - очевидно, добавив критерий самоидентификации и вычеркнув из неё сохранённый христианский минимум. В качестве примера такой личности можно было бы смело назвать уже упоминавшегося Богдана-Игоря Антоныча. Имея волю к творческому

---

¹ В оригинале: «Я – закоханий в житті поганин» (конечно, от латинского обозначения Язычества – *paganismus*, укр. книжное «поганство»).

упорядочению окружающего пространства, такой человек не по-хищнически пользуется благами Природы, но использует их *с умом и сердцем*. Для человека традиционного общества не существовало барьера между Природой и культурой, искусственно возведённого европейскими интеллектуалами. Если культуру в таком случае вообще можно было бы выделить, она представляла бы из себя желанное дитя и составной элемент Природы. К сожалению, *экофильность* в современной Европе и Америке являются плодом экологического бедствия, порабощения человека техническим «комфортом», непрекращающимся вырождением души и тела в городских условиях. Предтечей данного направления на Западе можно было бы считать Генри Дэвида Торо – американского философа, писателя и поэта-пантеиста, который на протяжении трёх лет прожил в отдалении от «цивилизации», в собственноручно построенной хижине на берегу Уолденского пруда (штат Массачусетс). Наиболее яркими представителями этого направления сегодня (помня о критерии самоидентификации) являются не общества по охране окружающей среды, а *экопоселения*. Их жители достаточно часто сознательно исповедуют Язычество или придерживаются *естественной духовности*, никак особо её не называя.

Проблема возрождения Традиции для Родноверия стоит настолько остро, что мы ещё не один раз затронем разные её аспекты в основной части работы. Тут попробуем кратко соотнести идентичность современных язычников с этим делом, собственно, определённое нами как «второе направление». Он предполагает, что, взявшись за реставрацию древней Веры, язычник ориентируется на этническую Традицию своего народа как в формах, так и в содержании. Это не исключает заимствований (см. пункт III.3), как не исключает и приоритета в реставрации содержания, основных мировоззренческих и духовных принципов по отношению к воспроизведению форм (но именно аутентичная форма часто позволяет наиболее адекватно воспроизвести содержание!). Напротив, придание приоритета форме – это дело *реконструкторов*, этнографических и фольклорных кружков, коллективов, участники которых могли бы быть верными союзниками родноверов, хотя сами они зачастую язычниками не являются (как и в предыдущем случае ими не являются члены организаций по защите окружающей среды). Данное направление, по нашему мнению, включает в себя также ориентацию на адекватные исторические источники, хотя, конечно, не запрещает и здоровое мифотворчество.

Сочетание обоих направлений создаёт наиболее долговечные и благоприятные условия для утверждения родновреческой идентичности, носитель которой не будет страдать от мелочных маразмов, гадая, кто он:

язычник или родновер, является ли Родноверие верой, религией или знанием и т.п.

В этом разделе, также стоит тезисно обозначить, кто *не является* современным язычником. Конечно, этот взгляд является субъективным мнением автора, в основе которого, впрочем, лежит достаточный опыт общения и наблюдения. Крайне не хотелось бы представлять себя в качестве «последней инстанции» или даже принимать роль наиболее компетентного судьи, поэтому рекомендуем воспринимать наши тезисы как ориентир к самостоятельному ознакомлению с темой.

Итак, современными язычниками не являются любители базарной «эзотерики», популярные маги, экстрасенсы и ведьмаки. Это не означает, что Язычеству следует отбросить эзотерику как «внутреннюю», мистическую составляющую этнической религии (притом, что такие знания, конечно, не продаются в «эзотерических магазинах») или магическое наследие традиционной культуры.

Современными язычниками не являются большинство сторонников New Age, к которым мы также относим «анастасиевцев» (поклонников творчества В.Мегре) и «инглингов» (прихожан «древнерусской православной церкви староверов-инглингов»), маниакальных искателей «древних знаний», которые, к сожалению, сегодня создают нелепый образ Возрождения. Это не означает, что это «пропащие люди», к которым нужно повернуться спинами. Наоборот, с ними следует работать и, возможно, даже серьёзнее, чем с обывателями.

Современными язычниками не являются исторические реконструкторы, толкиенисты, «ролевики». Это не означает, что мы не должны отдавать должное творчеству Профессора, который в суровом XX веке вдохновил многих людей ринуться в пламя Романтизма и Мифа.

Под большим вопросом остаётся Wicca, которая хотя и провозглашает себя «наиболее правоверным» языческим течением Запада и во многом ориентируется на кельтское традиционное наследие, тем не менее, не создаёт впечатления возрождённой этнической религии.

В нашу постхристианскую (и ещё с десятков пост-) эпоху те, кто искренне принял в качестве своего ориентира естественную духовность человека с опорой на вековые основания народной культуры, имеют уникальную возможность видеть в людях их сердцевину. *Все* представители нашего народа, кроме тех, кто уже подвергся невозвратной деэтнизации, - потенциально наши братья и сёстры по вере. Научиться видеть в них (случайных лицах на улице, соседях, близких, имеющих иные убеждения) зародок общего Огня, по мере возможностей помочь сохранить его в водовороте глобализации, - наше

насущное и главнейшее задание. Итак, было очерчено, кого *из современников* мы считаем язычниками; потенция к этому – в Сердце каждого.

II. Ордена, конфессии, кружки самодеятельности (проблема организационного оформления)

Перед любым общественным движением, стремящимся выйти за пределы подвала или аудитории, где оно зародилось, рано или поздно возникает проблема структурно-организационного оформления. Тем более, если это движение этнического (этнокультурного) направления: как воплотить в рамках организации то, что создавалось и взращивалось всем народом в его спонтанном и стихийном творчестве.

Стоит оглянуться на исторический контекст, в котором Владимир Шаян впервые поставил вопрос об организационном оформлении (не про личное исповедание!) Родной Веры в Украине и основал своей «Орден рыцарей Бога Солнца». Представим себе 35-летнего львовянина, творческого и талантливый, страстно переживающего о судьбе своей нации (чему никак не противоречит факт его членства в Коммунистической партии Западной Украины на рубеже 1920-1930-х годов), заинтересованного в то же время и в духовных исканиях. Он вынашивал «проект» Ордена уже в 1937 году, когда издал (или составил) одноимённый поэтический сборник «Орден Бога Солнца». На тот момент его уже окружала авторитарная атмосфера интегрального национализма с господствующими идеями Руководства (укр. Провід), Вождя, Нациократии¹ и т.д. Сочетание пафоса межвоенного элитаризма с видениями языческого ордена рыцарей, который якобы был при Арконском храме, породило первую организационную форму Родной Веры в модерной Украине.

Сколько людей она способна была привлечь? Сколько людей, в конце концов, она привлекла? В «Пробуждённой Энее» Г.Лозко по документам насчитывает 8-9 человек, принадлежность которых ко II Ордену (или II группе Ордена, созданной в Аугсбурге в 1945 г.) так или иначе можно установить. Что касается иных фамилий, фигурирующих в письмах Шаяна (среди них такие известные писатели, как Василий Барка и Иван Багряный), то здесь, вероятнее всего, отображены бытовые отношения, характерные для интеллигентской среды в лагерях для перемещённых лиц – без сомнения, там все друг друга к чему-нибудь «привлекали». На 1971 г., впрочем, ни один из посвящённых в Орден не проявлял желания продолжать его деятельность, которая, собственно, ограничивалась культурно-просветительской работой в среде украинской эмиграции и диаспоры.

---

¹ «Нациократия» - эссе Николая Сцыборского, опубликованное в 1935 г. в Париже и популярное в кругах украинских националистов. В нём рассматриваются разные политические течения первой половины XX в. и описывается политический идеал автора (собственно, нациократия), представляющий собой авторитарный этатистский национализм.

Насколько целесообразным было бы его возрождения в современном родноверческом движении? В то время, когда количество сторонников возрождённого Язычества измеряется не одной и не двумя тысячами, когда масса литературы (независимо от её качества и глубины) и информации на других носителях буквально штурмуют сознание обычных украинцев, создание небольшого «ордена» вроде организованного Шаяном, даже если бы он преследовал цель взрастить «чистейших», «лучших» рыцарей веры, - такой «орден» остался бы а) никем не замеченным; б) поднятым на смех или в) откровенно проигнорированным.

Кардинально иная ситуация могла бы быть с орденами духовными – закрытыми сообществами жрецов/волхвов, которые ставили бы перед собой задание целенаправленно и не отвлекаясь на посторонние явления разработать тот или иной аспект богословия, философии или обрядовой практики Родноверия. Такой орден не нёс бы какой-либо социальной функции и представлял бы собой организационную *надстройку* над общим течением этнической Традиции, утверждённую в личных исканиях язычников-интеллектуалов (или мистиков).

Среди близких к Родноверию организаций орденского типа можно назвать также одиозную «Церковь Нави» («Общество Нави»), созданную в апреле в 1996 г. на основе ариософии, неогностицизма, *неоязычества* (здесь именно неоязычества) и мистического гитлеризма в духе М.Серрано⁷⁶. Не имея никакого отношения к этнической Традиции, это сообщество, впрочем, интересно для родноверческой истории идей. В частности, среди заветов Нави, приводящихся в критической статье об организации, упоминаются «Учиться у жизни умирать. Учиться у смерти жить» (правда, с уточнением: «Евпатий Коловрат, сборник статей «Противостояние», о каких-либо отношениях с организацией [«Церковью Нави»] нам, правда, *неизвестно...*»). Статья датируется 2000 годом; эти же заветы стали дословно воспроизводиться в творчестве Велеслава Черкасова несколько позже (в 1998 г. была создана сама община «Родолубие»).

Организационную систему РУН-Веры¹ мы рассматривать не будем, поскольку она построена по достаточно типичным для США образцам эмигрантских религиозных общин.

Главной проблемой организационного оформления Родной Веры в Украине и России, по нашему мнению, является дилемма, какую же структуру выбрать – *централизованной конфессии*, либо *конфедерации общин*. На момент написания книги (2014 г.) дела обстоят таким образом, что в Украине значительно превалирует первая форма, в России – вторая. Пристально изучить

---

¹ Монотеистическая неорелигия, основанная Львом Силенко в США в 1964 г. и частично апеллирующая к славянскому Язычеству.

причины этого было бы занятием весьма интересным, однако в данной работе мы не можем совершить это в необходимом объёме. Тем не менее, попробуем рассмотреть проблему, какой она нам представляется, в следующих тезисах:

1. С конца 1980-х годов в УССР, а затем и в независимой Украине начали формироваться проекты возрождения Родной Веры. Некоторые из них оказались условно «удачными» и смогли организационно оформиться (их лидерами были Г.Боценюк, Г.Лозко и О.Безверхий, хотя последний мав в качестве идейного базиса РУН-Веру), некоторые – нет («Доброславие» законспирированного «Трипольского братства», «ягноверие» В.Рубана, а также проект Ю.Шилова и А.Шокало). За исключением Г.Боценюка, авторы родноверческих проектов относились к направлению интеллектуалов, занимавшихся поисками и утверждением украинской идентичности в истории, культуре, религии (это направление всегда имеет место, когда заходит речь о появлении нового государства национального типа). К нему в не меньшей мере относились (и относятся) С.Плачинда, Ю.Каныгин, И.Каганец с их синкретической ариософией.

2. Перед условно «удачными» проектами встал вопрос об официальной регистрации и соответствующем конфессиональном статусе. Интересно, что украинские родноверы «ответили» на этот вызов положительно, российские же – в основном, отрицательно, и сейчас многие российские родноверческие течения (численно превышающие украинские) не имеют государственной регистрации. В современном секулярном обществе сама форма конфессии (независимо от регистрации) для Родноверия является неизбежной, произвольным же остаётся выбор её структуры, идейной платформы, направлений деятельности и т.д.

3. Носителем наиболее традиционалистского¹ проекта в Украине оказалась киевская община «Православие» (Г.Лозко), которая в 2001 г. с рядом других общин добилась официальной регистрации Объединения Родноверов Украины (далее ОРУ). На рубеже веков под его влиянием и под влиянием российских тенденций, с увеличением родноверческого сегмента в информационном потоке начали возникать самостоятельные общины и язычники, не ассоциирующие себя с каким-либо сообществом. Появились центробежные силы, направленные на построение собственных проектов: В.Куровский, который перед этим имел определённые контакты с Г.Лозко, в 2003 году организывает собственное «Родовое Огнище Родной православной веры»

---

¹ Под «традиционалистским» в общем смысле мы будем понимать ориентацию на возрождение этнической традиционной культуры, осторожное отношение к источникам и адекватный богословско-философский дискурс. В тех случаях, когда речь идёт об интеллектуальном направлении, основанном Р.Геноном, это специально оговаривается. Детальнее см. раздел III.1.

(далее РО РПВ, после 2012 г. – РО СРВ); к нему присоединяется С.Пашник, до этого возглавлявший один из региональных центров конфессионально-оформленного проекта О.Безверхого; он же в 2007 г. оставляет РО РПВ и занимается созданием «Руського православного круга» (далее РПК). В конце 2000-х к более традиционалистским идеям приблизился и «Великий Огонь» Г.Боценюка, бывший участник российского «Круга Языческой Традиции» (далее КЯТ). Понемногу в Украине возникают общины российских родноверческих объединений (например, донецкая «Дикое поле», относившаяся к «Велесовому Кругу», была создана в сентябре 2008 г.; в 2014 г. её деятельность фактически прекратилась).

4. Украинские родноверческие объединения изначально приобрели вид централизованных конфессий, базирующихся на учении определённого лидера («верховного волхва»): Г.Боценюка, Г.Лозко, В.Куровского или С.Пашника. Все они, кроме первого, считают Владимира Шаяна своим предтечей. ОРУ и РО СРВ имеют свои «Символы Веры», управляются соответственно Священным Советом и Кругом Владык, в которых, конечно, нет никакого равного представительства от общин-участниц. Кроме того, эти конфессии регулярно проводят соответственно Соборы (с максимальным представительством общин-участниц) и Веча Православных Огнищан (имеющим скорее совещательные функции). Хотя ОРУ допускает большую вариативность обрядовых форм, изменений в официальном вероучении (= его развития) с конца 2000-х годов не наблюдалось. Если же такие изменения состоятся, очевидно, они будут нуждаться в формальной инициативе и утверждении «верховой волхвини». В РО СРВ вероучение изменяется динамичнее, но инициатива и право утверждения при этом принадлежат исключительно «высшему духовному руководству» конфессии (то есть супругам Куровским).

5. В 2000-х в Украине возникло несколько инициатив по объединению и интеграции усилий родноверческого движения. Форум (Вече) Украинских Родноверов в 2003-2009 гг. провёл 7 собраний^{93,127}, превратился в Собор Украинских Обычаевых Общин¹¹², который сподобился на установление кумира Перуна в центре Киева 24 августа 2009 г., проведение VIII Веча в 2010 г., после чего фаттически прекратил свою деятельность. Всеукраинская Общественная Организация Родноверов Украины (укр. ВГОРУ – «вверх») существует и сейчас – как информационный ресурс ещё недавно она действительно пыталась отображать новости всего родноверческого движения в Украине, но собственно как организация является более чем одиозной^{54,102}.

6. Конфессиональное разнообразие родноверческой среды мы считаем естественным – можно сказать, что такая форма плюрализма заступила

разнообразие региональное, бытовавшее во времена Язычества исторического. Позорным и абсурдным в то же время выглядит взаимное непризнание, нежелание сотрудничать и смешная борьба за монополию на духовность между лидерами разных организационно оформленных проектов. Неужели снова: где два украинца, там три гетмана?

Не так было в России. Много факторов повлияло на то, что построение централизованной родноверческой конфессии «снизу» или определённым харизматическим лидером в РФ было усложнено. Общины возникали либо вокруг творческих и талантливых личностей (Доброслава – А.Добровольского, Остромысла – В.Безверхого, Селидора – А.Белова, Велеслава – И.Черкасова и т.д.), либо путём объединения интеллигентов-единомышленников (так создавались общины КЯТ). Эти общины добровольно объединялись в конфедерации с обозначенной в общих чертах мировоззренческой платформой и равноправным представительством («Велесов Круг», КЯТ, Союз славянских общин Славянской Родной Веры [далее – ССО СРВ]). Попытки построения централизованных конфессий в России имели в качестве результата печально известные объединения – «Церковь инглингов» и «Схорон еж Словен» (далее СеС). Для регулирования межконфессиональных и межобщинных отношений было подписано несколько договоров: Коломенское обращение (2000 г., изначально 17 общин-участников)⁶⁹, в котором утверждалась верность Родноверия организационным положениям веча, декларировалось недопущение взаимной клеветы и др.; Битцевское обращение¹⁵ и Битцевский договор¹⁴ (2002 г.), разрабатывавшие дальнейшие положения межобщинного сотрудничества для КЯТ.

В августе 2008 года «Велесов Круг», ССО СРВ, КЯТ и СеС после очередного акта вандализма на одном из капищ начали процесс организационного сближения и создали консультационный Совет Четырёх объединений. Летом 2012 г. он превратился в Совет Трёх из-за отмежевания СеС. Совет принял ряд официальных документов, которые проводили грань между русским традиционалистским Родновериём и популярным околородноверческим дискурсом (Асовым, Левашовым, Трёхлебовым, Хиневичем, Чудиновым, Тюняевым, Шемшуком и т.д.). Вряд ли это можно сравнить с деятельностью христианских «вселенских соборов», на которых, кроме всего прочего, осуждали еретиков. В случае Родноверия речь идёт о принадлежности к этнической Традиции, либо производстве авторских текстов, никоим образом не связанных с культурным наследием домодерных обществ.

Итак, видим две разные стратегии, разные пути решения проблемы организационного оформления. Пытаясь объяснить причины того, почему в Украине победила первая, а в России – вторая, выскажем такие предположения:

1) В РФ собственно русские парадоксальным образом оказались в положении де-факто дискриминированного народа, большинство попыток «снизу» отстаивать национально-культурные права разбиваются о кремлёвские стены. Государство целенаправленно пытается «сплавить» этнические группы в аморфную массу «россиян», что закономерно вызывает оживлённый процесс консолидации тех, кто желает сохранить этническую и национальную самобытность. В Украине, которая всё-таки замышлялась как государство национального типа, с 1991 г. в официальном дискурсе в той или иной мере *безусловно* существует понимание украинцев как «титальной нации». Таким образом, несмотря на все вопли о «геноциде», «агрессии со стороны церкви», «угрозу русификации», украинские родноверы, очевидно, испытывают гораздо меньше нужды в немедленной консолидации перед лицом общей опасности.

2) Украинские родноверы – в большинстве своём патриоты и националисты – являются субъектами постколониального дискурса (его основоположниками, понятное дело, были диссиденты, и неудивительно, что Лев Лукьяненко, например, в 2009 г. подписал ходатайство к президенту о реконструкции языческого святилища на территории Национального музея истории Украины). Для многих из них до середины 2000-х годов, а для некоторых и сегодня самоутверждение украинцев как нации (причём, самоутверждение *в их понимании*) более важно, чем духовные искания и собственно духовность как сковородинское «Бог в теле и тело в Боге». Лучше всего это видно на примере «Мага Веры» Л.Силенко¹¹¹, в которой богословие, философия и духовно-мистическая основа сведена к критическому минимуму в пользу пространных рассказов о мифическом происхождении и судьбе украинцев.

3) В связи с последним также стоит указать на большой интерес к этноистории (этногенеалогии, часто мифической, - как развивалось «праукраинское» сообщество во времени и пространстве), чем к этническому Обычаю как таковому. Показательно, что Г.Лозко в «Украинском народоведении» уделяет гораздо больше внимания этнической истории, историческому Язычеству в этом же контексте, а в чисто этнографических главах ограничивается общими сведениями, которые можно почерпнуть в любом другом месте⁸⁷. С.Пашник рассматривает духовное значение о. Хортица именно в этноисторическом ключе¹⁰³. Руководители РО СРВ сосредотачиваются на откровенном New Age и производстве канонических текстов²⁹ в то время, как «Велесов Круг» публикует обработанные народные заговоры разной тематики²⁷, «отречённые книги» - крайне интересный для родноверов источник древнерусского Средневековья²²; один из идеологов КЯТ

Д.Гаврилов публикует собственную монографию, посвящённую мифологическому архетипу трикстера³⁵ и т.д.

Как следствие всего этого, украинские родноверы упорно отстаивают «правильность» отдельных концепций этнической истории и этнической судьбы, которые обычно имеют конкретных творцов (как В.Шаян, к примеру), что естественно разъединяет их в противовес тому, как этнический Обычай – действительно общая для всех основа – могла бы консолидировать всех, кто имеет желание отстоять самобытность себя и своего народа в вихре глобализации.

Ещё одной проблемой организационного характера для украинского Родноверия является его слабое представительство в Европейском Конгрессе Этнических Религий (ECER, действует с 1998 г.). Это могло бы быть компенсировано мощной инициативой создания «Родового Славянского Веча» (основано в Киеве в 2003 г.), однако в последние годы его съезды омрачились позорным личным конфликтом между украинскими и российскими родноверческими лидерами. Позиции обеих сторон доступны любому читателю в Интернете (русская¹¹⁷ и украинская⁵³ соответственно), поэтому выводы каждый может сделать самостоятельно.

Не так уж странно, что многие сознательные родноверы не выражают желания присоединиться к какой-либо общине, при этом уверенно придерживаясь языческого исповедания.

Попытаемся очертить те задания, которые теоретически должна ставить перед собой современная родноверческая община (на заметку и «одиночкам», и тем, кто собирается создавать/руководит уже существующей общиной):

1) Обычно первым заданием является привлечение родноверов данной местности к коллективному творческому труду. Как никак, дружные вороны гуся съедают¹. При налаженной разъяснительной работе многие «одиночки» начинают понимать преимущества общины перед индивидуальной верой, тем более, если это характерно для Традиции их народа.

2) Пропаганда и распространение информации про родноверческое движения в данной местности. Следует отличать, впрочем, здоровую пропаганду от агрессивного прозелитизма (проповедничества) по образцу христианских протестантских сект. Родноверие – религиозно-культурное направление, которое и так регулярно получает приток «свежей крови» за счёт уже известных нам исторических особенностей эпохи. Современное информационное пространство действительно вполне позволяет пропагандировать, не будучи настырным и надокучливыми.

---

¹ В оригинале: гуртом і батька легше бити.

3) Важность постоянной коммуникации внутри общины, возможно, понятна не всем. Однако именно живое общение не только способствует созданию приятной эмоциональной атмосферы, не только всё время производит новые идеи и проекты, но и превращает коллектив единомышленников или единоверцев в сообщество друзей и побратимов. Тут, впрочем, кроется особая опасность: община не должна превратиться в компанию «товарищей по рюмке», сорвиголов, клуб посиделок и т.п. Сообщество друзей и побратимов всегда должно представлять себе свою *цель*.

4) Поиск источников, которые позволили бы возродить актуальные элементы местного, локального Обычая: традиционную одежду, особенности праздников, кухни, народных методов лечения и т.д. Это возрождение, однако, не должно иметь характер слепой реконструкции; традиционное наследие должно осмысляться с точки зрения современного Родноверия и вплетаться в его контекст. С другой стороны, нельзя забывать, что именно Обычай и должен быть основой Родной Веры.

5) Со временем община может выработать в себе ряд тематических сообществ: например, богословское или философское, фольклорно-хореографическое или музыкальное, военно-спортивное, экологическое, сообщество по рукоделию, - где каждый общинник мог бы «найти себя», наиболее естественно проявляя свои личные качества и способности. Наличие политического звена в общине – крайне деликатный вопрос, обсуждать который здесь мы не считаем нужным. В конце концов, каждая община свободна в своём ответе на него.

б) Кроме распространения и развития Родной Веры, община может (а, скорее, *должна*) сформировать крепкую информационную сеть с определёнными хозяйственными (возможно, даже производственными) мощностями. В частности, такая община при необходимости общими усилиями могла бы предоставлять материальную, физическую, финансовую, экспертную юридическую помощь какому-либо из своих членов. В конце концов, именно так община из исключительно религиозного сообщества или компании общего досуга превращается в собственно *общину*.

То, как мы видим перспективы организационного развития Родноверия в Украине, будут изложены также в главе V. Тут же следует отметить, что община, осилившая все перечисленные задания и поставившая перед собой новые, была бы прекрасной основой для территориальной ячейкой для будущего общества. Того, что, в свою очередь, преодолело бы Постмодерн.

III. Проблемы идеологии

В этом разделе мы попробуем обратиться к наиболее существенным, по нашему мнению, проблемам родноверческой *идеологии* – идейного корпуса, лежащего в основе восточнославянского Язычества начала XXI века. Если до этого речь касалась преимущественно историко-философских моментов и вопросов организационных, то теперь мы подходим к областям схоластических упражнений и произвольного доктринерства со стороны различных лидеров «этнорелигиозного ренессанса». Таким образом, мы вынуждены сразу заявить о своей незаангажированности ни одной из предложенных сегодня родноверческих «доктрин», считая единственным правомерным ориентиром в деле возрождения то, что, собственно, и подлежит возрождению, – славянский Обычай.

1. Традиция и традиционализм

Выше мы уже опосредованно упоминали о Традиционализме как европейском интеллектуальном направлении, название которого пишем с большой буквы. В заголовке данного пункта под «традиционализмом» имеется в виду вся совокупность подходов, претендующих на то, чтобы провозгласить себя «традиционалистскими».

Итак, в «Пробуждённой Энее» Г.Лозко называет Традиционализм (в частности, его основных представителей – Рене Генона, Юлиуса Эволу и отчасти Мирчу Элиаде) одним из предтеч «панарийского ренессанса». Она добросовестно излагает положения «сформулированной в двадцатых годах [XX века. – В.Д.] Рене Геноном и группой его последователей полноценной концепции Традиции»⁸⁴, которых вполне достаточно, чтобы внимательный язычник насторожился. Бесконечная констатация «кризиса современного мира» и даже размышления о «надвременном синтезе всей истины человеческого мира» вроде как могут иметь (хоть и весьма опосредованное) отношение к проблеме возрождения и осмысления славянского Обычая, однако речи о необходимости воссоздания сословно-феодальной иерархии (а это красной нитью проходить сквозь большинство трудов Эволы), ресакрализации государства, обращения не к широкой общественности, а к ««обособленным людям», носителям Сакрального», мягко говоря, разочаровывают.

Хотя на самом деле удивляться нечему. Необходимо лишь более пристально посмотреть на исторический контекст, в котором возникло данное интеллектуальное течение – межвоенный период. В Европе – время последнего

возвышения идеализма как концептуального и ценностного ориентира, время упований на то, что антидемократический режим спасёт от безумной суматохи Модерна, поглотившей жизнь «цивилизованного» мира; в большой спешке *Священное* вытесняется на границы мировоззрения, но *масонский миф* и спиритуалистические практики достаточно распространены. Стоит упомянуть также, что и Генон, и Эвола принадлежали к тем «верхам» европейского общества (причём, второй – к наиболее рафинированной аристократии, у которой «век революции» отобрал все привилегии), которых мало интересовали этнография и фольклор собственных народов. Их намного больше привлекали «экзотические» обычаи колонизированных народов и, конечно, элитарные доктрины всех времён. Основываясь на них, «традиционалисты» разрабатывали своё учение, решительно антимодернистское и решительно элитарное. Отдельные положения этой доктрины (особенно эволаистской), касающиеся Духа и духовной практики, могли бы действительно заинтересовать родноверов и быть им полезными. Однако не стоит слепо «вестись» на речи тех, кто окружил себя ореолом «истинного понимания Традиции».

Обратимся к тому, что Г.Лозко оставила «за кадром». И у Генона, и у Эволы есть небольшие тексты под названием «Что такое традиция?» (у первого – в «Очерках по традиции и метафизике»³⁹, у второго – в концептуальном сборнике «Лук и булава»¹⁴²). В них кратко раскрывается суть их концепции, чем они пытаются помешать «неправильному использованию этого термина». Генон предостерегает от «вульгарного искривления» понятия Традиции, искривления, заключающегося, по его мнению, в отождествлении данного понятия с «обычаем» (!), «привычкой» и «смешения с теми вещами, которые принадлежат к нижайшему уровню человеческого существования и потому абсолютно лишены какого-либо глубокого смысла». Чуть ниже наталкиваемся на фразу, после которой заинтересованный родновер, кажется, должен был бы поблагодарить Генона за советы и оставить «традиционалистов» в покое: «В действительности случается даже, что понятие “традиция” применяется к вещам, которые по своему происхождению настолько враждебны традиции, насколько это вообще возможно: часто говорят о “гуманистической” или “национальной” традиции, не подозревая, что “гуманизм” возникает именно как отрицание всего сверхчеловеческого, а создание “национальностей” было именно тем средством, с помощью которого была разрушена традиционная социальная организация Средних веков». А что как не *национальную традицию* стремятся возродить родноверы? Даже если мы различаем этнос и нацию и наделяем именно первый большей ценностью, утверждение Генона вызывает отторжение. Особенно принципиальным это должно было бы быть для Г.Лозко, которая различия между этносом и нацией не проводит. Не менее

отторгающим, кажется, должно было бы быть для неё положение Генона о том, что «признак “трансцендентности” необходимо присущ области фундаментальных принципов традиции и распространяется на всё, что с этой областью связано». Трансцендентность волхвия считает одним из признаков «семитского монотеизма», который, по её мнению, находится в непримиримой вражде с «арийским политеизмом»⁸¹.

У Ю.Эволы в одноимённом очерке находим понимание Традиции как передачи «незримого присутствия», носителем которого является «человек, стоящий на вершине соответствующей иерархии, либо элита, которая в своих изначальных и полных формах не знает деления на мирскую власть и духовное господство». Размышления о трансляции сакральности сквозь эпохи только на первый взгляд имеет нечто общее с тем, что воплощается на практике родноверами. Ещё меньше с естественными целями Родной Веры имеет возвращение человека, который встал бы на «вершине иерархии», или альтернативной элиты (к сожалению, и представители Священного Совета ОРУ, и глашатаи РО СРВ⁸⁰ высказывали именно такие мысли).

Если Родноверие претендует на то, чтобы быть возрождённым *Язычеством* славян, универсалистско-трансцендентный Традиционализм вряд ли может быть ему подспорьем. Родноверие имеет своё понимание Традиции, ориентация на которое «незримо присутствует» в дискурсе и практике всех, кто опирается на комплексное возрождение этнического Обычая (то есть активно привлекает фольклорно-этнографические материалы и, так или иначе переосмысляя их, пытается вернуть к жизни). Это понимание, видимо, было позаимствовано из академической *этнологии*, причём скорее советской и постсоветской, чем западной. Оно основывается на понятии *традиционной культуры*, главные особенности которой в соотношении с культурой Модерна мы попробовали раскрыть в разделе I.1. Нетрудно заметить, что в этом понимании под Традицией имеется в виду линия передачи «низовой» культуры – той самой, что ярко сияет разнообразием местных вариантов и выразительной *этничностью* на практике.

Это проявляется, в частности, и во всепронизывающей *аграрности*, которая, конечно, является наследием не «элитарной» культуры. Даже в воинских культах обращение к Перуну совершается сквозь призму аграрных реалий: «Как ныне Ты уберёг луга наши и пашни, сады и леса от бури и града, вихря и пожаров, так помоги нам уберечь Украину...»³⁴. В таких культах воинское сословие рассматривается как защитники благ, а не как носители власти, что также опосредованно указывает на эпоху, к которой обращаются родноверы. Древнерусская «элита», какой мы её знаем по источникам, только появившись, приняла христианство, поэтому для родновера ориентироваться на

её практики было бы довольно странным. Славяне – не наследники Античности, где действительно существовала языческая «элита»; в конце концов, среди родноверов трудно найти потомка дворянского или шляхетского рода – в своей массе мы являемся потомками широких слоёв населения, крестьян и ремесленников. И прекрасно, поскольку именно в их образе жизни до конца XIX века сохранялся родной нам Обычай.

Модернисты и постмодернисты от социологии распространяют вполне определённый взгляд на традиционное общество: среди главных его признаков фигурируют «жёсткая общественная иерархия», «авторитарность» (в противовес современному «плюрализму»), «слабая мобильность населения», «стабильность и слабая изменчивость». Многие из этих признаков действительно можно отыскать в европейских и частично азиатских обществах, начиная едва ли не древнеегипетских царств. Но что делало их такими? Не рабовладельческая и феодальная ли верхушка, при отсутствии которой мы видим общинное *вече* и его традиционного потомка – *казачий круг*, *тинг* и *агору*? Не феодальная ли верхушка на протяжении всего Средневековья и раннего Нового времени способствовала «низкой мобильности населения» закрепощением крестьян, постоянными поборами на границах между феодами? Это при том, что сама она «низкой мобильностью» ничуть не страдала (вспомним «крестовые походы»). Технические возможности для «высокой мобильности» у широких слоёв существовали не только в эту эпоху (примером чего может служить «великое переселение народов» Евразии), но и в т.н. «примитивных обществах» Океании^{89,129}. По своему мировоззрению и идентичности европейская «элита», включая монархов, до XVI-XVII веков стремилась скорее к универсализму, ассоциируя себя с «христианским миром», но никак не с этнической самобытностью своих подданных. Насколько её практики вообще отличались этническим своеобразием и традиционностью, ярко и метко описано известным французским историком Жаком Ле Гоффом⁷⁷. Вопрос о «традиционности» христианской церкви в этой книге, очевидно, будет излишним. *Традиционность* закрытых маргинальных сообществ, которые на протяжении столетий действительно передавали своё понимание Священного, - духовных сект, среди которых на Руси в разное время действовали богомилы, жидовствующие, хлысты, молокане, духоборы и т.д.; последователей гностицизма, герметизма и неоплатонизма, в т.ч. розенкрейцеров, масонов и других субъектов «мирового заговора», - тема чрезвычайно интересная, но далёкая от нашей работы.

Итак, мы ставим под сомнение социологическое понимание *традиционного общества*. Вопрос о его «стабильности и слабой изменчивости» можем поставить иначе: каким должно являться соотношение между

Традицием (Обычаем) и «развитием», «усовершенствованием»? Попробуем ответить на него в контексте следующей главы: поскольку при возрождении Традиции некоторые элементы неминуемо подвергаются «модернизации», то каковы её допустимые границы; где заканчивается Традиция и начинается «новодел»?

В данный момент нас более интересует другое: кто является творцом и носителем этнической духовной Традиции? Обратимся к мысли М.Элиаде, которого часто причисляют к интеллектуальному движению традиционалистов, а в широких кругах он известен своими трудами по сравнительному религиоведению и, в частности, шаманизму: «...но ни идеология, ни мифология, ни обряды арктических, сибирских и азиатских народов не являются творением их шаманов. Все эти элементы предшествовали шаманизму или, по крайней мере, параллельны ему в том смысле, что являются плодом общего религиозного опыта, а не опыта определённого класса “избранных” экстатиков...»¹⁵⁰. Этот же вопрос мы дважды задавали в личной беседе Галине Лозко во время её приездов в Одессу в декабре 2012 и в июле 2013 годов. В первый раз волхвиня ответила вполне однозначно: сам народ; второй раз склонилась к тому, что заслуга создания элементов Обычая, в т.ч. фольклора, принадлежит «талантливым личностям», пусть даже из среды простонародья. Не отрицая ни существования «талантливых личностей», ни авторитета госпожи профессора, признаемся, что были искренне удивлены таким ответом. Ведь кому как не ей должны быть хорошо известны особенности устной передачи текстов: обычно в них присутствуют стойкие формулы, позволяющие легче запоминать и воспроизводить большие объёмы информации; кроме того, почти каждый рассказчик воспроизводит текст не механически, а творчески, привнося в него кое-что от себя – таким образом и творится огромное разнообразие фольклорных вариантов одних и тех же текстов. «Творцом», получается, может выступить каждый, чей, образно выражаясь, поток сознания журчит в ритме этнической Традиции, кто «подключён» к этой Традиции (в нормальных условиях – с молодых ногтей), является её носителем.

В эпоху тотального релятивизма мы не можем считать неправомерным следование любым концепциям, особенно по собственному желанию. Однако родноверам, если они желают быть *язычниками*, а не «нью-эйджерами» или маргинальным закрытым товариществом, транслирующим концепцию определённого Учителя, следует внимательно и бережно отнестись к пониманию Обычая, которое является для них приемлемым. Остаётся надеяться, что учение Генона не будет использовано никем из «верховных волхвов» в

попытках утвердить (легитимировать) свою «духовную монополию», - это было бы наихудшим его применением.

Размышления о традиционалистской школе Рене Генона также содержатся в разделе III.5.а и приложении 4 (рецензии на работу Askar Svarte “Polemos”).

2. «Куда мы едем?», или Как возрождать Традицию?

Для начала вернёмся к определению тех понятий, которые мы будем использовать в этой главе. Под Традицией (с большой буквы) мы понимаем механизм и линию передачи всей совокупности этнической «низовой» культуры (в т.ч. представлений, норм, практик), которая благодаря этому способу трансляции сквозь поколения называется также *традиционной*. Традиционная культура определённого народа – естественная среда для творчества и самореализации представителя данного этноса.

Сложно не заметить тот факт, что сегодня Традиция украинцев, как и многих других народов глобализованного мира, является *прерванной*. Причём, для каждого края можно более-менее точно датировать разрыв. Обычно он связан с массовым оттоком крестьян в города, индустриализацией, а также внедрением в самих сёлах советских общественных институтов (октябрята-пионеры-комсомол, колхозы) и соответствующих культурных моделей. Грандиозная «перетасовка» населения Украины произошла, конечно, и благодаря II Мировой войне: обрывались семейные связи, исчезали целые населённые пункты, оседание лишённых этнических практик (деэтнизированных) «советских людей» окончательно растворяло остатки традиционной культуры в городах.

Исходя из этого, наша цель выглядит вполне определённой – это возобновление *родового культурного наследования* (представлений, норм, практик), которые отличали бы нас и наших детей как сынов и дочек именно *этой*, а не иной Земли, как носителей живого Обычая, ветвящего свои корни во глубь веков. Однако если бы всё было так просто, то это простота могла бы послужить нашим критикам: мол, безумцы хотят возродить культуру и быт аграрного общества, вмиг перечеркнув последние несколько веков!

Не желая выслушивать и вычитывать подобного рода претензии, мы ставим вопрос иначе. Вместе с безусловным стремлением к разрешению цивилизационного кризиса, мы сосредотачиваемся на проблеме, *куда и как* двигаться из наличествующих здесь и сейчас условий? Что удастся возродить в первую очередь и что вообще нужно возрождать?

1. Поскольку потребительское общество неизбежно ведёт человека к всестороннему вырождению, первоочередным заданием язычников должно стать *возрождения ритма жизни*, свойственного их народу. Это и пробуждением если не с Солнцем, то уж точно не в полдень; и отход ко сну не в три часа ночи; вслушивание не столько у «транс» или «хеви метал», сколько в аутентичное славянское пение (обратите внимание: «правнукам поганым»¹ оно часто кажется неразборчивым, непонятым, хотя поётся тем же языком или диалектом); приближение своей повседневной одежды к традиционной – не только в плане узоров, но и в плане материала, покроя. Это осознание своего труда (если только это, конечно, *ваш* труд – который нравится вам и при этом не является присвоением труда других людей) в категориях хлеборобства или ремесленного дела. Это превращение расслабленного комфортом и ослабленного стрессами мещанина в *постиндустриального хуторянина*, чувствующего хозяйскую ответственность за свою квартиру (частный дом), свой двор, свою улицу и т.д.

Вместе с тем, Родная Вера имплицитно, внутренне и обязательно, предполагает руралистских (рустикальный) мотив, мотив *оселянивания*^{II}. Причём, это оселянивание означает совсем не отрицание техники, а наоборот, её уместное привлечение к новой мировоззренческой и этической парадигме, её «освящение». Сознательный родновер, переключившийся с поиска «тайных знаний» и отстаивания своей национальной идентичности на последовательное возрождение Обычая, должен понять: эпоха, когда города неуклонно стали разрастаться до химерических мегаполисов, - историческая аномалия, и её время уже истекло. Либо Украина (и шире – мир) вернётся в село, к «простым основам бытия» (как писал про село римский император-философ Марк Аврелий), либо погибнет в глобальном унифицированном месиве.

И ещё раз – не немедленный побег из городов в «родовые поместья», а постепенное возрождение себя как постиндустриального хуторянина, который и в городской суе обретает традиционное и человеческое, и далее – такое же постепенное самооселянивание. К сожалению, этого часто не понимают люди, недавно пришедшие к Родной Вере: перспектива оселянивания либо пугает их, либо кажется им несущественной для возрождения Язычества, либо же они слишком упорно бросаются её воплощать, что впоследствии может привести к разочарованию.

2. Ещё одно измерение для возрождения здесь и сейчас – мировосприятие. Эпоха перемен, в которую нам посчастливилось жить, достаточно благоприятна для того, что метко высказал Юлиус Эвола следующим образом: «Мы должны

---

¹ Выражение из поэмы Тараса Шевченко «И мёртвым, и живым, и нерождённым...».

^{II} Избегаем слова «окрестьянивание» из-за его этимологических коннотаций.

снова проснуться для обновленного, одухотворенного, терпкого переживания мира, но не отвлеченного и философского, а вибрирующего в нашей крови: для переживания мира как могущества, для переживания мира как ритуала жертвоприношения»¹⁴⁴. Именно острое и тёрпкое переживание мира, разлитого в нём *Священного*, с которым сталкивается человек, чем бы он ни занимался, - вот основа для этого мировосприятия. Что-то детское ощущается в чрезмерно сосредоточенном и бережном отношении к реальности, которое проявляют родноверы уже сейчас, - но разве не обращение к детской непосредственности и мировоззренческой чистоте (укоренённой в соответствующем восприятии мира!) против бедствий Модерна мы находим в том же «Маленьком принце» Сент-Экзюпери¹⁰⁹? Разве не к юности Запада взывает главная идея Неоархаики?

3. Возрождение мировоззрения в нашей последовательности идёт после возрождения мировосприятия, поскольку принятие концептуальной системы может не выходить за границы разума. По нашему мнению, недостаточно руководствоваться по жизни банальной установкой «мы не рабы» в противовес якобы «рабскому» христианскому мировоззрению (в нашем постхристианском мире очень немногие «христиане» действительно ощущают себя рабами Божьими), недостаточно носить коловрат на шее, недостаточно знать, что и в каких источниках написано про Родных Богов. Только на основе качественно другого способа переживания мира может быть выстроено концептуальное мировоззрение родновера. И наоборот, удачное соединение внесознательного и осознанного взрастит в родновере целостную и творческую личность, которая свежим дыханием широких просторов разорвёт затхлость общественного театра.

Первым «камешком» на мировосприятие ложится *пантеизм* – осознание вездесущности Божественности и пронизанности всего Ним. Язычеству не введома дилемма между утверждениями «Бог есть всем», «Бог во всём», к чему мы ещё обратимся чуть ниже.

Станем ли мы глупее, нелепее, если вместе с «научным» представлением о Солнце как центральной звезде нашей солнечной системы мы по-земному будем мыслить Его как Божество, которое на златогривом коне с блестящим щитом в руках ежедневно выныривает из-за неведомых пространств небосклона и погружается в них вновь? Между этими представлениями также нет дилеммы, поскольку они разными языками описывают одно и то же. Только наиболее заскорузлые и «осовременившиеся» люди могут мыслить благодатную чернь полей, морской прибой и поток Днепра, огонёк лучины и режущее неистовство лесного пожара, стон горного ветра исключительно в научных понятиях или пребывать по отношению к ним в потребительском

равнодушии. Понимание же стихий как живых существей, по меньшей мере, должно учить нас вниманию к окружающей среде.

Тут мы видим даже некоторую пользу от положений New-Age: в частности, вездесущие установки на «позитивное мышление», сознательное формирование своих намерений и образа себя в целом. Они кажутся гораздо более полезными для построения родноверческого взгляда на мир, чем бессмысленный лепет о своей противоположности христианству (которая, по сути, приговаривает к диалектической зависимости от него).

4. Лишь только после этого мы приближаемся к возрождению форм этнического Обычая – то есть материальной и обрядовой культуры наших Предков. Для этого от родноверов потребуются больше всего доброй воли и выносливости, поскольку высидеть над изучением этнографического наследия и до конца осознать целесообразность её возрождения желает далеко не каждый. Когда же такое осознание всё-таки происходит, родновер должен иметь в виду несколько существенных моментов насчёт этого этапа возрождения:

а) оно не должно быть голым реконструкторством, то есть либо традиционные формы войдут в его повседневную жизнь, либо к ним лучше вообще не обращаться;

б) за каждой формой должна следовать суть: если родновер не способен объяснить, *зачем* ему эта форма, не стоит надеяться на то, что понимание придёт со временем (впрочем, и такое может случиться);

в) возрождённые формы должны отображать специфику Края, в котором живёт родновер, либо откуда происходит его род;

г) современное мещанство легко поддаётся влиянию моды, поэтому стоит позаботиться, чтобы этнические формы делали из родновера не «местного сумасшедшего», а «законодателем» моды.

5. Родная Вера не должна остаться делом одного поколения. Тем не менее, в Украине за 25 лет непрерывного и открытого развития современного Язычества не сменилось *ни одного* поколения «верующих» (или лучше сказать: верных?). В движение приходили всё более молодые люди, но нам, к сожалению, известны лишь единичные случаи, когда бы дети сознательных и активных родноверов так же сознательно и активно переняли эстафету возрождения. Тем не менее, в связи с резким возрастанием численности движения вопрос о передачи его достояния рано или поздно должен возникнуть. И ответ, который даст на него время, будет и его приговором нам: либо претенденты на возобновление Обычая действительно будут иметь успехи механизм Традиции как непосредственной передачи этнической культуры от родителей к детям сработает, либо наши усилия останутся плодом

относительно небольшой группы искренних энтузиастов, ограниченной пространством и временем. А для того, чтобы сбылось первое, мы должны уже сейчас неуклонно руководствоваться мыслью, что только привлекательное для следующих поколений может иметь перспективу. Привлекательное в своём отпорном потенциале постмодернистским ужасам, привлекательное для тех, *кого* воспитаем мы. А кроме достойного наследия, которое было бы не стыдно передать, не менее серьёзное внимание стоит обратить и на воспитание, и на обеспечение общественной среды, которое взрастило бы продолжателей дела. Родноверы-родители сталкиваются и с другими критическими проблемами: несоответствием по силе влияния между семейной и «уличной» средой, интересами и увлечениями ребёнка, сформированными в деградирующей школе и посредством телевидения/интернета. С одной стороны, принято решать проблемы по мере их возникновения, с другой же, всегда легче иметь под рукой хотя приблизительно разработанные механизмы их решения.

Мы все понимаем, что наше Язычество не будет досконально воспроизводить систему, существовавшую до крещения Руси. Наш Обычай совсем не будет музейной реконструкцией этнической культуры украинских крестьян XIX века, кое-что в нём так или иначе подвергнется трансформации, даже если мы успешно завершим процесс самооселянивания в «экопоселениях» или «родовых поместьях». В связи с необходимостью привнести в Обычай кое-что новое, *развивать* Традицию (только не нужно понимать это «развитие» в смысле линейного прогресса!), возникает важный вопрос, которого не избежать: *где предел традиционности?* Где заканчивается Традиция, пусть даже дополненная нами, и начинается новое, никак не вписывающийся в этничность нашего народа?

Кажется, существует критерий, с которым можно было бы соотносить наши привнесения в Традицию – это *архетип*. Под ним имеем в виду универсальные для определённой культуры принципы построения текстов (повествований, молитв, песен и т.д.), изобразительной техники (в узорах вышивки, резьбе по дереву, любительской живописи), обрядовой логики, - список можно продолжать и распространять на все сферы, охватываемые этнической культурой. Эти принципы в каждом своём проявлении, в конце концов, отображают тенденции мышления и воображения данного народа и более того – специфику структур его коллективного бессознательного (архетипы в юнгианском смысле). В качестве примера приведём молитву на розжигание Огня из «Веды Огнебога» московской общины «Родолюбие»:

*Выходил Сварог на широкий двор — слава!
Звал Сварог сына Своего — слава!*

Ты приходи ко Мне, сын Мой — слава!
Ты приходи ко Мне, Сварожич Честной — слава!
Ты приходи ко Мне, Огнебог Ярой — слава!
Как на тот зов выходил Сварожич Честной — слава!
Сварожич Честной, Огнебог Ярой — слава!
Восходил Сварожич на дубову Краду — слава!
*Возносил Отцу Сварогу великую славу!*⁵⁹

Данный текст имеет современное происхождение и сочинён для обрядовых потребностей родноверов. Тем не менее, и сюжетный стержень («выход на широкий двор» - троекратный призыв – откли), и языковые обороты (смещённые ударения в словах *честной, ярой*) имеют вполне адекватные фольклорные корни.

Определённую пользу, безусловно, имеет соответствие историческим источникам – вряд ли полезно привносить в пантеон фигуры вроде «Вышеня» и «Крышеня» или вытеснять всё разнообразие вышитых узоров вариациями свастики. Но так же бессмысленно превращать богословие в герменевтику (истолкование) исторических источников о Славянских Богах. Опора на них совсем не означает ограничения ними, тем более для искреннего последователя Родной Веры.

Современное привнесение в Традицию должно быть *естественным* – легко вписываться в культурную целостность, возвращённую предыдущими поколениями народа, удачно заполняя пробелы в системе, которых, к сожалению, хватает с лихвой. Например, обычай зажигать свечку (вообще живой Огонь) во время трёх приёмов еды имеет реальные этнографические параллели в некоторых местностях, структурирует повседневность родновера, а для кого-то может оказаться важным, что он находит «отзвук» в «Велесовой книге»: «...огненную метель развеивает утром, днём и вечером. А посему благодарны ему за сотворённые брашна и пития...»⁸² («перевод» на украинский язык Г.Лозко, перевод на русский автора).

Конечно, не каждый «дядька с (современной) улицы» имеет моральное право на дополнение, развитие этнической Традиции. В первую очередь, это должен быть носитель этой самой Традиции (не «по происхождению», «по крови», а сознательный практик), более того – носитель здоровый, сильный и мудрый в соответствии с базисными добродетелями Родной Веры. Последнее ещё раз подчёркивает необходимость первоочередного возрождения ритма и способа жизни по Обычаю – того, что пробуждает в нас архетипичные принципы мышления и творчества, следовательно, даёт моральное и вполне нормальное право на развитие этнического культурного наследия, на

возобновления утраченной мировоззренческой целостности собственными силами.

Впрочем, бывает так, что и всего указанного выше мало, чтобы заполнить определённый пробел в родноверческом Учении чем-то адекватным. В таком случае большинство теоретиков и практиков из числа современных язычников обращаются к другим, родственным (а иногда и не совсем родственным) Традициям, и перед ними возникает проблема заимствований.

3. Между Брахманом и Зевсом: вопрос заимствований

Из-за того, что языческие Боги разных Традиций обнаруживают между собой функциональное, а иногда и генетическое сходство, их начали сравнивать ещё книжники античной эпохи. Геродот, описывая, скажем, верования скифов, всё время приводит в качестве аналогии их Богам своих, эллинских. Отсюда ещё и до сих пор в некоторых дилетантских произведениях можно найти упоминание об Арие/Арее как скифском Боге войны (от Ἄρης – известного имени *древнегреческого* Воителя).

Начиная с эпохи Романтизма, внимание многих европейских учёных привлекли возможности сравнительной мифологии, в частности, когда индийское религиозно-философское наследие во всём своём разнообразии не только стала им известной, но и начала активно применяться ими для собственных исследований. Уже у А.Афанасьева находим сопоставление Перуна с ведийским Индрой⁶. Расцвет этой интеллектуальной моды отображают труды Дж.Фрэзера, Ж.Дюмезиля, М.Элиаде, Дж.Кэмпбелла и др., в результате чего вырисовывается стройная система общей индоевропейской мифологии (а благодаря Дюмезилю ещё и структурированная в соответствии с «функциями» Богов).

Таким образом, В.Шаян, обратившись к такого рода исследованиям в 1930-х годах, оказался совсем не на пустующей ниве, более того – на щедро засеянной. Известно, что во время работы на кафедре санскритской филологии Львовского университета он занимался темой «Индра в Ригведе», делая акцент на тождественности Индры и славянского Перуна, благо слабо персонифицированный ригведийский образ Громовержца (в отличие от более поздних образов индийского наследия) действительно резонировал с туманной фигурой Перуна. В большинстве статей «Веры Предков наших» обнаруживаем попытки постичь индоевропейские Божественные архетипы через сходство Ахура-Мазды и Сварога, Ушас и Утрени (последнее имя собственноручно выведено, а кое-кто сказал бы – сконструировано – самим Шаяном), Спента-

Манью и Свантевитом¹³². Кроме того, Шаян прибегает и к третичной мифологической обработке: например, в мистическом произведении «О Перуне знание тайное» (в котором, к слову, без разбора задействованы Перун и Святогор, Брахман и Вритра) Заратуштра – совсем не легендарный творец «Авесты», а ницшеанский персонаж из известного философского романа⁹⁹. Таким образом, наиболее актуальными направлениями заимствований для Шаяна были раннеиндийская (ведийская), авестийская (из которой, кстати, он позаимствовал мировоззренческий дуализм) и частично древнегреческая Традиции. Целью заимствований было заполнение прежде всего *философских* и *теологических* пробелов при явном стремлении отыскать «общеарийские» варианты (в рамках концепции «панарийского ренессанса»), варианты как можно более «первичные», обобщённые. Это обусловило определённое пренебрежение спецификой отдельных Традиций, а также и местным Обычаем, сохранённым народом под «христианизированным» слоем (то есть Обычаем, известным из этнографии).

Переходя к проблеме заимствований в современном Родноверии, сразу оговорим, что в этом разделе не будем касаться откровенно эклектичных произведений А.Асова, А.Хиневича и иной околязыческой братии. Возможно, стоит лишь упомянуть об их домыслах как о примере типичной опасности при прямом переносе Божественных образов – речь идёт, конечно, о «Вышене» и «Крышене», высосанных соответственно из Вишну и Кришны (собственно, *позднеиндийских* Богов, которые, по мнению некоторых исследователей⁹⁷, не имеют непосредственного источника в праиндоевропейской Традиции).

Г.С.Лозко, следуя за примером В.Шаяна, также неумоимо обращается к индийской (и особенно ведийской) религиозной Традиции. Особенно это ощущается в труде «Коло Сварожье», один из разделов которой называется «Общие корни арийской и славянской мифологии» и даже содержит «Краткий словарь санскритских религиозно-философских понятий». Не менее интересный пример заимствований представляет из себя 4-е издание «Волховника: Правослова Родной Веры» (Тернополь, 2012 г.). Знаменательно, что его открывают замечательные переводы гимнов и молитв из 3-х доступных для перевода Вед и некоторых других индоарийских текстов, после чего родноверы-читатели имеют отличную возможность ознакомиться с элементами орфической и пифагорейской систем. Если бы на этом ознакомительный блог «общеарийского наследия» заканчивался, оставалось бы только сожалеть, что он не включает в себя тексты неоплатоников (и, в частности, Прокла), которые могли бы быть крайне полезны современным язычникам. Однако Г.Лозко из каких-то соображений помещает посредине этого блока фрагмент «Атлантического духовного наследия», во вступлении указывая: «В Атлантиде

жили атланты (великаны), которые сформировали высокоразвитую цивилизацию, где на протяжении долгого времени доминировала система естественных философско-религиозных знаний, являющихся истинными...», - и далее практически всё вступление пересказывает традиционный миф об Атлантиде, возвращённый Античностью и использованный в своих целях *теософией* (в «транскрипции», распространённой и сегодня). Такой составительский приём, по нашему мнению, выглядит более чем сомнительно, особенно если учесть, что «Изумрудная скрижаль» приведена почему-то совсем не по широко известному тексту Гермеса Трисмегиста, также фрагментарно присутствующий в «Волхвонике» под названием «Освящение Воды “Да будет твердь”» (первые две строчки которого, в свою очередь, оказываются дословным цитированием начала библейской книги Бытия)! Во всём этом интеллектуальном месиве, к сожалению, затушёвываются интересные попытки провести прямые параллели между Сварогом и Савитаром, Правдой и Дике, Велесом и Пушаном/Гермином, Долей и Тюхе (хотя славянская Богиня скорее вписывается в «женский» Триглав, схожий с Мойрами и Норнами, про что пойдёт речь в разделе III.6.3). Известно, что общины ОРУ применяют в обрядах прямые переводы ведийских гимнов без упоминаний о конкретных Богах, либо заменяя их на «соответствующие» славянские Имена. Пока не будут выработаны или отысканы собственные тексты, которые естественным образом займут место в целостной обрядовой системе, такой опыт заимствований при условии адекватного перевода, кажется нам достаточно удачным.

Тут необходимо сделать ещё одно важное замечание. Большинство родноверов прекрасно осознают, что славянские Боги и Богини так или иначе имеют аналоги в других индоевропейских мифологиях – индийской, греческой, скандинавской, иранской и т.д. Очевидно, что это аналоги восходят к одной и той же Силе Природы (в каждом конкретном случае), *отображённой* и *воплощённой* в определённой культуре, и что эти аналоги можно обобщить до определённого *архетипа*, выделив наиболее существенные признаки (Громовержец, Демиург, Великая Мать и др.). Не так очевидно, однако, что в конкретных Традициях образы Богов и Богинь проходили уникальный путь становления и, как правило, *не тождественны* своим аналогам в иных Традициях. Они могут быть более или менее персонифицированы, более или менее человекоподобны (антропоморфны), космичны (как в Индии) или историчны (как в Древнем Риме). Советуем обратиться к одной-единственной работе известного учёного и философа А.Ф.Лосева «Античная мифология»⁸⁸, в которой с максимально возможной доскональностью исследовано формирование и проявления образов Зевса и Аполлона (только их двух на несколько сотен страниц!), - лишь так можно увидеть всё их разнообразие. Есть

ещё один момент: распространённой чертой языческого мировоззрения является *генотеизм*, когда большее почтение оказывается одному из Божеств, и Оно перенимает (или охватывает, или разливается на) черты и функции иных Богов: так Зевс при всех очертаниях Громовержца известен также и солярными (солнечными) чертами, а Аполлон – хтоническими («тёмными», «подземными»).

Заимствования пронизывают не только родноверческие богословие и мифологию, но и очертания философии – как, например, у Велеслава Черкасова. Он вполне сознательно, не скрывая этого, почти десятилетие работал над применением опыта индийской философской школы Адвайта-Веданты к славянской Родной Веры. Результатом стала едва ли не первая целостная философская система в родноверческом движении. Заимствование прослеживается не только в учении об «узлах яри» на основе традиционного йогического (а не искажённого западными «нью-эйджерами») учения о чакрах; но и глубоких размышлениях о Божественной Природе, в частности, в её аспектах Бытия-Сознания-Блаженства (инд. *сам-чит-ананда*) – для примера см. IV главу произведения «Шуйный путь: Стезя Вещего Бога»²⁴. Дополнительно можно отметить, что и сама концепция Десного и Шуйного пути имеет, очевидно, тантрическое происхождение (*дакишинамарга* и *вамамарга* соответственно), а выразительно генотеистическое почитание Велеславом Мары-Морены включает и перенесение на Неё черт Кали, Дурги и других индийских «тёмных» Богинь, за что сам мыслитель не раз поддавался острой критике.

Лидеры КЯТа, будучи, в основном, представителями северно-российской интеллигенции, кроме традиционно «паниндоевропейского» подхода к заимствованиям, обращаются также и к языческому наследию финно-угорских и сибирских народов (в частности, к шаманскому опыту). При этом заимствуются скорее духовные «методы», применяющиеся к архетипическим представлениям и ритуальным действиям (трёхсоставное мироздание «по вертикали», порядок инициаций и т.д.). Велимир Сперанский в III главе «Книги природной веры» даже находит определённое противоречие между арийским («чрезмерно воинственным» на заре своей истории, а позже – «слишком аскетичным») и финно-угорским (в общем «жизнеутверждающим») языческими подходами к бытию и предпочитает второй²¹.

Как видим, современные информационные ресурсы предоставляют огромное количество возможностей для заполнения пробелов в славянском Язычестве путём творческого заимствования из родственных мировоззренческих систем. Однако здесь, как и всюду в деле Возрождения, необходимо проявить известную остроту ума и критическое отношение как к

источникам информации, так и к её «одомашниванию» на славянской почве. Уже сегодня мы наблюдаем примеры и бережного синтеза Традиций в пользу Родной, и нелепой эклектики, дискредитирующей и профанирующей наше движение.

4. Курьёзы этимологии

Интерес к «тайнам» языка наблюдается практически во всех родноверческих течениях – как украинских, так и российских. Само по себе стремление «вслушиваться в [родной] язык» более чем благородным, - на него указывали как наиболее перспективное направление интеллектуальных исканий такие выдающиеся мыслители конца XIX – XX веков, как Ф. де Соссюр, Л.Витгенштейн, М.Хайдеггер. Однако следует резко отличать эти «вслушивания» от попыток высосать из языка несвойственные ему смыслы, искажая таким образом и метод, и сам язык, - деятельности всех тех, кого обобщённо именуют *лингвофриками*.

С одной стороны, действительно чрезвычайно интересно исследовать, какие группы слов (с их корнями) «сосредотачивают» вокруг себя имена славянских Богов: Велес/Волос имеет явную связь с «волей», «властью», «веление» и «величием»; Стрибог (только если не видеть в нём «старого» Бога, а следовать за контекстом «Слова о полку Игореве») – со «стрелой», «стремительным» и т.д. Размышляя о подобных словесных «пучках», можно лучше ощутить ту или иную архетипическую Силу на пересечении тех значений, в которых она воплощается в нашем языке.

С другой же стороны, произвольные манипуляции со словесными элементами других Традиций ведут разве что к загрязнению сознания манипулянта. Так зарекомендовали себя маниакальные поиски корня «-ра-» (истолкованного, по египетскому обычаю, как «свет»), ещё относительно понятные касательно слов *радость* (то, что корневая основа тут – «рад», а «-ость» - суффикс, можно проверить по словам *жалость*, *вялость* и т.д.), *радуга* или *радение*, однако совсем смешны по отношению к «дураку»; так в народно-двоеверческой песне «Купала на Яна» вместо полонизма еврейского происхождения вдруг возникает китайское обозначение «мужской энергии».

Существуют, впрочем, и очень достойные примеры родноверческих «языковых исканий». Настоящим мэтром в них был, в частности, Владимир Шаян, чьи исследования об именах Сварога и Свитовида однозначно вызывают уважение. Особенно интересны его попытки отыскать первичную славянскую (и праиндоевропейскую) форму имени Богини Зари – в качестве которого он

предлагает имя *Утренняя (Устра)*, однако ближе к концу статьи из этого же имени почему-то начинает выводиться имя Велеса, что может вызвать лишь удивление.

Творец РУН-Веры Лев Силенко также пытался заниматься «археологией языка», но, к сожалению, не обладал для этого ни соответствующей квалификацией, ни элементарных задатков. Выразительной иллюстрацией к этому будет такая цитата из «Мага-Веры»: «Слово “похорон” напоминает мне своим окончанием слова “электрон”, “барон”, “неврон”, “Харон”» («41-й день»). Режет глаз и прямое копирование священных фразеологизмов из той среды, в котором Л.Силенко вырос – иудеохристианского: стоит вспомнить, например, «лоно отца Оря» (там же) как обозначение места пребывания тела покойного.

Огромное количество домыслов и трезвых споров вызывают филологические исследования «Велесовой книги», которых мы не смеем даже касаться, поскольку в той суматохе, вероятно, могут разобраться только те, кто активно принимает в ней участие. Заинтересованных же отсылаем к последним изданиям данного текста под редакцией Г.С.Лозко, которые всегда снабжены теоретическим комментарием к проблемам «перевода» и толкования.

Настоящим курьёзом выглядит деятельность «староверов-инглингов» (подкреплённая такими личностями, как М.Задорнов и С.Алексеев), которые буквально заполнили виртуальные и печатные потоки информации удивительными попытками толковать обычные слова русского языка, будто бы они были тайным шифром. Это занятие вряд ли было настолько знаменательным (иногда от него даже есть относительная польза: толкование слова «любовь» как «Люди-Бога-Ведают» выглядит вполне привлекательно), если бы именно таким методом веками не пользовались бы иудеи-каббалисты, во-первых, чтобы изучать мир и влиять на него в соответствии со своими представлениями о писанном Слове, а, во-вторых, чтобы вполне практично передавать длинные фразы сокращённым образом. Метод этот в Каббале называется *нотариконом* и суть его точно та же, что и у «инглингов»: каждая буква или слог представляется элементом аббревиатуры, которую можно расшифровать. Выводы из такого сравнения оставляем на совести читателя.

Итак, какие ошибки (в основном, логического характера) наиболее распространены среди родноверческих «этимологических/лингвистических исследований»? Рассмотрим несколько из них:

а) Деление слов на неестественные частицы и/или приписывание естественным частицам фантастических значений (так, иные умники научились толковать слово *язычник* в негативном качестве «безъязыкий», считая, что

суффикс «-ник» - это отрицание; в таком случае, интересно, как должны толковаться слова *мечник*, *ратник* и особенно *странник*?);

б) Попытки «перевести» слово или его частицу схожим по написанию или произношению словом другого языка (сюда относится, в частности, и многострадальное «Ра»);

в) Попытки толковать буквы или слоги в качестве самостоятельных слов (древнерусский алфавит – действительно интересный, хотя и распространённый в древнем мире, пример, когда каждая буква имеет своё «название», а сам алфавит представляет собой своеобразный текст, однако чтобы правильно понять эту особенность, нужно быть по меньшей мере квалифицированным филологом).

И всё-таки грамотные языковые и этимологические искание могли бы пригодиться Родноверию. Есть несколько примеров, куда можно было бы удачно вложить энергию и силы вместо всех потуг лингвофриков.

Первый пример: большинство современных учёных считают, что Лада и Леля не присутствовали в качестве Богинь в историческом Язычестве славян, а являются «выдумками» исследователей-романтиков XIX века, поскольку упоминаний о них в исторических источниках нет, присутствие этих фигур аргументируется частым упоминанием этих имён в весенне-летнем фольклоре¹⁶. Более того, Леля такими учёными «выводится» из заимствованного иудеохристианского возгласа «аллилуя» («Ой, Леле, Леле...») путём его народной «трансформации», как случилось с византийской молитвой «кирие элейсон» («Господи, помилуй»), на месте которой возникла «куролеса». Опровержением такого рода академического непотребства стоило бы основательно заняться.

Второй пример: доказательство хотя бы гипотетической историчности названий *Явь*, *Навь* и *Правь* для обозначения трёхсоставной «мировой вертикали» у наших Предков (их историчность является недоказанной, поскольку сами названия известны, главным образом, из «Велесовой книги»). С *Явью* всё более-менее просто – признание окружающего нас мира миром *явлений* (феноменов) гарантирует родноверам солидный пряник от феноменологов, адептов популярного от начала XX века философского направления (основатель – Э.Гуссерль), к которому обращался, кстати, и В.Шаян. *Навь* восходит к словесному «пучку», который в восточнославянских языках связывается со смертью и мертвецами (Навский Великдень, нявки-мавки и т.д.). А вот с *Правью* всё сложнее. Если в этой триаде Явь и Навь понимать как пару противоположностей, а Правь – как то, что их уравнивает (Вселенский, Божественный Закон), ситуация проясняется. Вселенский Закон известен и в других индоевропейских Традициях: это *rta*

(*Puma*) в Индии, *Aua/Arma* в Иране и т.д. Слово *Puma* однозначно родственно английскому слову *right*, так же означающему «закон». Но естественным переводом *right* восточнославянскими языками будет *право, правда* во всех существующих значениях, что и даёт необходимый результат. Однако это лишь наброски, обоснованием (или опровержением) которых должны заняться специалисты.

5. Родноверческие мифы

а) Предтечи наши. В разделе I.3 мы уже касались распространённой в украинском родноверческом движении проблемы – навязчивого желания зачислить в свои «предтечи» все знаменательные фигуры национального пантеона (Т.Шевченко, И.Франко, Лесю Украину и др.). Мироззрение этих, без сомнения, гениальных людей, очевидно, был настолько многогранен, а фигуры эти сегодня настолько канонизированы, что судить о них мы предоставим специалистам. Вместо этого обратим внимание на некоторые личности, известные в более узких кругах, но которые так же стойко ассоциируются с предтечами современного Язычества – как общеевропейского, так и украинского.

Фигура первой величины среди них – естественно, выдающийся философ конца XIX века Фридрих Ницше (1844-1900). Язычники уважают его, в первую очередь, за произведение «Антихрист(ианин)», хотя далеко не все заглядывали внутрь, а тем более вчитывались в такие его тексты, как «Генеалогия морали» или «Так говорил Заратустра». Заглянув же в них, можно увидеть, во-первых, характерную для философа неоднозначность и провокационность идейных выпадов (на протяжении всего своего творческого пути он будто бы сдвигался по кругу, избегая позиции однозначного центра); во-вторых, достаточно чёткое размежевание христианства и Христа. Складывается впечатление, что мыслитель, подходивший к религии с позиций этики, с уважением относился к самому Христу, считая, что тот «учил, как жил, и жил, как учил». Вместе с тем, глубокое отвращение у него вызывали последователи «святого», подменившие, по мнению философа, ценности: слабый стал приравняться к «доброму», «праведному», а сильный, прямой, гордый – «злому», «грешному». Именно против этого обращал Ницше жало своей критики и провозгласил знаменитую «переоценку всех ценностей». В его первом известном труде, «Рождении трагедии», можно найти пассажи, которые действительно могли бы сойти за примеры современного языческого богословия, однако в дальнейших своих исканиях философ значительно отошёл от этих настроений, лишь образ

Диониса волновал его на протяжении всей жизни и, в конечном итоге, стал для него фатальным. До умопомрачения увлекаясь Античностью, Ницше всё же не был традиционалистом. В том же «Заратустре»⁹⁹ (как и во многих других произведениях) накануне «столетия революций» он высказал воистину революционное: каждый человек волен не наследовать ценности, не «тянуть на себе прошлое», а *творить свою собственную систему ценностей*. Очевидно, это утверждение не подходит для движения традиционалистского характера, если Родная Вера рассматривает себя в качестве такового. Кажется, в данном случае мы всё же можем принять его, несколько перефразировав: живя в мире, где не только Бог, но и Истина *мертвы*, мы вольны *создать Истину* – такой, какой мы искренне желали бы его видеть.

В предыдущих главах мы также касались такого интеллектуального течения, как Традиционализм. Один из наиболее выдающихся его представителей – Юлиус Эвола (1898-1974) – в тридцатилетнем возрасте издал труд с громким названием «Языческий империализм», за что почитается нашей братией и поныне. Однако более внимательный знаток творчества барона вспомнит о статье «*Против неоязычников. Недоразумения относительно “неоязычества”*»¹⁴³ (1942 г.), в которой мыслитель уже сожалеет о том, что использовал термин «язычество» в качестве центрального лозунга упомянутого труда. Конечно, Эвола не стал христианским апологетом, наоборот, он пишет и о «превосхождении некоторых аспектов христианства», и про роль дуализма трансцендентного и имманентного в историческом Язычестве. Зато острой критике подвергаются попытки возродить Язычество как партикулярное (обособленное от универсального, в т.ч. местное, локальное), обращённое к простым радостям жизни мировоззрение. А не такой ли позиции придерживаются многие из украинских родноверов – приверженцы ОРУ, РО СРВ, РПК и другие?¹ Как и любой другой мыслитель, Эвола прошёл довольно долгий путь в развитии своего учения, и на 1942 год отдавал предпочтение концепции католицизма в широком значении этого слова (как «вселенскости» = универсализму) в противовес партикулярному возрождению этнических Традиций.

Одного из наиболее известных историков религии XX века Мирчу Элиаде (1907-1986) обычно относят к «мягким» традиционалистом³³, т.е. тем, кто работал над проблематикой Традиции, не сильно отрываясь от академических канонов. Для современных язычников его личность важна тем, что ему удалось на огромном количестве примеров представить Язычество разных народов как самобытные и развитые системы, мало в чём уступающие, а в кое в чём – и

---

¹ Судя по отзывом на первое, электронное, издание данной книги, следует добавить: такую ориентацию украинских родноверов мы считаем *естественной и правильной*.

превосходящие христианство. Такие взгляды действительно пронизывают такие труды учёного, как «Йога. Свобода и бессмертие»¹⁴⁷, «Миф о вечном возвращении»¹⁴⁸, «Мефистофель и Андрогин»¹⁴⁹. Однако в написанном в 1937 г. памфлете «*Почему я верю в победу легионерского движения?*»⁵⁰ Элиаде достаточно резко заявляет: «Я верю в эту победу, поскольку прежде всего я верю в победу христианского духа». Вся румынская разновидность фашизма представляется ему попыткой «христианской революции», обращённой, в частности, и против основ Модерна. Впрочем, академизм последующих веков его жизни больше не позволял выражаться ему так категорично – с любой стороны.

Такие же мировоззренческие трансформации можно найти и у «предтеч» украинского Родноверия. В «Пробуждённой Энее» Г.С.Лозко упоминает Ореста Зыбачинского (1912-1993), организатора повстанческих походных групп сначала на Буковине («Буковинский курень»), а затем – на Левобережье и даже на Донбассе. Глава ОУН на Буковине Пётр Войновский в своих воспоминаниях «Моё высочайшее счастье»³² пишет, что Зыбачинский ещё в 1936 году «стал отступником от веры Христовой, а обратился к язычеству, к Дажбогу и Перуну». Во время войны он собрал вокруг себя группу по-язычески настроенной молодёжи, клятву которых Войновский приводит в тексте мемуаров. С наступлением Красной армии Зыбачинский эмигрирует за границу, где проживает вплоть до своей смерти в 1993 году. Упоминание о нём остаётся не вполне честным, пока не добавить, что в эмиграции Зыбачинский повторно «обратился» к мистическому христианству, на основе которого пишет такие произведения, как «*Меч духа*»⁵⁶ и «*Воля к свободе*»⁵⁵.

При этом довольно странно, что среди «предтеч» практически не упоминается Богдан-Игорь Антоныч (1909-1937), прекрасный лемковский поэт-пантеист и сюрреалист, а также Илья Тёрох (1880-1942), галицкий поэт-эмигрант, который в конце 1930-х годов в США написал чисто языческую поэму «*Сварог*»¹¹³, где представил свою версию целостной мировоззренческо-религиозной системы древних славян. Возможно, лидеры украинского родноверческого движения оминают его вниманием из-за того, что Тёрох относился к москвофильскому направлению галицких интеллектуалов и эти же взгляды сохранил в эмиграции.

Как видим, жизнь, а тем более – развитие внутреннего мира отдельных людей, оказывается не таким однозначным, как нам, быть может, того хотелось. Поэтому уважая их вклад в историческое преобразование нашего дела, не стоит забывать, что чем больше почёта заслуживает такая фигура, тем более многогранной оказывается её личность.

б) Жидомасонский заговор. Конечно, этот миф – не исключительно родноверческий, он сформировался независимо и задолго до появления современного Язычества. Однако тема «жидомасонов» настолько укоренилась в родноверческом дискурсе, что, судя по личному опыту автора, более половины родноверческих собраний не обходится без упоминания о ней.

По иронии судьбы, европейское антииудейство (понятие *антисемитизма* мы не считаем тут корректным, поскольку упомянутая тема не распространяется на все семитские народы) возникло вследствие христианских представлений о «богоубийстве», содеянном иудеями. После того, как во время Иудейских войн II Иерусалимский храм был разрушен, евреи должны были рассеяться (в основном, в границах римской *ойкумены* и её окрестностей) и искать экономическую «нишу» в европейских обществах, которую они могли бы заполнить. Эта «ниша» обычно находилась в мелкой и средней по обороту финансовой сфере (в первую очередь, ростовщичестве), что постоянно провоцировало вспышки антииудейской агрессии, подогретой религиозными мотивами – как «сверху» (в Интернете можно легко отыскать хронологический список систематических гонений на евреев в европейских монархиях⁶²), так и «снизу. Особенно характерно последнее для Украины, где именно евреи были тем социальным «злом», с которым непосредственно сталкивались обездоленные массы, - ростовщиками и управителями поместий. Что касается их «исторической роли» на протяжении столетий, то стоит вспомнить, что до конца XVIII – XIX вв. для того, чтобы попасть в европейские «верхи» (и быть «вершителем истории»), необходимо было по меньшей мере формально быть христианином. Конечно, тут могут быть пространные размышления о том, что евреи для этого специально становились выкрестами, но это не изменит того факта, что современное антииудейство – также плод Модерна. Именно секуляризация и весь комплекс *Modernity* в целом открыли евреям дорогу «наверх», а мистификации вроде «Протоколов сионских мудрецов» (появились на рубеже XIX-XX вв.) щедро удобрили почву коллективных кошмаров насчёт их мирового господства.

Точно так же на рубеже XVIII-XIX веков, с началом Модерна, антииудейский миф обнаружил тягу к соединению с мифом антимаасонским. Масонство – относительно недавнее явление, хотя сами его адепты нередко распространяют мысль о своём происхождении от строителей храма Соломона. Впрочем, это не означает, что подобные утверждения верны, так же утверждения Богумила II Голякова о владении «поморским наследием» не означают, что его «опусы» действительно имеют хоть какое-то отношение к Традиции поморян. Судя по имеющимся данным, масонство возникло на рубеже XVII-XVIII веков, и если пытаться проследить его идейные истоки, то

можно обнаружить связь с гностицизмом, неоплатонизмом, некоторыми христианскими эзотерическими «ересями» и, конечно, с алхимией и розенкрейцерством, которые и оказываются его прямыми предтечами. Глубокий и тщательно задокументированный историко-антропологический анализ масонства можно найти в труде А.М.Пятигорского «Кто боится вольных каменщиков?».

Влияние масонов на Модерн двойственно. С одной стороны, не подлежит сомнению их вклад в европейское Просвещение; масонские ложи были структурной основой и для тайных организаций, имевших целью выступление против российского самодержавия (это касается и декабристов).

С другой стороны, к началу XX века в Российской империи масоны действительно угнездились в той части «верхов», которая симпатизировала конституционной монархии или даже республике с имперскими амбициями, но точно не относились к крайним «низовым» революционерам. Впрочем, после утверждения власти большевиков их противники быстро прицепили к ним «жидомасонское» клеймо, что в описанном контексте выглядит довольно-таки абсурдным. В Украине сформировалось представление, что на фоне этого взаимного клеймирования только украинские национально-освободительные силы не принадлежали к масонству. Однако и этому находим опровержение в воспоминаниях одного из главных представителей этих сил, Владимира Винниченко: «В конце октября сего [1920] года в Парижских газетах появилось откровенное письмо бывшего секретаря Гетмана Скоропадского, бывшего маленького полицейского чиновника в эпоху Временного Правительства, Моркотуна. В этом письме Моркотун оглашает некоторые интересные и никем не опровергнутые данные о “Верховном Атамане” Петлюре. В первую очередь, мы узнаём, что “социал-демократ” С.Петлюра был одновременно членом масонской ложи под главенством “шефа” этой ложи... Моркотуна, полицейского мелкого чиновника и секретаря Скоропадского; что С.Петлюра “на коленях” принимал присягу на верность “братам” Моркотунам; что шеф Моркотун давал указания С.Петлюре явиться туда-то и сделать то-то, когда он был уже “Верховным Атаманом” и членом Директории...»³⁰ (том III, с. 163).

В конце концов, такая широта утверждений касательно масонов вполне возможна вследствие их неоднородности и внутренней противоречивости самой их среды. «Масон масону рознь», короче говоря. Заинтересованным в данной теме и желающим критически проследить историю жидомасонского мифа советуем ознакомиться с монографией Иоганнеса фон Биберштайна «Миф о заговоре»¹²⁴.

Излагать современный жидомасонский миф здесь не считаем целесообразным – уверены, что читатель и так с ним знаком. Выскажем лишь

общее отношение к нему. Очевидно, что в современном мире господствует несправедливость и что с этой несправедливостью нужно активно бороться. Однако эта борьба не имеет ничего общего с поиском виновных в ситуации, когда наши знания о «верхах» ограничены и, к тому же, регулируются стереотипами, поступающими из подконтрольных этим же «верхам» СМИ и Интернет-хаоса. Уместным здесь будет известное высказывание из анархистской среды: «Если я скажу вам, что никчёмная группа людей правит миром и эксплуатирует трудящихся, вы назовёте меня левым. Если я скажу вам, кто эти люди [в другом варианте: какой они национальности], вы назовёте меня правым». Споры по поводу того, кто является это «никчёмной группой людей», ситуации никоим образом не меняют и идут на пользу не борцам всех мастей, а ей самой, какой бы она ни была.

Для Родноверия, в частности, мы видим выход исключительно в том, чтобы *закрыть эту тему*, просто взять и запретить разговоры о «жидомасонах» на родноверческих собраниях. Делать своё дело это нам никак не мешает, но и заставит нас сконцентрироваться именно на ней, не растекаясь «мыслею по древу».

в) Правь славим! Переходя к собственно родноверческим мифам, начнём с того, который интерпретирует одно из названий нашей Веры. Читатели несомненно слышали о том, что термин «православие» - якобы языческого происхождения (от слов «славить Правь», горний мир Богов), а христиане восточного обряда вроде как начали использовать его не ранее XV века. Вероятно, этот миф появился в среде украинских родноверов на заре её существования, поскольку община, основанная Г.С.Лозко в 1993 г. уже называлась «Православием». Богумир Мыколаев в «Требнике Родной Православной Веры» излагает этот миф так: «впервые слово “православие” встречается в “Послании митрополита Фотия Псковского” от 1410-1417 гг., то есть через 422 года после введения христианства в Киеве. А словосочетание “православное христианство” и того позже, в Псковской первой летописи от 1450 года, через 462 года после крещения»⁹⁴. Этот факт, вырванный из контекста, даёт родноверческим теоретикам прекрасную возможность доказать обычным «христианам» (тем, что ходят в церковь лишь на Пасху и то – с языческими дарами) самобытность и независимость от христианства этого обычного для восточнославянского уха имени – «православные». Правда, обходятся вниманием такие источники, как, скажем, «Летописец еллинский и римский»⁷⁹, где также «православная [греческая] вера (с. 319), а первая редакция его датируется серединой XIII века. Развитый на этой почве миф уже успел перекочевать даже в научные издания – см., напр., учебник «Украинская этнология» Б.Савчука¹⁰⁸ (с. 479).

Но не стоит выдвигать этот аргумент в дискуссиях со священниками или «продвинутыми» верующими: им достаточно легко будет доказать вам, что греческое слово «ортодоксия» может равно переводиться как «правоверие» (правильная вера), так и «православие» (то есть правильный способ славения, а не славление Прави). Дело в том, что древнегреческий язык, как и многие другие древние языки, допускает большое разнообразие в значениях слов, а такие абстрактные понятия, как «докса», «архэ», «эйдос», имеют до десятка значений. Чтобы убедиться в этом, можем обратиться к древнегреческому словарю И.Х.Дворецкого¹, который для удобства был переведён в электронную форму и выложен в свободный доступ. Среди значений слова «δοξα» - «мысль», «убеждение», «чаяние», а также (под номером б) – «слава»; «веры» среди значений вообще нет, но с ней непосредственно связаны «убеждение» и «представление». То, что в XV веке среди попов возникла мода на другой перевод слова, чем было принято до этого, совсем не означает, что само слово было «спёрто» у язычником Руси, публичные обряды которых были окончательны пресечены также около XV-XVI веков³¹. Другое дело, что сами понятия «права» и «славы» - безусловно, местные и самобытные, ведь церковники должны были ещё подобрать местные аналоги греческим понятиям. Таким образом, эта тема должна очень осторожно разрабатываться родноверами-энтузиастами, владеющими древними языками и навыками анализа летописей.

Миф о языческом «православии» может быть полезен разве что для того, чтобы вчерашние «христиане» не чувствовали сильного дискомфорта от смены религиозной самоидентификации.

Интересно то, что некоторые язычники (приверженцы явного многобожия без пан- и генотеистических уклонов) уже начали критиковать «православное Родноверие» через его односторонность – якобы слава возносится лишь Прави, а не Трёх-Мирам, да ещё и (какой ужас!) иные Традиции, талмудическая в частности, также имеют подобные представления о горнем мире¹³⁰. Кроме того, сторонники «тёмного Язычества» («чернобожники») выработали обратный термин «навославие», который кажется вполне логичным развитием темы.

г) **Славим, а не просим!** Ещё одно расхожее утверждение родноверов о Родноверии заключается в том, что «мы Богов не просим, а только лишь славим». Скорее всего, его источником является дощечка 24-Г «Велесовой книги»:

*И вот славим Богов,
никогда их не прося,
ибо славимся силой Их...*

(«перевод» Г.Лозко, пер. с украинского – В.Д.)

Вполне понятно, что многие родноверы, пребывая в окружении мировых религий и будучи людьми современными, хотят отмежеваться от того *способа веры*, который принят в этом самом окружении. Отсюда, очевидно, происходят также и бесконечные дискуссии о том, является ли Родноверие религией, либо же это вера, либо же только мировоззрение.

Тем не менее, такие теоретические основания не совпадают с живой практикой (по крайней мере тех, кто действительно практикует). В «Волховнике» Г.С.Лозко не раз встречаются молитвы-прошения, причём как из «Велесовой книги» (напр., «Прави», «Жертва овсяной мукой»), так и реконструкции по Ригведе («Жертва для Всех-Богов»), и современные («Перуну за Украину»); тем более присутствуют они и в «Требнике» Богумира Мыколаева.

Важно уяснить для себя, что славление (словесная жертва), и жертва материальная, и молитва-прошение, и радение (духовное делание – обычно медитация) – *равно приемлемые* элементы языческого культа. Их можно по-разному осмыслять, например, в плане действенности, процесса и цели, однако не забывая при этом, что одно не исключает другого: и славить, и просить Богов о помощи – это нормально.

Интересно, что многие родноверческие молитвы-прошения построены по принципу заговоров («Как происходит то-то и то-то, так пусть же будет то-то!»). В других случаях происходит непосредственный призыв Богов к определённому действию или действие-констатация, при котором испрашиваемая ситуация будто бы *уже* наступила. В таких формах молитвы нет ни самоунижения, ни низкопоклонства перед Богами. Происходит нормальное взаимодействие, психологическое влияние которого на самих родноверов можно трактовать по-разному, но обычно оно сказывается вполне положительно.

д) А с какого времени славим? Один из наиболее распространённых способов символически отличиться в интеллектуальном поле современности – принять альтернативное летоисчисление.

Начало этому положила ещё РУН-Вера, заявив исчисление лет от Мезинской культуры позднего палеолита (хотя сама дата – 9000 год до н.э. больше напоминает рубеж плейстоцена/голоцена и соответственно палеолита/мезолита в связи с концом ледникового периода); таким образом, 2018 г. н.э. для последователей Силенко – 11017/18 гг.

Российские родноверы «Велесового круга», ориентируясь на «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске» (первая половина XVII в.),

представляющем из себя сборник этногенетических легенд о происхождении русинов и московитов, ведут летоисчисление «от основания Словенска Великого» в 2409 г. до н.э.¹⁰¹; таким образом, 2018 г. н.э. для них – 4427 г.

Но наиболее распространённым среди украинских родноверов остаётся летоисчисление от 5508 г. до н.э., поскольку именно оно фигурирует и в древнерусских летописях, то есть кажется действительно *традиционным* для наших Предков. Но кто же писал летописи, применяя его? Конечно же, церковные книжники, ориентировавшиеся в первую очередь на культуры Византии. Летоисчисление они также позаимствовали именно оттуда, нравится нам это или нет. 5508 г. до н.э. известен во всём мире как «константинопольская эра», введённая в 353 г. в Византии, когда местные книжники согласовали 28-годичные солнечные циклы и 19-годичные лунные с так называемыми римскими 15-годичными индиктами. Началом её считается библейское «сотворение мира» на 6-й день, поэтому для нас она оказывается не менее чуждой, чем летоисчисление от рождения Христа (отсчёт годов от которого, кстати, обозначается некоторыми язычниками как e.v. – era vulgaris – «общепринятая эра»). «Староверы-инглинги» к «сотворению мира» добавили также «...в Звёздном храме» (СМЗХ), чем обозначили фееричную привязку к «подписанию мирного договора между славяно-ариями и китайцами».

Тем не менее, украинские родноверы совершили достаточно удачную, по нашему мнению, попытку переосмыслить «константинопольскую эру», привязав её к первым памяткам Трипольской культуры, датируемым рубежом VI-V тысячелетия до н.э. (эта датировка вызывает огромные споры, как и большинство научных теорий, однако это как раз и даёт нам возможность свободно принять «самый древний» вариант). Поэтому 2017 год н.э. в условиях информационного хаоса вполне может датироваться 7526 годом от Триполья.

Стоит упомянуть ещё об одном. В отличие от авраамических религий, Родная Вера – религия не историческая, а космическая (противоположность этих типов религий замечательно показал М.Элиаде в труде «Космос и история»¹⁴⁷). Первые исповедуют представление о *линейной* истории, поэтому для них огромное значение имеют её начало и ожидаемый в будущем конец. Кроме древних евреев, такой точки зрения придерживались зороастрийцы, склонность к историзации Мифа имели и древние римляне – то есть как раз те народы (за исключением греков), которые сделали наибольший вклад в формирование Средиземноморской, а позднее и Западной цивилизации. Для славян-язычников, как и для большинства народов с традиционной культурой, было характерным циклическое восприятие времени: мир регулярно (ежегодно) обновлялся, поэтому если всё идёт по Кругу (или по спирали – Велесовому Свитеню), нет нужды считать священной какую-либо историческую дату.

Древнерусские летописи используют, кроме «константинопольской эры», относительное летоисчисление «от царя/князя такого-то», «от такого-то события»; уже упоминавшийся Ф.Ницше со свойственной ему провокационностью провозглашал, что следующие тысячелетия будут исчислять от его Переоценки всех ценностей. Поэтому и мы можем ввести любую «начальную дату» для удобства, можем пользоваться одной из «общепринятых», а можем сосредоточиться на познании Природы, вечно обновляющейся и обновляющей нас.

е) Владимир - хазарин. Как составляющая и производная «жидомасонского мифа», непременно появляется рассказ о том, что ключевой исторической антигерой для родноверов также «тот самый». При анализе этого мифа обращаемся, в первую очередь, к содержательной статье Романа Шиженского «Неоязыческий миф о Владимире I»¹³⁶.

Оказывается, можно достаточно точно установить, кто первый провозгласил хазарское происхождение Владимира Святославича (обратите внимание, что Шаян не просто не возводит подобной хулы на него, но и считает его заблудшим Духом Нации¹³³). Зачинателем этого мифа был В.Емельянов, один из предтеч языческого движения в России, известный своей книгой «Десионизация» (написана в конце 1970-х годов). В этом самом произведении Емельянов и излагает основной текст мифа: «князь Владимир, сын князя Святослава от ключницы его матери кн. Ольги – некой Малуши (имя уменьшительное от еврейского имени Малка). Отцом обозначенной Малуши был “равв” – раввин из города Любеч, также носивший еврейское имя Малк, что совсем неудивительно, если учесть, что один из древнейших русских городов Любеч до 882 года находился в вассальной зависимости от иудейского Хазарского каганата... Несторовская цензура дохристианских летописей привела к переосмыслению слова “равв” или “рабб”; удвоение согласного исчезло и слово стало выводиться из глагола “робити”; потомок раввина Малка, который даже в “Повести временных лет” остался фигурировать как “робичич”, то есть “раввинич”, стал во всех историях России упорно переводиться как “сын рабыни”... Не без интереса можно остановиться несколько детальнее и на фигуре родного брата Малуши – Добрыни... при ближайшем рассмотрении его имя чисто еврейское – Дабран - “хороший оратор”, “краснобай”...»⁵¹.

В дальнейшем этот миф был доработан и дополнен В.Истарховым (Малуша попала в окружении княгини Ольги после того, как беженцы из разрушенной Хазарии кинулись на Русь и поставили себе в качестве цели захватить власть) и В.Дёминым (Ольга использовала иудейку Малушу как способ борьбы со Святославом для введения христианства); также миф поддержали Доброслав (Добровольский), С.Алексеев и др.

Этот миф – хороший пример того, как из-за мизерного количества исторических источников определённый факт может трактоваться, домысливаться и переосмысляться во множестве вариантов. На самом деле мы очень мало знаем о происхождении Владимира по материнской линии. Гипотеза Емельянова основывается исключительно на звуковом подобии «раввина» и «роба/робы», Малуши и Малка с еврейскими именами. Однако автор прекрасного «Словаря древнерусских личных имён» Н.Тупиков упоминает много примеров чисто крестьянских Малков, среди которых иудеев быть просто не могло¹¹⁹ (очевидно, что это имя связано со славянским корнем «малый»).

Что касается подозрений, которые вызывает (само?)именование Владимира титулом «каган», то здесь ситуация и проще, и сложнее одновременно. Проще, поскольку, будучи наследником князя-победителя, Владимир почитал за честь именоваться титулом правителя побеждённого государства (если кому-то это по душе, здесь имеем безусловный пример *имперского принципа* древнерусских князей) – возможно, даже не юридически, а символически. Сложнее, потому что существуют вполне академические версии хазарского происхождения Древнерусского государства (их поборником является, в частности, О.Прицак), которые рассматривать здесь не имеет смысла.

В конце концов, Владимир действительно является для нас антигероем, который «наломал дров» на целую тысячу лет. Однако «сын рабыни» для него – не меньший, если не больший, позор, чем «сын раввина»; поэтому если мы хотим унижить его, можем сделать это с помощью тех фактов, которые сложно оспорить.

ё) **Велесова книга.** Перефразируя Вольтера, если бы «Велесовой книги» (далее ВК) не существовало, её следовало бы выдумать. В условиях, когда сведений о первичной Вере наших Предков в исторических источниках не так много, а некоторые родноверы с недоверием относятся к христианизированному фольклору, возникает невероятное желание иметь аутентичный, достоверный и полноценный источник, который раскрывал бы Её такой, «какой она была». Кроме того, ещё часть родноверов, особенно старшего и среднего возраста, не может избавиться от желания иметь Книгу, Писание, которое свидетельствовало бы об их Вере, её преемственности и истинности. Это желание обусловлено пребыванием в иудеохристианской среде, ведь общая особенность *естественных и первичных* религий индоевропейцев – устная передача Традиции¹⁴⁵. Так или иначе, «Велесова книга» оба указанных желания с лихвой удовлетворяет.

Кратко перескажем «каноническую» историю её находки и утраты (по изданию Лозко Г.С. «Велесова Книга – Волховник», 2007 г.⁸²). Во время Гражданской войны в 1919 г. в с. Великий Бурлук (Харьковщина) в поместье Донец-Зражевских (ранее считалось, что у князей Куракиных) полковник-белогвардеец Фёдор Изенбек нашёл раскиданные по полу дубовые или берёзовые дощечки, около 40 из которых он подобрал. Убегая вместе со всеми «белыми», Изенбек отплыл из Феодосии и осел в Брюсселе (Бельгия), где познакомился с доктором химии и любителем старины Юрием Миролубовым. Тот очень заинтересовался дощечками, переписал кириллицей их текст (до 1937 г.), сфотографировал две из них, в т.ч. ту, которой присвоен номер 16-А и которая начинается словами «Влес-книгу сию посвящаем Богу нашему», за что книга и была названа «Велесовой». Дощечки хранились в художественной ателье, которым владел Изенбек и которое перешло в наследие Миролубову, однако в скором времени после смерти Изенбека в 1941 г. ателье было ограблено и дощечки пропали. Остался только текст, транскрибированный Миролубовым с помощью кириллических букв (т.е. пример «велесовицы» мы имеем исключительно на сохранённой фотографии).

После этого начинается длинная эпопея публикации, «перевода» и критики книги, продолжающаяся и сегодня. Считается, что первая публикация текстов ВК состоялась в 1953 г. в эмигрантском журнале «Жар-Птица» (Сан-Франциско) благодаря ещё одному «белому» генералу А.Куру, которому Миролубов выслал переписанные тексты. Стоит отметить, что наиболее известные переводы Б.Яценко и Г.Лозко имеют перед собой несколько этапов обработки, каждый из которых отдалял их от оригинального текста дощечек. Желая ознакомиться со всей эпопеей, может обратиться к упомянутому изданию.

Ни для кого не секрет, что интеллигенция разделилась в вопросе об аутентичности ВК. Причём, линия разлома проходит, по большому счёту, между скрупулёзными профессионалами (О.Творогов, Б.Рыбаков, Н.Данилевский) и искренними патриотами (В.Яременко, В.Шевчук, Б.Сушинский). Во время президентства В.Ющенко ВК изучалась во всех общеобразовательных школах Украины в курсе украинской литературы, в академической же среде на данный момент её принято считать новоделом (иногда её называют «подделкой»), однако это не совсем корректно, поскольку не существует оригинального произведения, который «подделывали» бы).

Среди наиболее распространённых аргументов против аутентичности ВК – филологические. В частности, специалисты указывают на присутствие в «велесовице» достаточно поздних фонетических явлений (падение редуцированных ь и ъ), носовые гласные в неестественных местах; некоторые

слова будто бы специально созданы по закономерностям различий между древнерусскими диалектами и церковнославянским языком, но фактически их бытование не подтверждается. Лексика ВК хромает на обе ноги: рядом с существительными женского рода употребляются числительные мужского (что-то вроде «один булочка»), присутствуют дикие словообразования – Грецколань (от Русколани – трансформированного названия племени *роксоланы*, имевшего иранское происхождение), имена индоарийских Богов (Сурья, Индра, которые по правилам индоевропейских параллелей на древнерусских наречиях звучали бы иначе – см. главу III.4 и филологические труды В.Шаяна), местоимение *сва* – «свой», которое в ВК почему-то не склоняется, а по форме также взято из санскрита.

Несмотря на всё это, тексты и мифологемы ВК (Правь-Явь-Навь, Матерь-С(ла)ва, первопредок Орий и т.д.) более-менее удачно интегрированы и украинцами, и русскими в родноверческую обрядность и богословие. Впрочем, «Святым Писанием» украинцев ВК решилась назвать пока только волхвиня Зореслава (Лозко)²⁸, идеологи же РО СРВ на основе ВК создали «Поконы Рода Всевышнего»¹⁰⁵. Далеко не все родноверы признают аутентичность ВК (причём, на порядок больше сомнений высказывают почему-то русские родноверы) – и в последние годы отрицающих её становится всё больше; многие, впрочем, сходятся на том, что ВК – ценный источник обрядовых текстов, независимо от того, когда он был создан.

Мы соглашаемся с последним утверждением. Если тексты таинственных «дощечек» были написаны Ю.Миролюбовым (что наиболее вероятно), это не катастрофа – Миролюбов не был совершенным профаном в славянской и индоевропейской Традиции, наоборот, – он занимался этнографическими и сравнительными исследованиями (см., напр., его работу «Ригведа и Язычества»⁹⁵). Сомнения в том, мог ли один современный человек написать такое произведение, создав для него самостоятельный языковой аппарат, поклоннику творчества Дж.Р.Р.Толкиена кажутся безосновательными. Исторический контекст возникновения ВК опосредованно подтверждает это: 1920-1930-е гг. – это пик интереса к изобретению и реконструкции *п्राязыка* (праиндоевропейского, прагерманского, праславянского и т.д.).

Что же касается «внутренней духовной силы», которую ощущают многие в текстах ВК – против неё возражений нет, это действительно вдохновенный труд. Тем не менее, нас настораживают и беспокоят родноверы, которые, возрождая Веру, обращают больше внимания на ВК, чем на Традицию, сохранённую этнографией и признанными историческими источниками. Ни одна книга не вместит в себя Мир, Природу и Дух – кто как не мы, язычники, знаем это лучших всех?

Всё написанное выше, конечно, не касается ряда «переводов» и «дополнений», широко распространённых благодаря А.Асову (А.Барашкову, Бусу Кресеню). Его «ВК» (тут даже аббревиатуру стоит взять в кавычки) имеет мало общего с текстами, передающимися от Ю.Миролюбова и Н.Скрипника к Г.Лозко. Ещё меньше уважения вызывают всякие «Песни птицы Гамаюн», «Книга Коляды» того же авторства, как и «Довелесовые книги» Гнатюков. Собственно, все они – *авторские произведения*, не обладающими вдохновением и внутренним гением, свойственным «Сильмариллиону» и отчасти ВК. Если оригинальную «Велесову книгу» можно считать осторожной попыткой *развить* Традицию, то «асовщина» - Её нелепый, «попсовый» симулякр.

ж) Жертва и жертвенность. Жертва – универсальный способ взаимодействия с Высшим, поэтому сложно найти религию, которая не знала бы этой практики. Однако индоевропейские народы развили теологию жертвы с особым мастерством. Например, жертвоприношение индийских ариев знаменательно тем, что было абсолютизировано сословием брахманов как едва ли ни единственная достойная практика вообще. Перенесение принципа жертвоприношения «вовнутрь» человека стало основой и для возникновения Йоги¹⁴⁶. Архетипический Миф утверждает, что мир был сотворён путём Первозжертвы изначального существа – обычно путём его расчленения и превращения частей «тела» в космические явления. Ригведа конкретизирует (Х. 90): Первосущество было принесено в жертву своими же проявлениями (Богами) *самому себе*. Отголоски этого мифа можно найти в «Стихе о Голубиной книге»¹¹⁰, а также в «строительной жертве», предшествовавшей строительству любого жилища у восточных славян⁸.

Один из достаточно распространённых родноверческих мифов утверждает, что славяне якобы не имели обычая приносить *плотские* жертвы (животные и человеческие). Этот миф основывается, опять-таки, на фрагментах «Велесовой книги»:

<i>Имеем веру истинную, что не требует жертвы человеческой. А таковая бытует у варягов, что всегда приносили её, именуя Перуна Паркуной...</i> (дощ. 7-А, пер. Г.Лозко)	<i>Жертвы иной, окромя хлеба, нет, а ещё виноград, и мёд, и зерно добавляем к молениям тем...</i> (дощ. 26, пер. Г.Лозко)
--	--

По нашему мнению, эти фрагменты лишний раз заставляют сомневаться в древности «Велесовой книги». Если даже не учитывать богословские сравнения

в духе Геродота (Перун – Паркуна) и виноград (импортный?), стоит задуматься над следующим: ставили ли язычники в X-XI веках вопрос о плотской и неплотской жертве, ещё и так акцентируя его, будто бы хотели оправдаться перед христианизированным сознанием? Создаётся впечатление, будто авторы этих фрагментов очень хотели представить именно славянское Язычество в «ласковом» свете, что нужно было бы исключительно при том условии, если бы кто-то влиятельный выдвигал его же «демонизированный» образ.

Мы не утверждаем, что наши Предки обязательно приносили человеческие жертвы; мы лишь пытаемся указать, что для постановки любого вопроса необходимы определённые исторические условия. Это тем более касается жертвоприношения животных, неперенного элемента индоевропейских культов. Живя в городе и заботясь о сохранении видов, быстро исчезающих под катком технической цивилизации, нам несколько сложно представить, каково оно – регулярно своими же руками лишать жизни прирученных и диких животных ради собственного пропитания (и тем не менее, большинство из нас всё-таки употребляет их мясо). Такой проблемы (скорее эмоционального, чем морального характера) не стояло и не стоит перед жителями села. И если наши Предки употребляли мясо (а это не подлежит сомнению, другое дело, что употребляли они его не так часто – «по праздникам»), очевидно, что какую-то его часть они посвящали Богам. «Народное христианство» сохранило жертвоприношения животных до начала XX века по меньшей мере в двух видах – в рождественском поросёнке и жертвенном разделе бычьего мяса в день Ильи Громовержца (Перуна)⁹.

Желающим проработать все имеющиеся исторические факты о жертвоприношениях у древних славян советуем обратиться к чрезвычайно содержательной монографии Богумила Мурина «Кровавые жертвоприношения у славян: Разоблачение мифа»¹⁷.

Среди теоретиков Родноверия наибольшее внимание жертве уделили Владимир Шаян и Велеслав Черкасов. Жертва продолжает вызывать дискуссии и споры в родноверческой среде: в 2011-2012 гг. в «Объединении родноверов Украины» развернулась дискуссия насчёт правомерности приношения хлебной требы в Огонь, а также употребления дрожжевого хлеба в целом. Последнее слово со стороны ОРУ высказала Г.С.Лозко в статье «Метафизика жертвенности в Родной Вере»⁸³. Тем не менее, некоторые родноверы всё-таки отказались от принесения хлеба в Огонь, ограничившись его раздачей присутствующим.

Не будучи религией догматической, Родная Вера вполне способна соединить разные подходы и взгляды на суть и процесс жертвы, однако ныне все они сходятся на том, что сам принцип жертвоприношения для Язычества

является центральным в плане практики. Трудящиеся хозяйственники жертвой благодарят Богов за собственное благополучие и успехи, Воины стремятся к героическому самопожертвованию, Жрецы используют как внешнюю, так и внутреннюю жертву для (само)познания. Фактически неразработанным вопросом остаётся то, может ли жертва быть не принята Богами и при каких условиях.

Стоит оговориться, что и стереотипное представление об отрицании христианством жертв является ложным. Со стороны адептов оно часто служит данью распространённому ныне на Западе лицемерию по отношению к человеческой жизни: физической насилие осуждается и запрещается всюду на официальном уровне, хотя сам этот уровень является источником непрерывного морального и экономического насилия, да и физической его разновидностью аж никак гнушаются. Тем не менее, основополагающим мифом христианства также является Жертва, и российский религиозный мыслитель начала XX века Павел Флоренский не зря указывал на то, что «настоящая Религия всегда подобна мечу или грому, всегда предполагает страх, священный ужас и Жертву, непременно кровавую и плотскую»⁹¹ (можем воспринимать это указание с определённой усмешкой, однако оно имеет место быть).

з) **Этногенетические мифы.** Любой народ, а тем более современная нация, сталкивается с вопросом, как представлять и передавать потомкам сведения о собственном происхождении. Им задавались и в древности (Геродот пересказывает мифы о появлении разных народов), и древнерусские книжники (Нестор выводит славян от ветхозаветного Иафета), и казацкие летописи (они нередко считали казаков потомками хазар). Бурная волна этногенетических исканий украинцев поднялась на рубеже XIX-XX веков, когда интеллектуалы упорно формировали представление о нации в целом. Наряду с научными трудами (М.Грушевский, В.Антонович) возникли и публицистические концепции, которые наполняли прошлое украинцев довольно сомнительными связями. Так, Юрий Лыпа в «Предназначении Украины»⁷⁸ главными компонентами «украинской расы» называет трипольский, эллинский и готский, практически не упоминая о славянской основе – собственно, его генеалогия украинцев вполне укладывается в стиль этногенетических исканий 1930-х годов.

Наконец, исходя из особенностей современного информационного пространства, про которые мы уже упоминали (огромный объём доступной информации, специализация знаний и штормовые волны некавалифицированных высказываний), можно представить, какой взрыв этногенетических студий неминуемо спровоцировал конец СССР, на месте

которого должны были появиться новые национальные государства, а среди них и Украина. Осколки этого взрыва и сейчас время от времени падают на наши головы. Наверное, большинство современных (особенно восточноевропейских и даже азиатско-постсоветских) наций проходили этап, когда отдельные писатели провозглашали свою нацию древнейшей в мире, якобы именно она является прародительницей всех других народов и языков. Причём, это наблюдается как у «имперских» народов (стоит ли приводить здесь перечень русских этногенетических мифов?), так и ещё сильнее – у народов колониальных, в прошлом угнетённых. В последнем случае поиск собственных корней соединяется с попытками перекрыть комплекс неполноценности, возвращённый имперским гнётом. Украинская этногенетическая мифология в этом плане очень показательна.

Вероятно, среди украинского родноверов нет ни одного, кто не слышал бы о прямом или опосредованном происхождении украинцев от трипольцев и ариев, близость украинского языка и санскрита, о древности и благородстве нашего народа. На этой почве выделилась целая плеяда отечественных ариософов (или, скорее, ариоманов) – Ю.Шилов, С.Плачинда, Ю.Каныгин, И.Каганец и др. К сожалению или к счастью, большая часть родноверов 1990-х годов пришла к нашему мировоззрению именно через поиски того, как бы дополнительно утвердить украинство в веках, а совсем не по духовным и религиозным мотивам (как это было с Шаяном или Велеславом). Конечно, в этих поисках нет ничего плохого, они востребованы обществом в целом (не зря же фильмы вроде «Тайный код украинского флага», «Арийский стандарт», «ДНК: Портрет нации» оказались чрезвычайно популярными), а нация в условиях глобализации должна самоутверждаться хотя бы в мифах, если наука отказывается от понятия нации как такового¹¹⁴.

Однако понимая род и народ как главные ценности Веры, не следует забывать, что реальная цель нашей деятельности – и раздувание национальной идентичности (она у нас всех и так неплохо проявлена, если мы обратились к Родноверию не в поисках дешёвой «эзотерики»), а погружение в мир *этнического бытия*, возрождение самобытных практик и духовности. Иначе говоря, существует большая разница, провозглашать на обрядах «с нашим прозрением пробуждается Украина, оживают предковские обычаи» или – аутентичные обрядовые тексты, которые с помощью этнографов и фольклористов действительно доползли до нас из глубины веков, хотя, возможно, и не несут в себе *национального пафоса*. Или говорить о возрождении предковских обычаев, или непосредственно их возрождать.

Мы можем сколько угодно болтать о том, какой украинцы древний и благородный народ, однако пока мы в корне не изменим свой способ

существования, - какой смысл говорить о славе Предков? Воистину, мы будем подобны «жалком карлику, кривляющемуся и подпрыгивающему, пытаюсь казаться выше, на костях мёртвых гигантов»²⁵.

Надеемся, основное направление нашей мысли по поводу этого вопроса читатель уловил. Что касается конкретных этногенетических мифов, то:

- Советуем обращаться к квалифицированной академической литературе, посвящённой отдельным аспектам прошлого (Трипольская культура – индоевропейская проблема – разнообразные вкрапления иных народов и культур в славянские сообщества и т.д.);

- Изучать ДНК-генеалогию, но не обманывать себя в том, что якобы существуют отдельные «арийские», «семитские», «украинские» гены – ареал распространения определённой структуры Y-хромосомы может быть сопоставлен с этническими, языковыми сообществами, археологическими культурами *только лишь условно*, и полученное в результате соотношение – обязательно результат взаимного наложения соответствующих карт.

- Найти в себе мужество ознакомиться со сборниками «Новейшие мифы и фальшивки о происхождении украинцев»¹⁰⁰, «Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов»¹²³.

и) Древнерусская народность и религия «общей колбочки». На одном направлении этногенетических исканий стоит остановиться подробнее. Из всех он наименее мифологизирован и подтверждается большим количеством источников – речь идёт, конечно, о славянской общности.

Те условия, в которых сегодня происходит возрождение славянского Язычества, неизбежно предполагают привлечение идей панславизма и славянофильства. Будучи разновидностью современных национальных проектов, панславизм имеет много типов. К сожалению, в восточной части Славии продолжает пользоваться популярностью великодержавный российский вариант, а вовсе не чистосердечные демократические мечты «кирилло-мефодиевцев»¹. Суть этого варианта, созданного «сверху» в империи, верхушка которой лишь в мизерной доле имела славянское происхождение, известна всем: «триединство» великороссов, малороссов и белорусов было «всегда», несмотря на все «искусственные попытки его порвать», они – «один народ». Искусственность и исключительно современный характер имперской пропаганды украинским родноверам нет смысла объяснять, русским же советуем обратиться к монографии Сергея Плохия «Происхождение славянских наций. Домодерные идентичности в Украине, России и Беларуси» (Киев, 2015 г.).

---

¹ «Кирилло-Мефодиевское братство» - объединение украинской интеллигенции панславистской направленности, существовавшее в 1846-1847 годах. Считается, что его членами были Т.Шевченко и Н.Костомаров.

Парадоксальное решение большевиками национального вопроса (осуждение и «национал-уклонизма», и «великодержавного шовинизма») создало предпосылки для дальнейшего развития темы. В середине 1940-х годов советская элита ощущала острую потребность в новой *национальной* идее, которая стала бы альтернативой антиколониальным националистическим движениям украинцев и беларусов и при этом имела бы как «основания» в прошлом, так и проекцию в будущее. Историческим компонентом такой идеи стала концепция «древнерусской народности», «общей колыбели трёх братских народов». Развитие этой концепции детально изучила современная украинская историк Наталья Юсова.

То есть существование отдельных народов уже признавалось, однако они неминуемо должны были иметь общий знаменатель – и обязательно не в общеславянском родстве, историчность которой более-менее очевидна, а в древнерусской. Славянское наследие Древней Руси признавалось этнически однородный и единым.

Эта идея пригодилась тем родноверам, которые рассматривают языческий ренессанс на нашей Земле как обязательное и непосредственное возрождение идеи славянского единства. В лучшем случае эти родноверы с пониманием относятся к этнокультурным отличиям, объективно существующим между тремя восточнославянскими народами (такую позицию занимают или занимали Доброслав Добровольский, Велеслав Черкасов, Вадим Казаков, Родобор Борута и др.). Однако бывает и так, что, используя Родную Веру как объединительную идею, приверженцы империи стремятся совсем не к возрождению самобытной духовности и культуры, а в который раз – к утверждению «старшего брата» в его власти.

В сфере обрядности это приводит к довольно интересным казусам: например, постулируя однообразность религии на всех территориях Руси, некоторые «умельцы» пытаются вызвать дух Медведя на причерноморском пляже (это безусловно аутентичный обычай, но для территорий по меньшей мере Полесья и далее на север и восток).

Критика теории «древнерусской народности» давно стала хрестоматийной в среде украинских историков. Из-за её искусственности она была саркастически названа не колыбелью, а «общей колбочкой».

Действительно, стоит обратить внимание на то, что уже «Повесть временных лет» упоминает о разнообразии и обособленности восточнославянских племён. Очевидно, они не имели какой-либо общей идентичности. То, что киевский летописец обозначает жителей Севера просто как «[ильменских] словен», не указывая собственно племенного имени, может свидетельствовать об ограниченности его знаний касательно «далёких

родственников», которые для него – просто те, кто разговаривает более-менее понятным языком («владеют словом»). Могли ли 200 лет пребывания в рамках относительно единого государства при тогдашних способах распространения информации «переплавить» все эти племена в этнически однородную среду? Можно ответить твёрдо: нет, поскольку государство распалось, а этнокультурное разнообразие как было, так и осталось (тем более несмотря на христианизацию!). Под влиянием целого комплекса исторических факторов на основе разных племён образовались три известных нам народа, субэтносы (гуцулы, бойки и др.), либо сообщества этнического пограничья (полищуки). Конечно, все эти группы можно назвать родственными, поскольку они имеют ряд общих культурных черт, уходящих корнями в эпоху общеславянского родства.

Представители «больших» народов, кроме ограниченных элитных групп, тоже не осознавали своей общности, хотя при этом имели своё культурное ядро – каждый своё. Это ядро с течением времени «обрастало» элементами, заимствованными из других культур и от иных народов, так создавалась уникальная и самобытная мозаика, а в целом – яркий и разнообразный мир этнических культур, такой непохожий на современную хаотическую мешанину!

Эта тема порождает ещё две проблемы, связанные именно с нашим, украинским, движением.

Во-первых, некоторые родноверы на волне всё того же антиколониализма отрицают вообще какую-либо связь украинской Родной Веры со славянством. Они руководствуются логически ошибочным утверждением: если панславизм в некоторых случаях может приобретать агрессивные имперские формы, то он по определению плох. При этом забываются мирные панславистские настроения первых строителей украинской современной нации. По нашему мнению, сегодня идея славянской равноправной дружбы (без «старших/младших братьев», «единых народов») является крайне затребованной – вместе против хищных систем, угрожающих всем нам. На этом поприще положительным опытом кажется «Родовое Славянское Вече»⁶³, основанное в Киеве в 2003 г., если оно сумеет превозмочь позорные внутренние споры и подключит к своей деятельности родноверческую молодёжь.

Во-вторых, возникает вопрос, правомерно ли использовать словосочетание «украинское Язычество», выбранное в качестве заглавия одного из первых трудов Г.С.Лозко? Ведь и собственно украинцы как народ (вероятно, за это утверждения нас будут критиковать страстные поклонники национальной мифологии), и первые упоминания об Украине появились через столетия после начала крещения и борьбы со Старой Верой. Отождествляя народную двоеверческую культуру с Язычеством (вернее, с большинством его аспектов,

которые могли непосредственно передаваться народом из поколения в поколение) и подразумевая именно украинскую традиционную культуру, теоретически можно признать такое выражение правомерным. Такая позиция, впрочем, всё равно оказывается довольно шаткой. Всё-таки «активная» форма Язычества окончательно исчезает как раз около того времени, когда возникает украинский этнос, и эта форма никогда не имела специфично *украинских* черт. И наоборот, собственно *украинская* культура успела вобрать в себя много *постязыческих* элементов. Поэтому в данном вопросе мы останавливаемся на названии «*славянское Язычество*» как такой, что отображает общую основу (не только и не столько «древнерусскую») и допускает широкую вариативность (не только собственно этническую, но и региональную – полесскую и степную, например). Впрочем, проблема вторичных названий – последнее, за что следует бороться в дискуссиях.

й) Мифы о христианстве. Наконец, обратим внимание на то, по поводу чего родноверческая мифология вполне естественно оказывается наиболее щедрой. Конечно, это – христианство, наш главный идейный конкурент. Чтобы ускорить почти неизбежное по историческим причинам *раскрещение Руси*, родноверы, по нашему мнению, должны, по меньшей мере, а) выйти на солидный уровень богословских и философских построений; б) не допускать по отношению к христианству того, что оно позволяло и позволяет себе по отношению к Язычеству, - распространения ложных взглядов, перекручивания и искривления оригинального учения. Если определению (только предварительному определению!) черт первого будет посвящена вся следующая глава, то некоторых особенно докучающих мифов о христианстве коснёмся сейчас.

Сразу оговоримся, что речь пойдёт о *христианстве в себе*, безотносительно к реалиям церкви, которая с IV века уверенно превратилась в аппарат контроля за народом и политический инструмент, и к преобладающей «пастве» в нашем секуляризованном обществе, которая часто не знает самых основ «своей» религии, держась исключительно за идентичность и отдельные практики (вроде пасхальных походов в церковь), в качестве привычки унаследованные от родителей. Ни первое, ни второе мы не считаем полноценным примером христианского вероучения – надеемся, читатель понимает, почему.

Начнём с того, что наш брат родновер довольно часто высказывается о христианстве как о чём-то монолитном. Тем не менее, напомним, что за два тысячелетия оно пережило множество расколов, вследствие которых одни течения были провозглашены «еретическими», а другие, имевшие больше ресурсов, - «правильными» (есть ли тут какая-то для нас, кроме самого факта

внутреннего разнообразия христианства?). При этом некоторые «ереси» появились именно благодаря усвоению языческих концепций и духовного опыта: так, например, возникло большинство гностических ответвлений христианства, а также «русские традиционные секты» - хлысты, молокане, прыгуны и духоборы. Велимир Сперанский охотно анализирует практики хлыстов, которые явно использовали шаманский экстатический опыт (и, кстати, термин *радение* – к вопросу о его аутентичности)²⁰, а Велеслав Черкасов разделяет духоборское противопоставление «писанного, мёртвого слова» и «животной книги» - живого духовного или даже жизненного опыта²⁴. Такое внимание родноверов-теоретиков к отдельным течениям христианства вполне оправдана и полезна – даже жаль, что этим делом пренебрегают другие, ревностные «антихристиане» (иногда превращающиеся просто в «христиан наоборот»).

Ещё один исторический миф утверждает, что христианство изначально было иудейской сектой, имеет исключительно иудейское происхождение или даже (как утверждает, скажем, В.Истархов⁶⁰) было специально создано евреями для мировоззренческого контроля над гоями. Имеем все основания утверждать, что это не так. Безусловно, мессианско-пророческий пафос, терминологию, понимание истории (концепции *завета* и первородного греха в частности) и представление о своей собственной преемственности христианство позаимствовало из иудаизма. Однако среда, в которой оно возникло, уже не была исключительно иудейской – Палестина того времени была образцом эллинистическо-римского синкретизма, с его слиянием Божеств, культов и идей. Фактически средиземноморское пространство было *глобаризированным* и представляло собой духовный хаос, подобный современному. Не только иудеи, но и много кто ещё тогда ожидал прихода мессии, который обновил бы духовную жизнь и указал бы Путь. Как говорится, спрос рождает предложение. Христос был не единственным «сыном Божьим» своего времени, но его проект оказался, безусловно, самым удачным. Из зороастризма (возможно, ещё иудеями) была позаимствована идея телесного воскресения, из митраизма – отдельные таинства, из стоицизма – этика, у Платона и Аристотеля (правда, лишь спустя века) были взяты философские основания. Само понимание Бога в Ветхом и Новом заветах довольно отличается: если в первом Яхве предстаёт как чисто национальный Бог евреев, суровый и архаичный, а существование иных Богов не отрицается – но с ними борются, как с конкурентами, то Бог христианства уже «всечеловеческий», воплощённый в Троице, не имеет и не может иметь никаких «конкурентов». Из-за этого некоторые ранние христиане отрицали Ветхий завет вообще. Несмотря на то, что с самого начала христианская проповедь велась преимущественно в синагогах, после

разрушения римскими легионерами II иудейского Храма (70 г. н.э.) люди, совмещавшие иудейские и христианские обряды и мировоззрение, были вынуждены определиться с религиозным сообществом. Таким образом, в плане исторической преемственности христианство хотя и имеет иудейские корни, идейно оно опирается весь синкретизм эллинистического Средиземноморья, что лишний раз подчёркивает его неестественность для нашей Земли. В этом изложении его идейных оснований мы ориентировались, в первую очередь, на том II «Истории веры и религиозных идей» М.Элиаде¹⁴⁵.

Чрезвычайно распространено утверждение, что христианство – религия рабская, воспитывающая рабское сознание. Стоит поспрашивать своих знакомых, *сознательных* христиан, - чувствуют ли они себя рабами. Утвердительный ответ определённо может дать лишь чрезмерно экзальтированная личность, для которой религия является способом компенсации психических недостатков. Самоопределение «раб Божий» в позднейшем византийском богословии интерпретировалось в качестве первой ступени духовного развития человека: раб-слуга-сын. В жёстко-иерархическом обществе, каковым было византийское, вряд ли нашлось бы другое сравнение, чтобы выразить «сверхвеличие» персонифицированного Бога. В конце концов, на униженное положение в христианстве человек не может жаловаться: наоборот, он провозглашается господином над Природой (и как раз тут наиболее уместна наша критика!), над которым – один только Бог, что собственным «сыном» воплотился в человеческом подобии. Короче говоря, христианство упорно возвеличивает человеческую личность (часто в противовес плоти), на что так же можно было обратить жало языческой критики. Что же касается второй части того же мифа – первичного распространения христианства среди римских рабов, то здесь следует иметь в виду, что популярность среди рабов обуславливалась как раз *идеями освобождения*, постулировавшуюся ранним христианством. К этому аспекту раннего христианства мы ещё вернёмся в заключительных главах нашей книги. Исходя из объёмности Библии, цитатами оттуда можно обосновать практически любую мысль: и что «вся власть от Бога», и что «легче верблюду пролезть через ушко иглы, чем богатому попасть в рай». По этой же причине христианство становилось идейной основой народных восстаний от раннего Средневековья до середины XVII века. Итак, по нашему мнению, следует признать распространённый аргумент «мой Бог меня рабом не называл» примитивным и недейственным, а самим сосредоточиться на критике настоящих основ христианской антропологии – поверьте, там есть, где развернуться.

С разнообразием библейских утверждений связан ещё один миф – о том, что христианство воспитывает пассивность перед лицом силы и угрозы. Как правило, это аргументируют широко известной цитатой из «Нагорной проповеди» о подставлении второй щеки после удара в первую. Вместе с тем, не менее известной цитатой Христа является «Не мир пришёл я принести, но меч» (Матвея, 10:34), кроме того – явление императору Константину I крестного знамения перед битвой со словами «Сим победишь» (In hoc signo vinces). Как йога переносит внутрь человека метафизику жертвы, так и христианство *интериоризирует* многие внешние угрозы и проблемы, возвращая не пассивность, а, опять-таки, - драму человеческой личности. В конце концов, история редко подтверждала пассивность христиан перед лицом опасности. Мученичество вполне можно сопоставить с языческой этикой героизма, а пропаганду смирения гордыни, за исключением её чрезмерного и неуместного применения (которое, к сожалению, случается как раз очень часто и тем самым превращается в самоунижение), сложно назвать чисто негативной практикой: не эти ли путём идёт такая излюбленная нами индийская Традиция, только делая из этого более глубокие выводы?

Наконец, скорее не мифом, а плодом элементарного невежества является утверждение, что христианство требует лишь слепой веры и закрывает путь для индивидуальной мистики. Христианство имеет богатую мистическую традицию, зачинателем которой можно считать едва ли не апостола Павла с его «восхищением до третьего неба». Безусловно, практически любая церковь с окостеневшей догматикой враждебно относится к мистицизму, но учение Псевдо-Дионисия Ареопагита о мистическом богословии, исихазм, появившийся в среде синайских монахов и развитый афонскими, а тем более – учение Майстера Экхарта, которое сложно назвать чисто христианским, - яркие примеры глубокого мистицизма, с которым официальной церкви так или иначе приходилось мириться. Как и в случае с сектами, выразившими в своих практиках языческие заимствования, изучение наследия этих мистиков для родноверческих богословов и философов кажется обязательным.

Тем не менее, противоречивым и часто даже абсурдным столпом авраамической религиозной традиции всё-таки остаётся личная вера в чьи-то слова, чудеса, свидетельства. Однако перед тем, как подтрунивать над ней, советуем читателям проанализировать свою веру в те мифы, которые были разобраны выше в пунктах этой главы. Кое-где она кажется нам не менее абсурдной, чем вера в то, что мы обязаны «спасением» распятому две тысячи лет мужику на другом конце ойкумены, *потому что нам так сказали / потому что об этом мы прочитали.*

Христианство можно критиковать. Христианство нужно критиковать. В христианстве множество пробелов и противоречий, на которые уже сотни раз обратили внимание все критики со времён Просвещения, но есть и такие, грамотный критически взгляд на которые можем высказать именно мы. Это и опасность глобализации, и размывание этнических границ в пользу религиозной идентичности («нет ни эллина, ни иудея»), и противопоставление себя своему Роду («я пришёл разлучить человека с отцом его, и дочь с матерью её», «враги человека – домашние его»), и казусы, связанные с возвеличиванием личности, о чём речь пойдёт далее. Но критика эта должна быть разумной, логически обоснованной и со ссылками на источники. Итак – да будет дискуссия, с этой памяткой, родновер, - победишь!

6. Теология и философия

Если до этого в своём изложении мы стремились представить различные точки зрения, сложившиеся в Родной Вере (или во внеродноверческой среде) по поводу того или иного аспекта деятельности, мировоззрения или вероучения, то сейчас мы попробуем ступить в те области, где точек зрения практически нет. По нашему мнению, существует ряд проблем теоретического характера, развитие и решение которых могли бы обеспечить выход Родноверия в целом на солидный уровень межрелигиозной дискуссии – без придурковатых обвинений в адрес оппонентов и не менее дурацкой гордыни, свойственной «потомкам Богов». Уточним ещё раз: в этой работе мы стремимся лишь *наметить важные проблемные места*, их решение – дела следующих поколений.

а) Философские школы современного Родноверия. Противники возрождения славянского Язычества нередко говорят про него: «Сколько родноверов – столько родноверий»⁶¹. С таким взглядом невозможно согласиться, поскольку «изнутри» Родноверия хорошо видно, что на сегодня в нём сложилось несколько богословских и философских направлений, и сами язычники обычно согласовывают своё мировоззрение с каким-либо из них. Исходя из этого стоит проанализировать основные типы родноверческого мировоззрения (или даже философии) не по формальным организациям, а по их содержанию.

Когда ранее совершались попытки подобного анализа, внимание обычно сосредотачивалось на *методах* возрождения одного и того же *объекта* – славянского Язычества. В самом деле, разные течения сосредотачиваются на разных методах: кто-то – на историко-этнографической реконструкции, кто-то

– на воссоздании мировоззрения и мировосприятия при помощи психотехник. Однако эти методы не отображают особенностей взгляда на ключевые положения Родной Веры.

Философские школы зачастую отождествляют с *учением*, которое сложилось благодаря определённой личности («мэтру») и передаётся, практикуется и переосмысливается его учениками. Впрочем, философские школы можно понимать и как размежевание взглядов внутри относительно единой мировоззренческой системы, каковой является Родноверие, ориентирующееся на этническую Традицию.

Одним из вариантов такого размежевания, который мы и проанализируем в первую очередь, является *дуализм* и *недуализм*. Как мы увидим дальше, это деление проходит по многим пунктам вероучения, но в качестве главного определим тот, который имеет место и в индийской Веданте: признание раздельного бытия Бога (Богов) и человеческих духов (и каждого духа отдельно), либо признание полной тождественности Бога/Абсолюта и человеческого Духа. К первым однозначно можно причислить большинство сторонников «Объединения Родноверов Украины» (и производных от него), Владимира Шаяна, «Круг Языческой Традиции», Доброслава (А.Добровольского); ко вторым – «Велесов круг» и многих родноверов-мистиков. Неопределённой и неоднозначной в этом вопросе остаётся позиция «Родового Огнища», «Руського Православного Кола» и ССО СРВ. Причём, нельзя сказать, что этот вопрос их вообще не волнует, поскольку их представители так или иначе касаются этого и других моментов, по которым мы будем дальше проводить деление.

Итак, кроме главного пункта, обозначенные типы отличаются в следующем:

1) Недуализм признаёт пантеистичность (панентеистичность¹) Рода, что обуславливает утверждение вездесущности Божественного (Лада) и возможности познать себя в *любой* среде (однако это не служит оправданием экофобных идеологий!). Дуализм, как правило, склоняется к политеизму, в котором Боги признаются *персонифицированными* духовными сущностями (вариант: Доброслав склонялся к неперсонифицированному политеизму, в котором Боги полностью отождествляются с разнообразными Силами Природы).

---

¹ Панентеизм отличается от пантеизма акцентом на том, что Бог/Абсолют не растворяется полностью в мире, а пребывает и «над» ним, имеет сверхмирный, непроявленный аспект, хотя мир однозначно пребывает в Нём. Ср. со гимном Пуруше из «Ригведы» (X, 90): «со всех сторон покрывши землю, Пуруша возвышается над ней ещё на десять пальцев». Детальнее про это см. III.6.б.

2) Недуализм признаёт субъективность добра и зла, а также то, что творящие и разрушающие силы являются одинаково необходимыми и опасными. Дуализм довольно часто провозглашает объективность добра и зла (особенно настаивают на этом, например, Велимир Сперанский и Доброслав), хотя может признавать то, что мир удерживается равновесием противостоящих сил.

3) Недуалисты, как правило, считают, что люди сами виновны в своих страданиях, страхах и слабостях, хотя по природе являются чистыми и безгрешными (отрицание самого понятия «грех» как такового). Дуалисты часто видят в этом «зле» волю разрушительных вселенских сил. Стоит ли добавлять, что «теория заговора» и всевозможная конспирология более распространена среди вторых?

4) Недуализм признаёт приоритет духовности над моральностью, хотя вторая считается органической составляющей (но только составляющей) первой. Дуализм нередко подменяет понятие духовности понятием моральности (тут, правда, можно ввести дополнительную градацию на почитателей собственно *моральности* и *нравственности* как состояния внутреннего совершенства).

5) Недуалисты, как это имеет место и в индуистской Традиции, охотнее признают возможность выхода из круга перерождений. Славянский дуализм такой возможности не признаёт. Детальнее про это см. III.6.e.

6) Наконец, недуалисты признают право каждого на свободный духовный поиск внутри Родного Обычая, либо даже за его пределами, причём остерегаются заранее оценивать, будет он полезным или принесёт вред. Дуалисты, которые, конечно, так же ищут повсеместно, часто пытаются размежевать полезное и вредное.

Обе философские позиции, на наш взгляд, являются самостоятельными и безусловно имеют право на существование, диалог и апологетику со стороны сторонников, если только она не сводится к грязной клевете и личным оскорблениям (как это имело место в нашумевшей критике Велимира Сперанского учения Велеслава Черкасова⁷¹).

Иная градация философских позиций в Родноверии касается *парадигм обрядности* (от греч. «образец»), которые не являются официальными, не провозглашаются открыто, но постоянно воплощаются в жизнь непосредственным действием. Первую условно назовём «*имперской*» (по аналогии с «Языческим империализмом» Ю.Эвола): она желает видеть Родноверие догматической обрядовой религией, подгоняя славянскую Традицию то ли под римский, то ли под авраамический стереотип «развитой религии» (формула *tip* этнографии, *max* религиозного пафоса). Вторую

условно назовём «народничеством», поскольку она склонна к «культмассовости», оперированию мифологическим сознанием в условиях его искажённости у большинства современников, «скоморошеству», но также и к воссозданию аутентичных форм народной Традиции (формула: *max* этнографии, *min* религиозного пафоса).

Первой из украинских течений однозначно придерживается РО СРВ (с сильным элементом того, что можно было бы назвать *эзотерическим популизмом*), а также руководство ОРУ и РПК, хотя их общины «на местах» очень часто оказываются яркими представителями второй.

В соответствии этнической Традиции, понимании многих обрядов и спорах с учёным по поводу аутентичности Родноверия первая безусловно проигрывает второй. Зато последняя проигрывает первой в конкуренции с христианство и другими господствующими религиями.

Вновь приведём в качестве примера «Велесов круг», общинам которого, по нашему мнению, удалось в определённой мере примирить обе эти парадигмы: обрядовые тексты подогнаны под фольклор, но при этом сохраняют чёткие отсылки к философским идеям, обряды достаточно торжественны и участвующие в них люди соблюдают положенную дисциплину.

Кроме указанных типов, в современном Родноверии можно выделить ещё несколько философских школ, более напоминающих то, что обычно подразумевается под этим понятием.

Так, стоит указать на *традиционалистов* в узком смысле этого слова: язычников, ориентирующихся и активно использующих наследие философской школы, основанной Рене Геноном. К таковым относятся, в частности, уже упоминавшийся Велеслав Черкасов и Евгений Нечкасов (*Askr Svarte*), придерживающийся скандинавского Язычества. Для этого направления характерно поиск широких параллелей между разными этническими и оккультными Традициями на основе представления об «Изначальной Традиции», восходящей непосредственно к Абсолюту. В то же время стоит отметить, что названные авторы идут в своих исканиях дальше, чем собственно «школа Генона», - вероятно, это можно считать следствием их причастности именно к языческой среде и пребывания в ситуации Постмодерна. На «школу Генона» в своих трудах нередко ссылается и Галина Лозко, бессменный глава ОРУ, однако эти отсылки воспринимаются скорее как декларации, поскольку легко уловить серьёзные противоречия между учением ОРУ и указанной школой.

Ещё одной специфической философской школой, существующей в языческом движении Украины, являются *нетеисты*. Нетеистическую позицию, то есть полное отождествление Богов с Силами Природы и реально жившими

Предками, занимает, в частности, «Великий Огонь», одно из старейших языческих объединений Украины (основано в 1992 г.). На фоне всего языческого движения оно скорее маргинально и вряд ли стоило бы выделять *нетеизм* как отдельное направление только ради него одного. Однако в последние годы (2015-2017 гг.) подобную позицию стали развивать Алесь Ясноок, создатель «Аутентичной Украины», крупнейшего украинского языческого сообщества в соцсетях, и Анатолий Ярошенко, глава независимой черниговской общины «Коло Сиверщины». При строгом подходе к реконструкции культурного наследия они развивают взгляд на Богов как на «отображение явлений и процессов в биосфере и атмосфере», причём пытаются подводить под это источниковую базу. Таким образом, это оказывается очередной химерической попыткой соединить Обычай и модерную науку, тем не менее, набирающей определённую популярность в украинской языческой среде.

Итак, в современном Родноверии наличествует богословский и философский плюрализм, что, с одной стороны, охраняет языческое движение от догматической застенелости, но иногда провоцирует нездоровые споры, раскалывающие движение изнутри. Очевидно, в ближайшем будущем серьёзных изменений в таком положении вещей ожидать не стоит. Если отдельные личности, создающие вокруг себя философские школы в узком смысле слова, будут способны к диалогу, качественной, конструктивной полемике, по нашему мнению, возможна минимизация нежелательных последствий философского плюрализма. В целом же он, повторимся, может быть осмыслен и использован как преимущество Язычества по сравнению с господствующими религиями.

б) Имманентность и трансцендентность. Два этих малопонятных слова могли бы показаться кому-нибудь и малосущественными для понимания религии. Тем не менее, в понимании Божественного и Его отношений с мировым и человеческим они как раз являются определяющими.

Пространные объяснения только бы запутали ситуацию, поэтому оговорим суть этих терминов кратко: *трансцендентное* – то, что недоступно опыту и эксперименту, что пребывает за чертой доступа вообще; *имманентное* – внутренне свойственное, то, что пребывает внутри. Важно не путать трансцендентное и *трансцендентальное* – то, что переступает границу, связывает разделённое это чертой.

Христианский Бог безусловно трансцендентен: его невозможно познать, постичь, достичь его состояния и слиться с ним, хотя некоторые мистики (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Майстер Экхарт, да и Сковорода, в конце

концов!) в рамках всё той же христианской системы такую возможность утверждали.

Какими были и какими должны быть языческие Боги – мнения современных богословов разделились. Г.С.Лозко, понимая Божественную трансцендентность такой, каковой она представлена в иудаизме и христианстве, резко отрицает это качество касательно «арийских Богов»⁸¹. С другой стороны, Ю.Эвола в вышеупомянутой статье «Против неоязычников» с не меньшей резкостью осуждает стремление современных ему европейских неопаганистов «имманентизировать», «обмирщить» арийскую религиозность, ссылаясь на олимпийские идеалы Античности¹⁴³. С ним частично соглашается молодой российский теоретик Е.Нечкасов (Askar Svarte) в статье «Проблемы языческого традиционализма»⁹⁸, осуждая попытки некоторых родноверов построить свою Веру «от противного»: если в христианстве Бог полностью трансцендентен, то наши Боги обязательно должны быть имманентны миру и т.д. Однако автор, будучи знаком, в отличие от Эволы, с традиционалистским Родноверием, идёт дальше в размышлениях на эту тему. В частности, он указывает на то, что обязательное «вмешательство трансцендентного» во время духовной инициации для язычника может происходить *изнутри*, ведь индоевропейские Традиции (и не только они) нередко утверждают тождественность внутреннего и внешнего (*tat twam asi*, «ты есть То» - известный тезис Упанишад).

В похожем ключе, но более радикально мыслят авторы статьи «Проблемы славянского родноверия в Украине и пути их духовного решения»⁵⁷. По их мнению, [трансцендентный] Дух Всевышнего может быть постигнут язычником лишь путём самоуглубления (вектор – вовнутрь), а не внешнего «вмешательства».

Последнее утверждение кажется парадоксом лишь на первый взгляд, сама же проблема, какой бы основательной она не была, - иллюзорна. Та самая языческая имманентность, признание присутствия Бога/Богов *внутри*, не только не отрицает *трансценденцию* (как опыт переступания Черты – а раз так, то и саму Черту, но осмысленную иначе, чем авраамизме), но и предполагает её во время *духовного делания*. Преодоление, «принесение в жертву» телесно-инстинктивной природы («животной») в пользу чувственно-рационально-волевой («человеческой») в ряде родноверческих течений является неотъемлемым инициатическим компонентом²⁴ (с. 230-232).

Сама возможность подобной трансценденции обусловлена не внеположностью Бога (Рода) – миру, а миром как непосредственным Его проявлением, хоть и не исчерпывающим Его пачеимённой и внепредметной природы. Кроме того, недуалистическое Родноверие ведёт речь о *высшей трансценденции*, преодолевающей любую двойственность, включая и само

деление на трансцендентное и имманентное. В этом направлении размышляет и Е.Нечкасов (Askv Svarte) в указанной статье, а также в своём двухтомном труде «Polemos. Языческий Традиционализм», опубликованной в 2016 году.

По нашему мнению, противоречия касательно Божественной природы Родная Вера способна преодолеть благодаря учению о Роде Всебоге-Вседержителе-Всесущем, три эпитета которого раскрываются в трёх категориях:

- Род как Бытие (имманентность по формуле *Бог есть всё*);

- Род как Воля, трансцендентная миру, но действующая в нём, проявляющаяся в ликах Родных Богов;

- Род как Вселенская душа, Природа (имманентность по формуле *Бог во всём*).

Таким образом, мы утверждаем *тотальность Божественного* для язычника-родновера, лишь развивая так полюбившуюся некоторым родноверам идею Григория Сковороды о том, что «Бог в теле и тело в Бозе, но не тело Богом и не Бог телом».

в) Персонифицированы ли Боги? Славя одних и тех же Богов, родноверы часто представляют Их себе по-разному. Один из несогласованных моментов касается того, имеют ли Боги *личность*, иначе говоря, персонифицированы ли Они.

Богумир Мыколаев, один из основных богословов РО СРВ¹, пишет: «Личное бытие является высшим бытием. Всё, что не имеет личного бытия, является бытием несовершенным и несамостоятельным...», «...Всевышний, как наивысшая и наибольшая личность, складывается из меньших личностей – Родных Богов»⁹². С этим справедливо не соглашаются супруги Зуенко: «...ни одна вещь, по ведийским понятиям, не является неживой и несовершенной, поскольку несёт в себе частицу Абсолюта», «не каждое существо, которое осознаёт себя, является личностью»⁵⁷.

Личностью, безусловно, является Бог в иудео-христианстве и, скажем, в кришнаизме. Поскольку в таком случае отношения между Божеством и верующим – это отношения между двумя самостоятельными личностями, они могут принимать форму любви, поклонения, обмена, но ни в коем случае не слияния и растворения. Такого Бога невозможно познать и постичь, потому что между личностями возможен только *диалог*.

---

¹ В 2016 г. Богумир вышел из РО СРВ, а в приватном общении с автором настаивал на персонифицированном понимании Божественного, однако мы оставили этот абзац без изменений, поскольку эту точку зрения всё же была высказана как элемент богословия «Родового огнища».

Кроме того, если Родных Богов признавать исключительно Личностями, не до конца понятным остаётся Их самовыражение в бытии (если по-умному, Их *онтологический статус*):

- Какую форму и воплощение имеет каждая из этих Личностей, ведь личность невозможна без конкретной оболочки?

- Следует ли из этого представления, что язычники разных народов, почитая единую Природу и Её Силы, славят онтологически разных Богов? Иначе говоря, Гелиос, Сурья, Дажбог или Тор, Перун, Индра вне человеческих Традиций и сознания верующего – разные названия одной и той же Силы или объективно разные Личности?

По нашему мнению, более последовательным и грамотным будет понимание Богов как Сил Природы (или, согласно с учением о Едином, о Роде, - как лики одной всепроникающей Силы), которые творят, поддерживают, разрушают и возрождают мир. Нужно понимать, что, несмотря на все слова и образы, эти Силы – *бесформенны и безымянны* (это не лишает Их сознания – впрочем, в том ли понимании сознания, к которому мы привыкли в своём человеческом бытии?). Постоянно действуя в разных комбинациях и местах Вселенной, переплетаясь и переливаясь, эти Силы представляют мир Яви как *сплошное Богоявление* (иерофанию), знаки которого язычник должен учиться читать. Однако это не диалог: какой диалог может быть между одной нотой и целой согласованной симфонией, в которую она входит? Как раз благодаря своей личности человек способен поставить себя на место *слушателя*, но это никоим образом не лишает его статуса ноты.

Проходя сквозь (под)сознание человека, обусловленное общественными и культурными реалиями, а также архетипами (в юнгианском смысле – структурами психики, которые являются плодом не индивидуального, а коллективного опыта), эти Силы приобретают конкретные и персонифицированные образы – собственно Перуна, Изиды, Зевса и т.д. Подчеркнём: по нашему мнению, эти образы, безусловно отличающиеся друг от друга (см. раздел III.3), существуют исключительно в *сознании самих верующих*. Размышляя о Традиции, человек способен возводить эти образы к архетипам (в смысле обобщения образов, имеющих тождественные черты) – Громовержца и его Противника, Трикстера, Великой Матери и др. Таким образом, если конкретный персонифицированный образ появляется *дедуктивным* путём, то выведение образа-архетипа человеческим умом вкупе с интуицией происходит *индуктивно*.

Кроме всего прочего, однозначное утверждение личностного бытия Богов предполагает, что Богам свойственно *оценочное отношение, чувства* и даже *эмоции*. Богам начинают приписываться милосердия или злобность,

способность одобрять и карать. Вероятно, этот взгляд на Богов можно считать в определённом смысле традиционным (в первую очередь, из-за склонности человека оперировать персонифицированным Божественным образом), однако может ли быть Природа милосердной или жестокой? И наоборот, не ведёт ли «очеловечивание» Богов к утрате ими своего священного статуса? Супруги Зуенко резонно указывают, что «антропоморфизация Верховного Божества как раз и является причиной многих религиозных проблем человечества с древнейших времён...»⁵⁷. В работе «Боги германцев» выдающийся исследователь индоевропейской мифологии Жорж Дюмезиль так характеризует последствия этого процесса: «теперь пантеон – это всего лишь проекция земных государств или военных шаяк, единственная цель которых – победа и нажива»⁴⁸. Позволим себе также заметить, что мифология вследствие этих процессов превращается в совокупность басен о «небесных» интрижках и похождениях. Не зря против излишков гомеровской мифологии выступали многие светлые умы Древней Греции, а её отрицание из-за абсурдности и нелепости проложило путь к десакрализации античной жизни и духовному хаосу эпохи эллинизма.

Вместе с тем, персонифицированные образы Богов и без придания им самостоятельных моральных качеств могут (и должны) служить этическими ориентирами родноверов: Перун – идеальный Воин, Лада – идеальная Мать, Сварог – идеальный Мастер-творец и т.д. Постигание и *достижение* (здесь и сейчас, в этой жизни!) этих ориентиров представляется хорошей перспективой морального и духовного развития.

Тем не менее, в Родноверии существуют попытки даже в рамках очерченных нами позиций утвердить присутствие определённой Личности в «структуре» Рода (см. предыдущий пункт). Велеслав Черкасов таковой считает трансцендентную Волю, которая не растворилась в мире, а упорядочивает и направляет его посредством Родных Богов²⁴ (с. 369). Это утверждение предполагает большие богословские и философские следствия, углубляться в которые считаем излишним, но само оно, кажется, способно положить конец дискуссиям о персонифицированности или неперсонифицированности Богов, упорядочивая все позиции в целостной системе.

г) Существуют ли Боги вне своих функций? Почему вообще возник такой вопрос и почему он важен? Дело в том, что для нас – тех, что выросли в секулярном и атеизированном обществе, языческий Бог – это всегда «Бог *чего-то*» (Земли, Ветра, Грома и т.д.), Бог, имеющий конкретную функцию или аспект Вселенной, за который Он «отвечает». Очевидно, не совсем так обстояли дела в древности. Вновь обратимся к замечательной монографии А.Ф.Лосева⁸⁸: в Древней Греции Зевс и Аполлон, как и другие важные Боги, в

разных регионах и в разных мифах представляли с разными функциями, а на общеэллиническом уровне могли совмещать функции, скажем, Змееборца, Светоносца и Целителя. Впрочем, и в историческом Язычестве функциональная «специализация» Богов также ощущается.

Понимание Богов как вполне конкретных Сил Природы (см. предыдущий пункт) служит дополнительным основанием для такого взгляда в Родноверии. Однако следует различать области функционального ограничения Богов в их культах (то есть *в качестве кого* они почитаются верными) и объективные пределы каждой из этих Сил.

Для генотеиста (см. раздел III.3) «избранный» Бог может совмещать в себе черты других Богов. Например, Сварог для страстного поклонника может соединять в Себе функции других мужских Богов пантеона (по крайней мере, Светлых) и даже Ладу как Свою женскую половину. Тем не менее, не следует забывать, что такое объединение происходит исключительно в сознании самого верного, оно важно именно для его духовного Пути и познания себя. А как насчёт объективных пределов Сил?

Различать их помогает, в частности, структура пантеона. Почти все Традиции знают Богов наиболее значимых аспектов Вселенной – Солнца, Огня, Воды, плодородия, однако могут выделяться и более дробные проявления и конфигурации Сил. Так, в Древнем Риме выделяли Силы, помогающие новорожденному совершить первый крик (Ватикан), вымолвить первое слово (Фабулиний), которые учат его пить и есть (Эдука и Полина), делать первые шаги (Абеона); не менее дробное деление имело место и среди Сил, способствующих земледельцу¹⁴⁶. Такие дробные Силы, впрочем, не следует путать с *духами местностей* (лешими, домовыми, банниками), которые как раз не являются вездесущими и безымянными Силами: очевидно, что духи Химкинского и Голосеевского лесов – это разные духи, а домовые различны в каждой избе.

Иной способ определения объективных границ Божественных Сил – собственный мистический опыт, заключающийся в наблюдении за всеми переплетениями и переливаниями безостановочного потока Богоявлений. С помощью такого опыта достаточно легко разрешаются противоречия между тем, когда Перун именуется мужем Матери-Земли, и священной Божественной парой Небо-Земля: когда, как не во время грозы, происходит единение этой пары, что, как не молния, так выразительно и страстно пронизывает пространство, отделяющее «верх» от «низа», одновременно соединяя их в мистическом браке, из коего рождается всё живое?

Впрочем, не стоит забывать о главном, на наш взгляд, «козыре» родноверческого богословия – учении о Роде. Чем обусловлена

многопроявность Силы, которая сама по себе, как уже было высказано выше, является единой? Очевидно, именно функциями: где-то эта Сила должна проявиться как ладование, гармонизация, где-то – как разделение и размежевание, а где-то – как разрушение того, чему пришёл срок отойти. Итак, с этих богословских позиций можно уверенно утверждать, что Родные Боги являются *функциональными ликами Рода*.

Поскольку Их появление, таким образом, вызвано необходимостью разного функционального применения Силы (Её разного самопроявления), вне своих объективных функций Боги не существуют. Конечно, это утверждение может быть оспорено с точки зрения иных богословских позиций – мы только поддерживаем то, чтобы такая дискуссия возникла.

В любом случае, что касается Богов в сознании их почитателей, то, как верно заметил Жорж Дюмезиль, «какой значительный Бог в политеизме, какой пользующийся народным признанием святой время от времени не выходит за отведённые ему границы?»⁴⁹.

д) Манифестационизм как альтернатива креационизму и эволюционизму. Одной из главных проблем христианства в эпоху Модерна является его несопоставимость с эволюционистским учением. Кому из нас не приходилось слышать дурацкие споры насмешливых дарвинистов и теологов-креационистов, дословно понимающих первую книгу Библии?

Язычество не отрицает эволюции. Буквальное прочтение языческих космогоний невозможно из-за его абсурдности, таким образом, становится понятной их *символическая* природа. Однако в отличие от христианина и тем более от дарвиниста, язычника больше волнует происхождение не тела (оно вполне могло произойти вследствие генетических превращений общего с обезьянами предка – в конце концов, это ещё раз подтверждает его органическую принадлежность Природе), а *души*¹, которую мы, родноверы, часто представляем как Искру Сварожьей Кузни.

Собственно, «подводным камнем» дарвинизма является как раз то, что мысля своё происхождение только лишь в рамках развития животного мира, человек начинает воспринимать себя исключительно как тело, поскольку и сам дарвиним исходит из материалистических положений.

Кроме того, эволюционизм, как и любой другой идейный плод Модерна, противоречив и неоднозначен. Например, достаточно часто эволюцию

---

¹ Тут мы исходим из представления о трёх природах, свойственных всему живому : тело (плоть, руководствующаяся инстинктами и рефлексамми), душа (проявляющаяся, главным образом, в чувствах, уме и воле) и Дух (понимание которого может отличаться в зависимости от философской школы – см. пункт III.6.a). Истоки этого представления можно найти в Упанишадах (см., например, Атма-упанишаду), а само оно в той или иной мере поддерживается большинством родноверов.

начинают понимать в «прогрессистском» ключе: человек начинает пониматься как «венец эволюции», как и в христианской доктрине, он – «венец творения». Чисто физиологически человек действительно способен, в отличие от животных, сполна использовать потенциал души – чувства, ум и волю (тем не менее, и животные их имеют и при нужде проявляют в той мере, какая им доступна). Однако это никоим образом не ставит человека выше животных, не делает его лучшим и более ценным, чем они. Язычество в первую очередь исходит из положения о невозможности существования человека вне Природы.

Тем не менее, Язычество из глубины веков уже несёт в себе достойную самобытную альтернативу как авраамическому креационизму, так и модернистскому эволюционизму, - это *манифестационизм* (от лат. *manifestation* – «проявляю», «нахожу»). Наиболее удачная, по нашему мнению, статья на этот счёт была написана теоретиком «Велесового круга» Вороном Луганским⁷⁰. Он вполне справедливо замечает, что стержневой принцип манифестационизма исходит из древнейших языческих представлений о том, что мир возник из тела космического Прасущества (Пуруши, Имира, Яйца-Райца и т.д.), причём в славянской Традиции этот миф достаточно чётко фиксируется в «Стихах о Голубиной книге» (к сожалению, на территории Украины устное бытование этого мифа почти не наблюдается¹¹⁰, но, опять-таки, у нас есть миф о Яйце-Райце).

Стоит дословно процитировать Ворона: «Доктрина манифестационизма заключается в том, что это мировоззрение рассматривает Вселенную как *самопроявление* и *самообнаружение* Божественного принципа, мир является не творением, а *проявлением и продолжением* Бога, Бог в этом случае является не Творцом но источником Бытия, семенем, из коего проросло растение, т.е. Вселенная. Манифестационизм принципиально отказывается рассматривать рождение мира как одноразовый и единовременный акт творения, мир в манифестационизме есть разворачивание и самораскрытие всех свойств и качеств, изначально скрытых в Божественном источнике... И каждое явление мира, каждый объект и форма, существующие во Вселенной, одухотворены и заключают в себе в потенциальном виде все свойства и качества Первоисточника (как в каждом семени-зерне заключено все растение), то соответственно все существующее в мире от травинки до человека и до звезд имеет возможность пройти эволюционный путь [здесь имеется в виду, конечно, *духовная* эволюция или эволюция сознания] от мельчайшего атома вплоть до полного тождества с Изначальным Источником – Абсолютом».

На наш взгляд, манифестационизм – чрезвычайно удачная концепция, развивающая идею *тотальной Божественности*, высказанную в пункте III.6.б. и учение о Роде как таковое. Кроме того, советуем обратиться к заметке

Велеслава касательно разницы в духовном самопознании в рамках авраамического креационизма и языческого манифестационизма²³.

е) Возможна ли и нужна ли в Родноверии доктрина духовного освобождения? Сначала – немного о том, что имеется в виду. Наряду с космологией (учением о мироздании) и антропологией (учением о человеке), составляющей многих религий – и древних, и современных – является *сотериология*. Христианский налёт на этом термине достаточно заметен, поскольку дословно его можно перевести как «учение о спасении». Конечно, исповедующему естественную религию сложно осознать, от чего хочет «спастись» исповедующий религию историческую (М.Элиаде пишет о желании спастись от «ужаса истории»¹⁴⁷). Тем не менее, сотериологические концепции, касающиеся не столько «спасения», сколько духовного освобождения, чрезвычайно распространены в Индии (не благодаря буддизму – наоборот, буддизм появился лишь как один из вариантов в эпоху сотериологических исканий), у даосов, наконец, они были популярны и в Древней Греции (свою сотериологию имели орфизм, пифагорейство, платонизм, стоицизм и т.д.). В некоторых из них речь идёт об освобождении от страданий – вполне понятное желание большинства мирных хозяйственников, в некоторых – о духовном Делании, подвиге, доступном и необходимым лишь мудрецам, либо тем, кто хочет посвятить себя Божественному.

Родная Вера как религия космическая и народная собственной сотериологии практически не имеет. Утверждая вечное возвращение и круговорот всего живого, славянское Язычество вроде как не видит нужды в выходе за его пределы. Определённое сотериологическое значение можно усмотреть в представлении, записанном В.Шухевичем на Гуцульщине: «Жизнь человека, его рождение и смерть – это исхождение от Солнца и возвращение к Солнцу. Вся жизнь человеческая – это стремление вернуться к своему начальному источнику, соединиться вновь с Солнцем: родиться – оторваться от Солнца, умереть – вернуться к Солнцу»¹⁴⁰.

На первый взгляд может показаться, что собственную сотериологическую концепцию предлагает Владимир Шаян в «Вере Предков наших». Хорошо зная индийскую философию, он обращается к *жертве* как универсальному способу духовного восхождения: «Вот целую человечность принёс ты [Шаян здесь, видимо, обращается к Ницше] в жертву сверхчеловеку, а не сказал ты ей, что сверхчеловек восстанет из жертвы. Почему ты не велел им искать тайной силы всежертвы?»¹³⁴. Высочайшее Делание для Шаяна – троекратное самопожертвование (мыслей, чувств и жизненной энергии) Перуну, означающее прорыв к надличностному существованию в «вечной роскоши творчества Наивысшего»¹³⁴, то есть равное сотворчество с Перуном (которого

Шаян считает принципом именно творчества, а не поддержания и защиты созданного Сварогом). В этом ещё раз проявляются дуалистические позиции Шаяна, поскольку он отрицает растворение человеческой личности в Божественном, признавая лишь восстание «Нового Человека», изменение экзистенциального статуса. В конце концов, учитывая контекст, в котором возникло это учение (искания Сверхчеловека, философия бытия, дух первой половины XX в.), можно вполне понять его основания. Оно кажется нам учением не столько о *духовном* освобождении, не столько о волховском Делании, сколько о Делании воинском, героическом, что ощущается буквально в каждой строчке соответствующих текстов.

Едва ли не единственный вариант полноценной сотериологии находим в произведениях Велеслава Черкасова. Отталкиваясь от позиций недуализма в духе индийской философской школы *адвайта-веданта*, он пишет о Десном и Шуйном пути как о сути духовного пути родновера. Сначала каждый отдаляется от своего Истока, *развиваясь*, разворачиваясь и реализуясь в бытии – безусловно, это путь не одного и даже не двух перерождений. В какой-то момент, однако, человек понимает, что пик пройден и время возвращаться к Истоку. Это «возвращение» означает, конечно, не моральное и этической «падение», а радикальное углубление внутрь себя в поисках того саомго Истока. Велеслав неоднократно предостерегает от преждевременного интереса к Шуйному пути, уподобляя его поздним *аршамам* в индуистской этике (после самореализации в жизни и воспитания детей – отход от мирских дел и сосредоточение на духовном самопознании). Конечной целью Шуйного пути, как и индийской *адвайты*, считается преодоление главного компонента иллюзии двойственности – иллюзии раздельного существования человеческого («посюстороннего») сознания и Абсолюта. Развивая эту тему в «Книге Великой Нави», «Учении Великого Совершенства» и других позднейших произведениях, Велеслав хотя и отходит от собственно славянской Традиции, но умело оперирует родноверческой системой обозначений для описания собственного духовного опыта. Например, для обозначения полноты (и вместе с тем – первичной пустоты) Абсолюта он использует термин *Нерождённое*, по отношению к которому сам *Род* оказывается лишь отдельным аспектом – аспектом, который начал *рождать, творить*. Тут космология и сотериология тесно переплетаются с *телеологией*, ещё одним слабо разработанным компонентом Родноверия: *зачем* началось творение / самопроявление / манифестация, *для чего* возник мир? Будучи вдохновенным мистиком, Велеслав даёт оригинальный ответ, однако его рассмотрение было бы явным отходом от темы.

Итак, доктрина духовного освобождения, предлагаемая Велеславом 1) возможно исключительно в рамках философского недуализма; 2) на самом деле необходимой лишь небольшому количеству родноверов. Большинство, для которого «Радость Жизни Вечной» (Символ Веры ОРУ) в замкнутом кругу перерождений является неоспоримым фактом, должно этой Радостью наслаждаться, живя по Правде и в Ладу. Однако все мы должны осознавать, что Родная Вера как настоящая *естественная* религия должна принимать всё разнообразием проявлений Вселенной, структурировать *разные* Образы Мира для *разных* людей, объединённых одной этнической Традиции. Культ Жизни, вполне здравый и правильный, ни в коем случае не противостоит культу Смерти и Любви (Велеслав: «Истинная Любовь – Воля к Единству») как основным принципам преодоления Черты, единения противоположностей и, соответственно, преодоления двойственности – они просто находятся в разных плоскостях миропонимания.

Сотериология в таком ракурсе – не спасение, а освобождение от всех без исключения обусловленностей для тех, в ком Дух окончательно познал Себя. Это – *теозис*, обожение, недоступное христианину, который не может полностью познать своего Бога, как нам кажется, именно из-за нежелания растворить свою личность в Абсолюте (ведь и Абсолют представляется ему как Личность). Таким образом, путём разработки недуалистической сотериологии родноверы могут получить огромное преимущество над христианством – возможность *познать Бога, растворившись в Нём*, когда будут иметь к этому духовную готовность.

Итак, чрезвычайно сложный и важный аспект Родноверия ещё ждём своих мудрых богословов, а тем более – поэтов и мистиков, которые своих вдохновением будут торить путь к Невысказываемому.

ё) Брат и Сестра. В славянской Традиции, как и во многих других, немало священных имён оказываются табуированными, замененными в повседневной речи эпитетами или эвфемизмами. Один из наиболее известных случаев – *медведь*, почитаемый Предками зверь, первичное название которого у славян, видимо, восходило к общему германо-балто-славянскому корню *бер* (отсюда – берлога).

Имя *Ярило* также кажется заменителем собственного имени Божества, которое *ярит*, простирает по Земле ярую (весеннюю – с весной филологи связывают сам корень «яр») силу и возбуждает её в каждом живом существе. Это и весеннее Солнышко, и молодой Велес как властитель животной, инстинктивной природы – в переплетении Их влияний и рождается эта Сила, первичное славянское имя которого мы стремимся отыскать.

В родноверческом пантеоне существует образ Божества мужского пола, место которого точно не определено. Это – *Лель*, про которого упоминают чаще именно украинские родноверы (не благодаря ли использованию именно этой, мужской, формы имени Иваном Франко в названии одного из своих романов?). Российские родноверы, следуя за Б.А.Рыбаковым, обращаются преимущественно к *Леле* как дочери Лады и (опять-таки, по «рыбаковской» концепции) «младшей Рожанице». Г.С.Лозко предлагает немного другой взгляд, основанный на аналогии с древнегреческой Традицией: Лада – Мать как Лели, так и Леля (= Полеля), Божеств весны и всего, что с ней связано⁷⁵. Волхвиня, как она нам сообщила, прямо отождествляет Леля и Ярила, и это кажется вполне логичным следствием высказанного взгляда.

Конечно, стоит упомянуть и об «академическом» взгляде на этих Божеств, который уже проскальзывал в разделе III.4: якобы они являются кабинетными творениями учёных XVIII-XIX веков, которые приняли христианизированные (!) припевы в веснянках за имена собственные мифологических персонажей. Тем не менее, вряд ли славянская Традиция как составляющая индоевропейской могла существовать без *архетипа Брата-и-Сестры*, которому фигуры Леля и Лели полностью соответствуют.

Что же это за архетип, который даёт нам право утверждать это с такой уверенностью? В гимне Ригведы X.10 обыгрывается диалог между близнецами, братом и сестрой, Ямой и Ями (их имена и означают «близнец/близняшка»). Последняя предлагает Яме инцест, тот отказывается, аргументируя разными причинами нормативного характера. Тем не менее, в некоторых индийских источниках род человеческих происходит именно от них, в других – Яма становится первым смертным, указующий путь смерти иным людям; он также связан с Солнцем через своего отца *Вивасвата* («сияющий», «лучистый») и имеет соответствующий эпитет. Аналогичная ситуация, но с точностью наоборот, наблюдается в иранской Традиции: там Йима и Йимак – регламентированная брачная пара (лучше всего об этом свидетельствует «Бундахишн»); Йима так же является первым смертным, царём Золотого века, связанным с Солнцем. Наконец, в германо-скандинавской Традиции присутствуют Фрейр и Фрейя, которых трикстер Локи в своей знаменитой «Перебранке» (*Lokasenna*¹⁰⁴ из «Старшей Эдды») тоже обвиняет в инцесте (строфа 32). Они так же связаны с весенне-летним плодородием. Что же касается древнегреческой Традиции, которую волхвиня Зореслава использует в качестве образца в своём богословском построении, то в ней присутствуют Аполлон и Артемида с их Матерью Лето (Латоной), но источники не имеют свидетельств об инцестуозных отношениях между этими Братом-и-Сестрой. Тем не менее, классический Аполлон – прямой аналог Леля-Ярилы, а, зная о

сложности и многогранности образа Артемиды, можно предположить существование подобных мифологических мотивов где-то на периферии Традиции, в которой инцестуозный миф позднее почти «монополизировала» фигура Эдипа.

Восточнославянский фольклор донёс наш вариант этого мифа в образах *Ивана-да-Марьи* (брат с сестрой были превращены в цветы из-за кровосмесительного брака, либо его намерения, не зная о собственном родстве). Очень значимым оказывается также и то, что эти цветы прямо называются в народе *братом-и-сестрой*, *купавкой* (*купальницей*), *цветком Купалы*. В обрядовом плане отношения между мужским и женским Божествами весны достигают высочайшего напряжения именно на праздник Купала, когда разыгрывается брак между Ярилом/Купалом и Лелей/Мореной/Купалицей, их символическая смерть и воскрешение в новом качестве – как зрелых Божеств лета, заботящихся об урожае (детальнее об этом см. следующий пункт).

Таким образом, на наш взгляд, именно Лель – первичное имя Бога весны у восточных славян, Ярило – его эпитет. Сходство имён Леля и Лели вполне аналогична формам имени Брата-и-Сестры в других индоевропейских Традициях, а их функции (Солнце, плодородие, смерть и воскрешение) также много в чём сходятся.

Но в чём суть инцестуозного мифа, воплощённого в образах Брата-и-Сестры? Во-первых, он, как и многие другие мифы, регламентирует общественные нормы: или запрет на инцест между близкими родственниками одного поколения (в большинстве случаев), или наоборот, как это характерно для древних иранцев (и не только) и так необычно для нас. Во-вторых, он может утверждать *единство истока* за пределом любых дуальностей, истока, откуда происходит и куда возвращается всё живое и род человеческий в частности.

Мы осознаём, что наше построение также является шатким и гипотетическим, однако, как было указано: мы стремимся, в первую очередь, *обозначить* проблемы.

ж) Смерть на празднике жизни. Пытаясь воспроизвести традиционные праздники по той канве, которая дошла до нас из этнографических источников, родноверы сталкиваются с проблемой богословского обоснования обрядовых действий, персонажей и символов. Одна из проблемных зон в данном случае – главные персонажи Купальского праздника.

В разных регионах бывшей Руси бытуют разные, хотя и взаимосопоставляемые названия: *Парня* зовут Купалом или Ярилой, а *Девушку* – Купалой, Купалицей, Берёзкой, Костромой или Мореной. Последнее

имя сохранилось в качестве «каноничного» для украинского фольклора, что создаёт дополнительные трудности.

Во-первых, понятно, что Морена, или Мара, - это славянская Богиня Смерти, вопреки попыткам некоторых учёных (А.Афанасьев, Т.Новичкова, Л.Клейн) видеть в ней просто «призрака», «привидение» или «ведьму». Во-вторых, непонятно, что Богиня Смерти делает на мощнейшем славянском празднике Жизни и тем более – почему она занимает структурное место девичьего воплощения Весны, которое, по логике Кола Сварожьего, на летнее солнцестояние справляет свадьбу со своей парой, проходить сквозь ритуальную смерть (в какой-то мере тождественную половому акту: женское отходит «мужской» стихии Огня, то есть сжигается, мужское – топится) и воскресает утром в новом, зрелом, летнем подобии.

Абстрагируясь от изложенного только что понимания купальского таинства (как драматического перерождения Весны в Лето), по нашему мнению, можно найти объяснение этому парадоксу. Если не обращать внимания на нелепую интерпретацию Л.Клейна, который рассматривает ритуальный похорон Морены как попытку «прогнать ведьм»⁶⁶ (см. выше также его взгляд на само имя), кое-что интересное можно почерпнуть в классическом труде Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь»¹²⁸. Ссылаясь на ряд европейских народных обычаев, автор утверждает (с. 297), что ритуальное уничтожение Смерти во время весенне-летних обрядов плодородия преследует цель как раз *передать живородящую силу* от Её воплощения (чучела, куклы) – людям, растениям, полям. Этот парадокс объясняется неразрывной (диалектической, если хотите) связью смерти и воскресения или нового рождения в традиционном сознании. Кроме того, обращаясь к В.Маннхардту, Фрэзер указывает на лингвистическую связь между словом «смерть» и духом спелого хлеба (с. 299). Если это ещё может немного подкрепить наше обоснование, вспомним, что обязательный атрибут славянской Морены (как Богини, не персонажи Купальской мистерии) – это серп; Она – Жница, таким образом, Её присутствие в летней обрядности вполне естественно. В рамках генотеистического богопонимания, женские фигуры вполне способны заменять друг друга: проницательный родновер и в Леле может увидеть Морену, а в Морене – Лелю.

И всё же даже нам самим эта версия кажется слабой. Предпочитая стройную последовательность всех элементов годового Круга, мы допускаем вероятную правоту ещё одного объяснения, упоминаемого Л.Клейном: имя Морены в одном из главных праздников года появилось в двоеверческие времена из-за слияния Мары-Морены и Марии (как центрального для христиан женского имени). Так фонетически схожее имя местного образа появилось в

местном обряде как указание на формально главный женский персонаж *нового* пантеона, вытеснив более адекватные празднику имена Купалицы и Купалы.

Дабы не усложнять проблемы и избегать недоразумений во время обрядов, предлагаем в живой практике Купальского праздника отдавать предпочтение именно этим двум именам.

з) **Теология Триглава.** Сразу оговоримся, что Триглав для нас – не отдельное Божество, как утверждают некоторые (смешивая его, к тому же, с несколько сомнительной фигурой Трояна), а *богословская структура*. В эту структуру могут объединяться (в наших умозрительных построениях, конечно) разные Боги и Богини, причём именно так часто проявляется их архетипичность, о чём речь пойдёт далее. Г.С.Лозко абсолютно справедливо определяет Триглав как *Божественный принцип триединства мира*⁸⁶; кроме того, в богословском измерении это – *совокупность сил трёх Богов*. В этом пункте мы рассмотрим несколько Триглавов, которые признаются родноверами Украины и России.

Род – Белобог – Чернобог. Родов Триглав, с которого стоит начать, отображает полярные процессы – Творение и Разрушение и то, что их уравнивает. Ни в коем случае нельзя отождествлять их с добром и злом. Некоторые теоретики – сторонники дуализма (Доброслав, Велимир Сперанский) – признают объективность этих понятий, иногда согласовывая их с понятиями соответственно блага для родного народа или кривды ему же. Однако, как гласит пословица, что русскому хорошо, то татарину – смерть. Практически невозможно определить, какая ситуация действительно принесёт народу благо, а какая – кривду, - для нас это только лишнее подтверждение того, что противоположности Белобог/Чернобог находятся в иной плоскости, чем добро/зло. Поклонники «Велесовой книги» непременно вспомнят тут дощечку 11-А, сообщающую: *«А вдвоём Белобог и Чернобог перунятся, и тем Сваргу удерживают, чтобы миру не быть поверженным»* («перевод» Г.С.Лозко, пер. с украинского – В.Д.). Мировая гармония, Лад, держится именно на единстве и взаимодействии контрастных противоположностей, имеющих один источник.

Сварожий Триглав также является одним из самых почитаемых. Однако существует он сразу в двух вариантах: *Сварог – Перун – Велес* и *Сварог – Перун – Свитовид*. Оба варианта апеллируют в своей основе к «Велесовой книге», а, в частности, к триаде эпитетов, которая часто упоминает в ней: *Дед – Дуб – Сноп*. Г.С.Лозко, будучи сторонником второго вариант, в своей статье «Теология Триглава по украинским источникам» потрясающим образом развивая в качестве триады «Бога-Отца», «Бога-Сына» и «Бога-Духа». На наш взгляд, такой непосредственный перенос христианских концепций на родноверческую

почву является не нужным и, возможно, даже вредным, тем более, что ни в какие другие концептуальные отношения эта триада вступить неспособна.

Сварожий Триглав – яркий пример «трёхсоставной индоевропейской идеологии», которую так бережно и глубоко исследовал Жорж Дюмезиль (к сожалению, в переводе на эту тему доступен только один его труд – «Верховные Боги индоевропейцев»⁴⁹). Главная триада Богов, которую он стремился отыскать в каждом варианте индоевропейской Традиции, заключается в трёх функциях: *Верховная власть – Военное дело – Плодородие*. Эти функции чрезвычайно точно укладываются в эпитеты *Дед – Дуб – Сноп*. Однако может ли Свитовид занимать место Снопа? Саксон Грамматик описывает осенний праздник Свитовида в Арконе, во время которого жрец в том числе должен был прятаться за огромным снопом или караваем, что должно было бы продемонстрировать «успех» урожая этого года и «запрограммировать» такой же успех на следующий год. Тем не менее, никаких связей Свитовида с плодородием не наблюдается, да и само Его присутствие по Всебожье восточных славян под вопросом (отождествление Збручского кумира со Свитовидом восходит к Б.А.Рыбакову и должно считаться гипотетическим). В противовес этому не подлежит сомнению широко засвидетельствованный этнографами ещё в начале XX века по всей территории бывшей Руси обычай оставлять на поле *Волосову бородку* (либо *Волосу на бородку*) – сжатые последними и переплетённые особым образом колосья. А обычай плести из последнего снопа *Дидух* как обязательный атрибут Обжинок и Рождества сохраняется в украинских сёлах и поныне. Кто, как не Велес, Властитель потустороннего, лучше воплотит в снопе Дедов (Предковский) Дух?

Есть ещё один аргумент в пользу первого варианта Сварожьего Триглава: это – индуистский *Тримурти*, что можно буквально перевести как «Триглав», «Три лика» (правда, этимологически «мурти» родственно с нашей «мордой»). В Тримурти традиционно входят Брахма, Вишну и Шива, воплощающие три (четыре) главных вселенских процесса, с которыми мы сталкиваемся ежедневно и ежечасно: *Творение – Поддержание – Разрушение* (и последующее *Возрождение*). Перенося то же самое понимание Триглава на славянскую почву, мы можем использовать только структуру *Сварог – Перун – Велес*. И то – Велес не является чисто Тёмным Божеством, ведь Он также и «Скотий Бог», то есть Покровитель богатства и достатка. Поэтому, на наш взгляд, функциональная структура Сварожьего Триглава может быть уточнена и конкретизирована: за Творение на самом деле «отвечают» и Сварог, и Велес Дородный, а за Разрушение/Возрождение – Велес Вещий (как Сила, разрушающая наши заблуждения и стереотипы) и Кощный.

Сварожий Триглав в таком виде должен иметь соответствие пространственной (Правь-Явь-Навь), временной (будущее-теперешнее-прошлое) и ценностной (Воля-Сила-Мудрость) триадам родноверческой «картины мира». Тем не менее, в рамках родноверческой антропологии (учении о теле, душе и Духе) сложно приписать кому-то одному из Триглава покровительство какой-то одной составляющей человека. В схеме, предлагаемой ниже, представлено наше понимание того, как каждый из ликов Триглава проявляет себя в каждой категории. На уровне Духа Боги обозначены как архетипичные образы, раскрывать которые мы тут не решаемся из-за ограниченности места.

	<i>Сварог</i>	<i>Перун</i>	<i>Велес</i>
<i>Дух</i>	Демиур г	Змеебор ец	Змей
<i>Душа</i>	Огонь Сердца, Воля к Творчеству	Воля к преодолению препятствий	Воля к Познанию
<i>Тело</i>	Творение Небесной Кузни	Мощь и Здоровье	Животное, «скотская» природа

Ещё один парадокс возникает в связи с распространённой среди родноверов идеей деления людей на *душевные сословия*¹ - три или четыре. Четыре – как дань индийской социальной системе, однако стоит вспомнить, что шудры как четвёртый элемент изначально были завоёванным аборигенным населением, таким образом, сами по себе были привнесены в эту структуру поздно; вопреки этому, в «Государстве» Платона, построенном на той же идее, обнаруживаем именно три сословия. Если Сварожий Триглав автоматически «распространить» на эти сословия в качестве их Покровителей, то Велес окажется чисто сословия производителя материальных благ, Хозяев. В то же время в «Слове о полку Игореве» сам сказитель Боян – носитель священного эпоса (= Знания), волхв, человек искусства – именуется Велесовым внуком.

¹ В данной книге мы не будем детально рассматривать проблему *иерархии* в Язычестве. Заметим лишь, что под «душевыми сословиями» мы понимаем исключительно ориентацию человеческого «я» на удовлетворение преимущественно телесных, душевных или духовных потребностей, однако не считаем эта ориентация не может быть изменяться на протяжении жизни. В этом случае «душевные сословия» не имеют ничего общего с устройством социума и отображают только лишь уровень осознания и раскрытия Божественного в себе.

Таким образом, в плане покровительства человеческим сословиям Сварожий Триглав так же должен быть уточнён: Покровителями сословия *Жрецов* (людей *духовных*, целью жизни которых является познания, *дивья-бхава* в индийской Традиции и *пневматики* в Античности) выступают и Сварог, и Велес Вещий; сословия *Воинов* (людей *душевных*, целью жизни которых является борьба, *вира-бхава* в индийской Традиции и *психики* в Античности) – Перун; сословия *Хозяев* (людей *плотских*, целью жизни которых является труд и благосостояние, *пашу-бхава* в индийской Традиции и *гилики* в Античности) – Велес Дородный.

Мокошин Триглав, который также является разновидностью индоевропейского архетипа Богинь Судьбы (Божественных Прях), мы рассмотрим в следующем пункте.

Б.А.Рыбаков в своём известном двухтомнике, посвящённом Язычеству славян, приводит пример ещё одного Триглава: *Стрибог – Дажбог – Переплут* (= Семаргл). Эта троица восходит непосредственно к тексту древнерусского перевода «Слова Иоанна Златоуста о том, какое первое поганее веровали в идолы». Обратившись к первоисточнику, читаем: «в народе-де кумирскую жертву ядять... верують в Стрибога, Даждбога и Переплута, иже вертячеса ему пиють на розех». То есть люди через несколько столетий после принятия христианства Владимиром справляли обряды в честь этих Богов, очевидно, танцуя и попивая (что именно – уже другой вопрос ☺) в священных местах. На наш взгляд, Боги перечисляются довольно-таки произвольно, хотя Б.А.Рыбаков пытается развить из этого определённую концепцию.

Г.С.Лозко, ссылаясь на «Велесову книгу» (в других источниках они не встречаются) перечисляет ещё 23 Триглава^{82,86}, за которыми, к сожалению, не видно ни целостной системы, хотя волхвия и пытается упорядочить их в схематическом виде (см. ссылку на статью), ни возможности их применения в родноверческой практике.

В общем, Триглав кажется нам структурой, имеющей большое будущее в Родной Вере, благо она очень щедра на богословские и мистические искания, направленные на неё.

и) Бинарные сестрицы. Через образ Параскевы Пятницы, особо почитавшей на пространствах бывшей Руси, до нас дошли относительно целостные представления о Мокоше, которую раннехристианская мученица «заменила» после распространения христианства. Из народной Традиции мы узнаём, что Мокоша, а, следовательно, и Параскева, имела чёткое время почитания в годовом Круге – это вторая половина октября, на которую в двоеверческом календаре выпадают целых два праздника Параскевы (14 и 28 октября по старому стилю). И сам годовой «удел» Богини, и обычаи, связанные

с этими праздниками, имеют непосредственное отношение к традиционным женским ремёслам – прядению и ткачеству. Мироззрение человека Обычая придавало этим ремёслам конкретное символическое значение – с ним связывалась идея *судьбы*. Женские гадания оказались на удивления стойкими элементами языческой практики: ещё в XVI веке поучавшие против Язычества вопрошали: «Не ходила ли еси к Мокоше?». Против «волхвований», «ворожбы» и других «суеверий», связанных с Пятницей в частности, выступают и некоторые положения *Стоглавого Собора*, проходившего в 1551 году при Иване Грозном.

Ещё более стойким, чем образ Мокоши, оказался образ одной из Её «дочерей» (реже – «сестёр»), собственно, *Доли*. П.П.Чубинский во время этнографических экспедиций по Украине в 1870-х годах отмечал ритуальный призыв Доли на девичьи гадания, которые проводились вечером в день Екатерины (24 ноября по старому стилю): «Доле, ходи до нас вечеряти!»¹³¹ (с. 257). В народных сказках славянских народов сохранялась парная (бинарная) оппозиция двух Божественных сестёр – Доли и Недоли (у южных славян – Стречи и Нестречи), имевших вполне конкретные «функции».

Современное родноверческое богословие объединяет этих Богинь в Триглав, имеющий архетипические параллели в европейской Традиции. Но как раскрывались эти Триглавы другими народами? Древнегреческие *Мойры* различались следующим образом: Клото́ пряла нить и давала жизнь, Ла́хесис распределяла судьбу, А́тропос обрывала её, перерезая нить. Древнеримские *Парки* понимались аналогично: Нона соответствовала Клото, Децима – Лахесис, Морта (от индоевропейского корня, обозначающего Смерть) – Атропос. Германско-скандинавские *Норны* представлялись немного иначе: Урд, древняя старуха, воплощала прошлое, Верданди, женщина средних лет, – теперешнее, а юная Скульд – будущее. Обратим внимание на то, что во всех трёх Традициях Богини-Пряхи представлялись сёстрами, а не матерью с двумя дочерьми. Впрочем, из этого не следует никаких выводов касательного Традиции славян, ведь мироззрение каждого народа (группы народов) является самобытным и не должно в деталях копировать другие.

Из фольклора (в первую очередь, западных славян) нам известны ещё два образа – Живы и Мары (Морени, Моры, Мораны), чьи Божественные «функции» не менее очевидны. Более того, они аналогичны фигурам соответственно Клото и Атропос, Ноны и Морты (Скульд и Урд?). Здесь вновь вынуждены отдать должное теоретикам «Велесового круга», *отождествившие* Долю и Недолю с Живой и Марой, а отсюда – со Светлым и Тёмным ликами Мокоши²⁴ (с. 17). Сведение четырёх аутентичных имён к двум структурным местам в пантеоне (Всебожье) мы не можем не приветствовать, ведь оно делает

Родну богословскую систему более утончённой и стройной. Это входит в противоречие с зарубежными вариантами этого же Триглава, однако, повторимся, это не кажется нам проблематичным: Жива более напоминает Клото, в то время как Доля – Лахесис; впрочем, вспомним «рыбаковское» прочтение имени Мокоши («Мать коша – жребия, урожая»), возможно, и дилетантское, но уместное здесь из-за полного соответствия имени Лахесис.

Б.А.Рыбаков считал, что Мокоша с Рожаницами (в его понимании – Ладой и Лелей) изображены на одном из наиболее популярных восточнославянских мотивов вышивки, «трёхсоставной композиции» (женщина с поднятыми или опущенными руками и два всадника по бокам). Исходя из символики плодородия, которой насыщена центральная фигура, нам, родноверам, логичнее было «читать» эту композицию именно как Мокошин Триглав с Долей/Живой и Недолей/Марой по бокам. Однако Л.С.Клейн достаточно аргументировано и интересно интерпретирует эту композицию в контексте индоевропейского образа близнецов, воплощающих восход и закат Солнца – Диоскуров и Ашвинов, – и их сестры, Зари или Солнца в древней форме женского рода (ведийской Сурьи)⁶⁶ (с. 83-85). Точно такую же интерпретацию даёт О.Уманский изображениям «Золотой пекторали»¹²⁰, которая, возможно, насчёт пекторали немного сомнительна, но прекрасно подходит к «трёхсоставной композиции» (кроме того, автор приводит чудесный пример иранской чаши с аналогичной композицией). В конце концов, вспомним: символические образы изначально способны принимать на себя много значений, а потому иметь целое соцветие толкований.

Ещё один вариант образа «бинарных сестриц», захватывающий и немного шокирующий, мы сберегли в пункте III.б.к. Однако ни в этом, ни в других пунктах мы не будем касаться собственно понимания *судьбы* в Родной Вере, поскольку эта тема крайне специфична и требует привлечения дополнительного философского материала. И всё же заинтересованному в ней читателю можем посоветовать обратиться к нашему небольшому произведению-медитации «Усхваление Макоши»¹²¹.

й) Мокошь и Мать-Сыра-Земля. В Родной Вере Сварог, как это характерно для архетипической фигуры *Демииурга*, соединяет в себе образы Отца-Неба и Небесного Кузнеца, Отца Светлых Богов – Сварожичей. Таким образом, у Него оказывается сразу две жены – Мать-Сыра-Земля и Лада как Мать Пресветлых Сварожичей, Богиня супружеской любви и Всемирного Лада, старшая Рожаница (по Рыбакову).

Первая же Богиня, следуя за тем же самым Борисом Александровичем, стойко отождествляется с Мокошей. Впрочем, в этом случае влияние «рыбаковщины» всё же не стоит переоценивать: образ Богини плодородия

(Великой Матери) в разных мифологических Традициях досконально исследовался учёными начала XX века (следом за Дж.Дж.Фрэзером). Славянской фольклор непосредственно соотносит Параскеву с земной влагой, с земной «сыростью» (= плодородием, ведь сухая земля – всё равно что мёртвая) многими учёными также связывался и основополагающий корень в имени Мокоши. Подобную ситуацию находим в античной Традиции, где Зевс хотя и отличается гиперсексуальностью вообще, но всё же имеет две наиболее значимые любовные связи – с Герой, покровительницей человеческих браков, Матерью Светлых Богов (Гефеста, Ареса, Гебы и др.), и Деметрой, собственно Богиней Земли и плодородия. Правда, в древнегреческой мифологии, как и в некоторых других вариантах индоевропейской (но не в славянской!), наблюдается «борьба Божественных поколений», поэтому пара Отец-Небо/Мать-Земля там была представлена Ураном и Геей на два «поколения» раньше, чем Зевс со своими Богинями. Его союз с Деметрой будто бы дублирует указанную архетипическую связь в мире, образовавшемся после Его победы над всеми «предшественниками».

Как уже было указано, в славянской Традиции мы не имеем мифов о подобной борьбе и длительном упорядочении мира (кроме общего Змееборческого мифа, конечно). Таким образом, мы не имеем дополнительных трудностей. «Брачные пары» Сварога и Лады, Сварога как Отца-Неба и Мокоши как Матери-Земли, Велеса и Мокоши никоим образом не противоречат друг другу и служат хорошим примером ситуации, когда умозрчески выстроенные Божественные «родословные» и структуры обнаруживают свою условность и несоответствие общественным реалиям. Такие Божественные «браки» в действительности – лишь переплетение и взаимодействие между собой Сил Природы в различных ликах, «конфигурация» Их в разных отношениях («валентностях», если желаете). Отдельно же от них существуют мифы, которые действительно утверждают общественные нормы, в том числе в сфере брака – см. пункт III.6.ё. Об этом важно помнить, чтобы не повторять потрясающую ошибку А.Ф.Лосева, который, при всей глубине анализа античной Традиции, во вступлении к труду «Античная мифология в её историческом развитии»⁸⁸ пытается доказать, что миф о порождении Геей Урана и Их дальнейший брак – это отголосок будто бы реального древнего обычая, согласно которому сын мог жениться на матери.

к) Мокошь и София-Шакти. Одной из наиболее известных концепций славянского Язычества, взращённых советской академической наукой, является так называемая «теория основного мифа» В.Н.Топорова и В.В.Иванова. Упрощая её для краткого и понятного изложения, можно описать её так: у индоевропейских народов образ Громовержца встречается обязательно в паре с

Его Противником, как правило, Змеем (Индра/Вритра, Зевс/Тифон, Тор/Йормунганд); отношения между ними устанавливают всю систему оппозиций, на которой держится традиционное мировоззрение: верхн/низ, Космос/Хаос, свет/тьма (некоторые дуалисты вроде Велимира Сперанского добавляют в этот перечень также добро/зло). Дополняя «теорию» современным родноверческим богословием, можно сказать, что, когда Сварог творит мир, возникает противодействие этому, тянущее мир в его первичное состояние; это противодействие не позволяет творению быть бесконечным, что так же могло бы иметь катастрофические последствия (как в случае с раковой опухолью). Однако и творение вырабатывает силу самозащиты – так, Перун является воинским проявлением Сварога (либо самого Рода, если угодно). Позднее в этом конфликте Сварог отходит на второй план, и Перун с Велесом становятся основой упомянутой оппозиции. Иванов и Топоров видели отражение этого *Змееборческого мифа* в различных народных сказках, песнях, названиях местностей (названия, связанные с Перуном или Ильёй Громовником, касаются, в основном, возвышенностей, а названия, связанные с Велесом, – низин).

Кроме того, они полагали, что в этом мифе можно усмотреть также «борьбу» Громовержца и Змея за женского персонажа, и этим персонажем в славянской Традиции им представлялась именно Мокоша⁵⁸. Такой взгляд даёт хорошую возможность родноверческим теоретикам размышлять над этим сюжетом, развивать его в философском ключе. Тем более, что Мокоша, будучи объектом такой космической борьбы, очень напоминает *Софию* гностиков, герметиков и неоплатоников. София – Мудрость, по той или иной причине «выпавшая» или вывергнутая из первичной Божественной Целостности (*Плеромы*) и творит материальный мир, который гностики считался весьма несовершенным, и другие – просто как низшее измерение бытия. Таким образом, все они считали одной из главных целей своего духовного пути *освобождение* Софии и возвращение Её в Плерому.

Иванов и Топоров видят в «грозовом» или «змееборческом» мифе сюжет, касающийся похищения Противником/Змеем (= Велесом) жены Громовержца (= Перуна). Тем не менее, Велеслав Черкасов летом 2009 года²⁶ предложил переосмыслить данный сюжет в свете гностико-герметической философии: по его мнению, Велес является «похитителем» Небесной Девы, скорее наложницы, чем жены Перуна, которую тот захватил в плен у предвечного «Моря-Океана», а воплощение этого «Моря» в *проявленном* мире – сам Велес. Следуя за изложением Иванова и Топорова, в данном случае можно говорить собственно о Мокоше, тем более, что мы в Родной Вере действительно привыкли считать Мокошу женой Велеса, как Параскева Пятница во времена двоеверия часто

упоминалась и почиталась вместе с Николаем. Мокоша, таким образом, представляется силой предвечного «Моря-Океана» (Хаоса), влитой Богами-упорядочивателями (в первую очередь, Сварогом и Перуном) в строение Космоса. Сила эта представляет собой саму сердцевину существования мира: Она заставляет его разворачиваться, творя и упорядочивая причинно-следственные связи («вышивая Рушник Всемирья»). Приблизительно такую же роль в тантристском мировоззрении играет *Шакти*. Кроме того, в «Книге Великой Нави» Велеслав называет Мокошу *Гемарменной*³ – от греч. «неотвратимая судьба», «рок» (термин якобы восходит к Платону, называвшему так совокупность всех причинно-следственных связей).

Таким образом, Противник «освобождает» Её (конечно, в символически-мистерийном смысле) от этой роли во Вселенной, возвращая назад к Истоку. Понятно, что тут налицо связь с учением Велеслава о духовном освобождении, образцом для которого является именно это таинство Велеса.

Напомним, что все эти богословские структуры носят исключительно характер *надстройки* над народной Традицией, её мировоззрением и мифологией. Они, на наш взгляд, вполне допустимы, если не выходят за её пределы и не привносят целиком авторского взгляда на вещи (то есть авторскую *фантазию*).

Развивая дальше эту линию философско-богословской надстройки, можно рассмотреть два главные проявления Мокоши – Долю/Живу и Недолю/Мару – как воплощения двух чрезвычайно ярких, мощных и парадоксальных архетипов. К сожалению, главным образом благодаря христианству, они были жёстко отделены друг от друга, хотя в более древних вариантах сосуществуют, накладываются друг на друга, представляя собой пример высочайшего *единения противоположностей*. Это – образы *Беременной Девы* и *Храмовой Блудницы*. Сами названия этих архетипов подталкивают к размышлению и медитации над ними.

л) Эсхатология современного Язычества. Индоевропейские народы на заре своей истории не были настроены эсхатологично, то есть они не думали о «конце света», о каком-то пределе, после которого их Вселенная прекратит своё существование. В свете «вечного возвращения», явным основанием для которого служило ежегодное обновление Природы, казалась странной идея, что Вселенная может иметь конец, – странным это кажется и многим язычникам сегодня. В этом специфика космических религий, регулярно воспроизводящих в обрядах ситуацию Начала и, тем самым, «сообщают» миру новую молодость и силу двигаться своим нескончаемым Кругом. В этом глубокая мудрость языческого мировидения.

Однако с течением времени в индоевропейской Традиции всё же появляются отдельные примеры эсхатологии. Наиболее известная среди них – германо-скандинавский Рагнарок, описанный, главным образом, в «Старшей Эдде». Чрезвычайно *космическим* выглядит эсхатон в Индии: большинству известна концепция циклов «дней, ночей, годов Брахмы», где мир раз за разом уничтожается и рождается вновь, будто происходят вдохи и выдохи Всебога. Само же описание светопреставления, немного схематичное, но очень показательное, содержит, например, II глава Субала-упанишады. Эсхатон представляется там как *взаиморастворение элементов в точно такой же последовательности, в какой происходило миротворение*. Говоря заумным языком, индуистский эсхатон можно было бы назвать *инверсированной космогонией*. Знаменательно в Субала-упанишаде также и то, что уничтожение живых существ предполагается путём Мирового пожара – не потопа (индоевропейцы, кроме народов Средиземноморья, практически не знакомы с ним) и не катастроф иного рода. От Гераклита (конец VI – начало V в. до н.э.) греки имели точно такое же представление о «конце мира», называя его *ekpyrosis*. Достаточно развита эсхатология в зороастризме, однако необходимо понимать, что учение Заратустры, хотя и включает в себя элементы самобытной иранской Традиции, является *исторической* религией: она имеет конкретное начало и, конечно, должна иметь не менее конкретный конец, причём окрашенный в мессианские идеи.

Как относятся к эсхатону в современном Родноверии? Если не принимать во внимание заимствования из New Age, которыми пестрят выступления В.Куровского (см. на YouTube его лекции касательно «духовного, энергетического перехода 2012»), большинство родноверов к нему не обращаются вообще, либо удовлетворяются «рагнароковским» стилем. Имеем лишь один пример определённого внимания родноверческого теоретика эсхатологической тематике. Велеслав Черкасов в текстах «Слово видевшего Ночь Гнева» и «Восставшие из живых»²⁴ (с. 332-334) изображает «гнев Богов», который *обращает мир в пепел* (явное присутствие архетипа Мирового пожара), но, в виду обильного присутствия *белого* цвета (который Велеслав соотносит с символикой Творения), это светопреставление является элементом традиционной языческой цикличности. Кроме того, эсхатология Велеслава опять-таки пребывает в характерных отношениях с его учением о духовном освобождении (см. пункт III.6.e): светопреставление рассматривается как общее освобождение Духа от иллюзии двойственности (разделения на субъект и объект, Дух и материю, Абсолют и мир). Схожую эсхатологическую картину, выходящую за пределы собственно языческого дискурса, Велеслав подаёт и в своём более позднем произведении «Liber Abraxas»² (с. 137-138).

В целом, «эсхатопофигизм» (термин одесского религиоведа, профессора Э.И.Мартынюка) родноверов – это одновременно и утверждение мировоззренческого оптимизма (или принципа традиционной цикличности), свежее дуновение философии жизни и некоторая слепота насчёт своего исторического места. В самом начале книги, в главе I.2, мы уже высказывали предположение, что языческая Заря – провозвестница новой эпохи, которая может начаться исключительно путём реального, хотя и не тотального эсхатона, резкость и острота которого зависит в том числе от нас самих.

м) Маркс, Шпенглер или Тойнби? Будучи религией космической, о чём мы неоднократно упоминали, Родная Вера, тем не менее, придаёт большое значение истории, пусть даже мифологизированной. Для многих наших единоверцев ключевое событие прошлого – принятие христианства князем Владимиром – располагается всё-таки в историческом времени, а не в надисторической плоскости Мифа.

Кроме того, мы всё-таки являемся язычниками атомного века, мы осознаём себя в рамках исторического процесса, даже если кое-кто из нас стремится его оборвать (по крайней мере, в себе самом). Но как мы представляем себе этот *исторический процесс*, его движущую силу и закономерности? Какая историософская концепция наиболее созвучна родноверческому мировоззрению?

Немного курьёзным кажется то, что многие теоретики Родной Веры, воспитанные советской академической системой, «по старинке» пользуются марксистскими терминами и видением истории. Но что более-менее понятно в случае с Велимиром Сперанским, ностальгирующим по СССР (см., например, егоopus «Волхвы против глобализма»¹⁹), вызывает удивление касательно Д.Гаврилова (он анализирует фигуру Трикстера, актуализацию которого почему-то приурочивает к смене общественно-экономических формаций³⁶).

В чём заключается марксистское видение истории? Обходя вопрос о его аргументированности и актуальности, а также то, что писал по этому поводу сам К.Маркс (поскольку его последователи, особенно в СССР, иногда «развивали» его взгляды вплоть до неузнаваемости), попробуем кратко и доступно обозначить его суть. С точки зрения «классического» марксизма, движущими силами исторического процесса являются производительные силы (средства производства и люди, которые их используют) и производственные отношения, - вместе они составляют экономический *базис*, всё остальное (культура, мировоззрение, религия и т.д.) по отношению к нему – лишь *надстройка*. Производительные силы постоянно развиваются, производственные отношения (вместе с надстройкой) более-менее статичны. Когда развитие первых достигает определённой черты, устоявшиеся

(«устаревшие») отношения не выдерживают и требуется изменение общественно-экономической формации: так первобытнообщинный лад сменяется рабовладением, его сменяет феодализм, его – капитализм, современный Марксу, а вот дальше должна произойти «социалистическая революция» (ради которой весь сыр-бор), которая уничтожила бы классовое деление общества, социальное и экономическое неравенство, а производительные силы и отношения пришли бы в состояние равновесия в рамках коммунистической формации. Вопрос «а что же дальше?», впрочем, марксистов не очень волновал или же они просто не решались заглядывать «за край», тем более, некоторые из них, конечно, понимали, что даже социалистический рубеж в истории пройден не был. Таким образом, марксизм оказывается типичной модернистской идеологией, в основе которой лежит идея «прогресса» в его экономическом измерении. М.Элиаде не зря зачислял марксизм в *редукционистские* идеологии, сводящие всё разнообразие исторических факторов к одному. К Язычеству это не имеет никакого отношения, разве что как дурная привычка интеллектуально «рождённо в СССР».

Ещё одна концепция исторического процесса была предложена в середине XX века британским историком А.Дж.Тойнби – это *цивилизационная теория*, сформированная, главным образом, в труде «Исследование истории» (A Study of History)¹¹⁵. По его мнению, всемирная история представляет собой историю локальных цивилизаций, возикавших на определённой территории вследствие ряда факторов. Однако критерием для выделения этих цивилизаций (всего их за историю Тойнби насчитывал аж 21) он считал, кроме солидной территорией влияния, *религию*, причём отдавал безусловное предпочтение религиям историческим, поскольку Язычество лишь в редких случаях стремится к имперскости, международной гегемонии и содержанию целой цивилизации (Рим тут является исключением; Китай – противоречивым вопросом из-за авторского характера конфуцианства и даосизма; Индия – целый конгломерат культ и верований). Таким образом, немало народов, не создавших цивилизации, прямо как у Гегеля, остались «за бортом истории» (вернее, данной концепции). Тойнби мало интересовался реальными практиками народных масс (которые, на наш взгляд, и обуславливают их культурную принадлежность), а удовлетворялся преимущественно идентичностями и практиками элит (государства, церкви). Он пытался увидеть преемственность этих локальных цивилизаций, ориентируясь на устоявшееся среди интеллектуалов представление о линии развития «Западного мира». Именно поэтому ему кажется, что в современном мире существуют 5 цивилизаций: собственно западная, православная, исламская, индуистская и дальневосточная.

Вряд ли это осмысление истории подойдёт нам – тем, кто высказывает претензии на более узкую локальность и самобытность, не стремится к созданию «вселенской церкви», а иногда даже превозносит здоровый заряд «нового варварства».

Более интересной (хотя и не менее разочаровывающей) для современного язычника может быть третья из существующих сегодня концепций исторического процесса – это *культурологическая теория* О.Шпенглера, сформулированная в известном труде «Закат Европы» (*Der Untergang des Abendlandes*)¹³⁹, написанном в весьма трагические и переломные для Запада годы – на протяжении и немного после Первой мировой войны. Шпенглер пишет, что *нет человечества вообще – есть отдельные культуры*, которые рождаются, живут и умирают, сменяясь другими. Причём, смерти культуры предшествует фаза её стагнации и окаменения, которую Шпенглер называет *цивилизацией*. Правда, «культуру» он понимает очень специфически – конголезский или древнеславянский народный Обычай, например, для него культурой не является, Шпенглер считает его относящимся к царству Природы (украинский же, кстати, он не выделяет из «российской культуры», которая якобы только «рождается»). То есть под «культурой» здесь понимаются исключительно «элитарные», «широкие» общности, которые мы привыкли называть «цивилизациями». «Культур» у Шпенглера ещё меньше, чем «цивилизаций» у Тойнби. Немецкий мыслитель претендует на отсутствие *универсализма* и *европоцентризма*, однако парадоксальным образом с головой окунается в них: его теория якобы представляет первый «отстранённый», «объективный» взгляд на историю, а на уровне фактажа наибольшее внимание уделяется именно Европе и Ближнему Востоку. Язычника может привлечь в Шпенглере то, что история у него, на первый взгляд, не имеет выраженной направленности – качества, которое она приобрела под влиянием авраамической Традиции. Культуры рождаются и живут без определённой цели, «с возвышенной бесцельностью, как цветы в поле». Тем не менее, целенаправленность у него заменяют нелепые спекуляции на тему «трагической, неотвратимой судьбы». Таким образом, концепцию *Untergang*'а, по нашему мнению, можно использовать разве что в качестве вырванной из контекста метафоры: если Шпенглер жил в часы Заката, то мы являемся свидетелями и участниками самой настоящей Полночи, тревожного и торжественного *поворотного* момента – и мы не имеем права его упустить!

Рене Генон и его последователи возвращали историю в плоскость Мифа (базирующегося на образе четырёх регрессирующих эпох)¹, поэтому их историософию в данном пункте мы рассматривать не будем.

Итак, на наш взгляд, *ни одна* из существующих сегодня историософских концепций не может удовлетворить вдумчивого родновера. Можно последовать примеру «генонистов» с их мифологизацией исторического процесса (правда, стоит ли перенимать их акцент на четырёх эпохах – большой вопрос), можно выработать какой-нибудь свой подход (например, на основе схемы Домодерн-Модерн-Постмодерн), а можно, в конце концов, смотреть на прошлое просто как не безбрежный поток Жизни, в котором много чего случилось и из-за определённых закономерностей (но не жёстко установленных законов!), и из-за «случайного» стечения обстоятельств.

н) Воскрешение этноса. В главах I.1 и III.1 уже шла речь о том, что в XX веке на нашей Родной Земле, а в Западной Европе – ещё раньше, произошёл *разрыв* этнической Традиции. Самобытные культурные формы и практики, сохранявшиеся, как правило, «низшими» сословиями народа, не выдержали наступления культуры индустриальной. Исчезло то, что безусловно делало украинцев – *украинцами*, поляков – *поляками*, русских – *русскими*, даже если сами они себя так не называли.

Национальная культура выступает сегодня своего рода аккумулятором того, что осталось от этнического, однако, в отличие от него, она мало внимания уделяет региональному разнообразию и тем более не является чьим-то *образом жизни*^{II}. В информационную эпоху, среди глобальных процессов иметь этничность становится *некомфортно*, если только не демонстрировать её как что-то экзотическое или оригинальное вроде хобби или маленьких «причуд», якобы делающих мещанскую личность более яркой. Сторонники магистральной линии Модерна, тянущейся ещё от Просвещения, - создания максимально эмансипированной космополитической личности («всечеловека») – аж захлёбываются от радости, провозглашая «реквием по этносу» (такое название носит самое известное произведение В.А.Тишкова, до последнего времени занимавшего пост директора Института *этнологии* и антропологии РАН¹¹⁴).

Дело в том, что само понятие этноса появилось достаточно поздно – в XX веке и использовалось преимущественно советскими и французскими учёными (и, соответственно, продолжает использоваться на постсоветском

---

^I Детальной разработкой этой темы с точки зрения современного Язычества занимается Askr Svarte в двухтомнике «Polemos. Языческий Традиционализм».

^{II} Askr Svarte во втором томе «Polemos», на наш взгляд, верно подмечает, что нация – «подделка народа», «симулякр этноса».

пространстве). Под этносом понимали сообщество людей, объединённое неким набором признаков, теоретизирование по поводу которых происходило не всегда добросовестно и иногда превращалось в голую схоластику – и это в первую очередь спровоцировало теперешний шквал критики, обрушившийся на *примордиалистов*. Примордиалистами в этнологии называют сторонников научного направления, полагающих, что этнические сообщества существовали объективно и с древнейших времён.

Во второй половине XX века ряд «прогрессивных» (в либерально-модернистском смысле) учёных разворачивают пропаганду кардинально иного подхода к осмыслению социальных и в том числе этнокультурных реалий – так возникает *конструктивизм*. Собственно, он сводится к тому, что все социальные институты, сообщества, мировоззрения являются результатом целенаправленного конструирования, причём часто не слишком отдалённого во времени. В качестве основополагающих работ данного направления можно назвать «Социальное конструирование реальности» П.Бергера и Т.Лукмана¹², а также «Воображаемые сообщества» Б.Андерсона⁴. Таким образом, и этносы оказываются «поздними [научными, активистскими] конструктами», никогда не имевшими объективного воплощения. Таким образом, что является справедливым по отношению к современным нациям, некритично переносится на этносы.

По нашему мнению, весь конфликт заключается в следующем. Примордиалисты акцентируют внимание на ситуации *до* этнокультурного «разрыва»: они обычно сосредоточены на изучении традиционной культуры и самого феномена традиционности, который, кроме того, некоторые из них стремятся увидеть и в современности, размышляя на тему «традиций и инноваций». Конструктивисты же обычно рассматривают модернизированное, глобализированное и «мультикультурное» общество, в котором ожидаемо видят разве что чрезвычайно редкие отблески этнического. Очень грамотную критику конструктивистского подхода (в частности, замечание о его обусловленности личным опытом учёных) находим у А.Валицкого¹⁸.

Имеем основания утверждать, что радость конструктивистов не будет долгой. Уже сегодня *по эту сторону* «разрыва» намечается чёткое желание преодолеть его, «перекрыть», возобновить культурно-мировоззренческую преемственность поколений. Возрождение Язычества – лишь частный случай этой тенденции, возможно, особый, поскольку для нас этнос, то есть народ с его культурной самобытностью, – не только моральная или психологическая, но и религиозная ценность.

Тут мы присоединяемся к течению отчаянных мечтателей и практиков, который в российской традиции получил название *почвенничества* (в

украинском языке сложно подобрать аналог этому слову). Культуролог В.П.Крутоус⁷³ очень грамотно обозначает оппозицию, разворачивающуюся в нашей борьбе: христианство / Язычество = культура планетная, без «почвы» / культура самобытная, укоренённая в определённой «почве». Если первая знаменует собой *горизонталь* – объединение людей без разницы на их отличия в культуре и способе жизни, то вторая предполагает реализацию связей *по вертикали*, символизируя эту самую укоренённость духовной культуры в Родной для неё Земле. Крутоус абсолютно справедливо критикует первую позицию, и мы хотели бы привести это размышление полностью: «Прежде всего, это – некритическое принятие тенденции к универсализации, гомогенизации человечества как уже целиком утверждённой реальности. Отсюда какое-то полудетское, и одновременно схоластическое, нежелание считаться с реальностью любых социокультурных отличий внутри современного человечества...».

Таким образом, *этнические ренессанс*, ярчайшими провозвестниками которого являемся именно мы, современные язычники, имеет *глубокие*¹ философские основания. Две последние главы этой книги мы посвятим размышлениям, как мы могли бы успешнее совершить *таинство воскрешения этноса*, аналогов чему в мировой истории пока ещё не было.

P.S. Среди родноверов достаточно популярна ещё одна «теория этноса», про которую, впрочем, можно серьёзно говорить, лишь взяв предварительно в кавычки – это *пассионарная теория этногенеза* Л.Н.Гумилёва, сформулированная в ряде работ («Этногенез и биосфера Земли»⁴⁵, «География этноса в исторический период»⁴² и т.д.). Многие положения этой теории неспециалисту могут казаться вполне обоснованными, особенно при симпатии к историософии О.Шпенглера (у Гумилёва этносы тоже рождаются, живут и умирают, правда, очень схематично и будто бы заранее «запрограммировано»), однако не выдерживают никакой научной критики. Впрочем, само понятие *пассионариев*, извлечённое из контекста теории, во всех смыслах выглядит интересным. Похвальным у Гумилёва оказывается также то, что он утверждает необходимость гармонического сосуществования этноса и окружающей среды. В любом случае, для украинских родноверов ПТЭ вряд ли может быть привлекательной: в частности, она и христиан, и мусульман рассматривает как этносы, а её евразийская этическая и геополитическая направленность вряд ли придётся по душе кому-либо из нас в свете последних событий на Донбассе.

---

¹ В украинском оригинале здесь – игра слов: «почва» - «грунт»; «серьёзный», «глубокий» (про основания) – «грунтовный».

IV. Проблемы социальной интеграции

Не так давно среди украинских родноверов мы проводили опрос касательно текущего состояния нашего движения. Среди вопросов был такой: «Что, по Вашему мнению, больше всего мешает развитию Родной Веры в Украине?». Из предложенных ответов большинство выбрало «равнодушие общества» и «противодействие церкви». Действительно, можно усмотреть целый комплекс факторов, которые препятствуют распространению наших идей.

Решимся на одно крамольное сравнение, которое вряд ли одобряют другие язычники. Однако при взгляде на общее состояние современного Язычества на постсоветском пространстве (и шире, за его пределами) у нас возникает стойкая ассоциация с... *ранними христианами*. Дело в том, что они также пришли в развращённый, понемногу деградирующий и, что интересно, глобализированный мир Средиземноморья – «пришла», конечно, не откуда-то извне, а были порождены им самим, но решительно противопоставили себе ему. Правда, они приняли одно из его принципиальных оснований и из-за этого то, чем стало христианство спустя несколько веков, вряд ли можно назвать их *победой*. Про это – немного дальше, сейчас же обозначим само сравнение и укажем, что наше положение, конечно, не настолько *смертельно*.

Во-первых, возникает проблема, которой мы несколько раз уже касались на страницах этой книги: в информационном обществе параллельно увеличению количества информации возрастает также фрагментированность и обрывочность знаний отдельных личностей. Сам по себе факт существования современных язычников, пройдя по длинной цепочке «испорченного телефона» может попасть внутрь чьей-то головы в крайне искажённом виде. Например, человек может подумать, что язычники имеют непосредственную преемственность со времён Древней Руси, а потому и способ их жизни соответствующий – живут они где-нибудь в глуши, не пользуются техникой и т.д.; нам в самом деле приходилось слышать подобные мысли обывателей. Сюда же отнесём и то, что родноверы как низовое движение имеют очень скромные ресурсы, чтобы овладеть информационным пространством Украины (или России). Вряд ли имеет смысл напоминать, сколько стоит эфирное время на центральных телеканалах, а ни одно родноверческое объединение пока что (вероятно, к счастью!) не приобрело мощности, сравнимой с политической партией или бизнес-структурой. Впрочем, в последние года наблюдаем некоторое улучшение: внимание центральных СМИ обращается к родноверам всё чаще. Больше всего это касается телеканалов «1+1» и «СТБ», частично ТРК «Украина» (проект «Портрет нации»), «К-1»

(фильм «Арийский стандарт»). В частности, в формате новостей на первом из перечисленных фигурировали сообщения о «духовном центре» РО СРВ в с. Раштивцы (29.08.2008), празднование Купала ОРУ (24.06.2010), установление кумира Перуна на Старокиевской горе вблизи от Национального музея истории Украины (оба раза – 24.08.2010 и 20.07.2013), а также про демонтаж второго из них (21.07.2013). Кроме того, присутствие родноверов ощущалось и на Майдане зимой 2013-2014 гг., (нео)языческий «имидж» изначально создал себе добровольческий полк «Азов». Знаменательным кажется тот факт, что газета Верховной рады «Голос України» от 31.12.2016 на первой полосе имела цветное изображение персонажей сказки «Котигорошко» с чётко прорисованной родноверческой символикой (в т.ч. восьмилучевым коловратом). Летом 2017 года широкую огласку в СМИ получила ситуация, когда социальные службы Житомирской области отобрали детей у язычников-веганов (детей, в конце концов, вернули в семью под давлением общественности). Всё это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что родноверов понемногу, но всё же начинают воспринимать в Украине как актуальную общественную силу.

Конечно, особы возможности родноверческому движению даёт интернет и социальные сети в частности. В самом крупном украинском сетевом сообществе «Вконтакте.ру» - «Автентичній Україні |До Витоків Духовності|» (<https://vk.com/authentica>) - на момент мая 2017 года насчитывалось 18,8 тыс. участников; столько же – в сообществе «Русская Традиция | Родная Вера» (http://vk.com/icrt_ru). Интересным опытом стала интернет-конференция «Родная Вера в Украине», состоявшаяся онлайн в феврале 2012 года (http://vk.com/ridnavira_in_ukraine). Интернет – действительно то пространство, где нам просто необходимо завоёвывать позиции, только там из всего информационного пространства мы имеем возможность «быть в тренде».

Во-вторых, конфликт с христианской церковью действительно существует. Начиная с середины 2000-х годов, когда распространение Родной Веры резко начало усиливаться, причём за счёт наиболее перспективной и пассионарной молодёжи (и интернета, кстати, тоже), столкновение стало неизбежным. К сожалению, не проходит и года без разрушения капищ и других священных для язычников мест. В Киеве не раз доходило до рукоприкладства с применением оружия (чёрными вехами в истории нашего движения стала стрельба возле киевского Исторического музея 19 августа 2007 г., кровавый снос кумира Перуна в с. Садживцы в начале августа 2009 г. и в Киеве 1 ноября 2012 г.). Как бы мы ни рассматривали эту агрессию «с той стороны» - в качестве агонии или всё ещё могущественного оскала – практически невозможно отыскать правовые средства самозащиты, пока государственные мужи будут рассматривать в

христианство в качестве единственно правильной «идеологии духовности» (а они не откажутся от этого, пока сами будут существовать в своей современной форме). Однако мы против и бездумного экстремизма с нашей стороны. На наш взгляд, необходимо сосредоточиться на том, чтобы Родноверие стало как можно более конкурентным в плане богословия, философия, обрядовой практики и, конечно же, этики, на которой якобы пытается делать акцент современная церковь. Не стоит забывать, что у нас действительно более глубокие исторические корни, чем у неё, однако их недостаточно, чтобы «опускать» кураевых и филаретов, необходим ежедневный труд над собой и своим мировоззрением – и отсутствие страха перед открытыми дискуссиями на религиозно-философские темы. Первой ласточкой таких открытых дискуссий в Украине можно назвать мероприятие «Язычество и Христианство: диспут на пересечении», организованный в феврале 2016 года одесской родноверческой и христианской молодёжью (<https://vk.com/event114950275>).

В-третьих, Родноверие имеет крайне неопределённое и шаткое положение для научного подхода. Постсоветские учёные заинтересовались феноменом современного Язычества во второй половине 1990-х годов и с тех пор тянется линия продолжительных и тяжёлых дискуссий по поводу того, кто мы есть и зачем мы есть. Интересно, что украинские учёные, преимущественно положительно настроенные к этнонациональному возрождению (что вообще типично для учёных постколониального государства), увидели в Родной Вере, в основном, позитив (см. Труды А.М.Колодного⁶⁸, Д.Базыка⁷, О.Тупик/Сморжевской¹¹⁸ и др.). В то же самое время российские учёные, поддерживающие мультикультуралистский дискурс, отнесли к «неоязычеству» с точностью до наоборот: почти классическим среди них стало представление о «квазирелигии национализма и ксенофобии» определение В.Прибыловского), искусственный конструкт национально-ориентированной интеллигенции, не имеющей никакого живого опыта традиционной культуры (точка зрения В.А.Шнирельмана, отличившегося недавним изданием при поддержке Библейско-богословского института толстенькой монографии «Русское родноверие: Неоязычество и национализм в современной России»¹³⁸). Правда, среди академических учёных появляются также вполне трезвые и адекватные оценки Родной Веры: к таким, на наш взгляд, относятся религиоведы А.В.Гайдуков и Р.В.Шиженский. В своих работах они стремятся убедить научное сообщество, что эти самые «чудаки», то есть мы, - не оккультисты и не уфологи, а, вероятно, и не «нью-эйджеры» (особенно по этому поводу см. диссертацию А.Гайдукова³⁷).

Наконец, государственные структуры не очень способствуют Родной Вере в деле её *институционализации* (то есть превращение на признанные

государством структуры) и официальной регистрации общин. Это имеет под собой и вполне общие причины – прогнившая насквозь бюрократическая система, необходимость «отката» по всем законам коррупции и, возможно, нежелание некоторых служащих замечать актуальные низовые тенденции. Собственно, проблема юридической регистрации – одна из главных проблем нашей социальной интеграции сегодня. Однако каждому стоит задуматься: что эта регистрация принесёт конкретно его общине? Поскольку существует вероятность, что, кроме бумажной тягомотины, она не принесёт никаких плодов: религиозной общине государство не обязано выделять помещение, а публичные претензии (во время межконфессиональных споров, скажем) могут и не подкрепляться юридическим статусом. Возможно, стоит сосредоточиться на внутренней работе с общинниками и распространении родноверческих идей вовне – в конце концов, на том, о чём говорилось в главе II.

Ещё одним вопросом, которое, на наш взгляд, стоит поставить в этой главе – околородноверческий *бизнес*. Возрождение Язычества в капиталистическую эпоху не могло не привлечь элементы наиболее распространённой сегодня экономической деятельности. Нашим общим *товаром*, на который имеется спрос, является информация – требующиеся сведения о способе жизни Предков, их верованиях и мироощущении. Вполне понятно, что самой популярной статьёй родноверческого экспорта являются книги и другие тексты, на втором месте – обереги, чуры (идолы), изделия ремесленников и другие артефакты. Всё это действительно пользуется спросом и было бы ошибкой пренебречь этой возможностью распространить наши идеи. Однако каналы этого распространения иногда проявляют склонность в обычным потребительским чертам, превращаются в формы *религиозного фастфуда*. Упрощение, профанация мировоззрения и практик если и допустимо, то исключительно в качестве превращения в живую народную культуру (про это детальнее – в следующей, заключительной, главе). Бизнес-формат не способен обеспечить само это превращение, а потому потреблённая таким образом информация очень часто переваривается вместе с другими модными религиозно-культурными веяниями (адаптированным буддизмом, вырожденной йогой, нелепыми магическими реминисценциями). Ещё менее допустимой кажется ситуация, когда родноверческие теоретики и практики делают своё дело *за деньги и ради денег* – когда дорогостоящие «тренинги» и «семинары» становятся очевидным способом прибыли. Родноверие приближается к своему излюбленному противнику, то есть церкви. Итак, осмысляя значение бизнеса для Родной Веры, отметим два измерения: либо это способ распространения и наступления на современный мир и капитализм и в том числе, либо это способ

подзаработать и самореализоваться. Этический характер каждого из вариантов очевиден.

V. Немного футурологии

Продолжая крамольное сравнение с ранними христианами, должны сказать, что они тоже чувствовали себя живыми представителями новой эпохи или даже нового мира, очищенного и рассветного. Сложно представить, был ли у них выбор, однако практически с самого начала они взяли курс на *глобализм* и *универсализм* (и даже довели их до логического завершения, лучше всего отображённого в известной фразе Павла «нет ни эллина, ни иудея») – и именно это, по нашему мнению, лишило их возможности порвать с предшествующим миром. Наоборот, то ли христианство захватило средиземноморский мир, то ли он всосал его, во все стороны расплёскивая претензии на всеобщность (цивилизационный «стандарт») и всечеловечность (что находит отражение, в первую очередь, в космополитизме).

У нас тоже существует глобальная перспектива: для этого достаточно слиться с общим речисцем *New Age*, предлагая свою собственную «изюминку» и перенимая универсальные постулаты профанности. Более того, среди родноверов уже нашлись нашёптыватели и краснобаи, призывающие именно к такому выбору. Наверное, будет некорректным сказать, что такой выбор был бы ошибочным. Ни мы, ни кто-либо другой не знает и знать не может, что для Родной Веры будет объективно правильным или вредным, поскольку различаются сами представления о ней. Однако, сознаемся, будет жаль, если всеобщность окончательно задушит волю к самобытности и обособленности, таким образом Родная Вера *в нашем понимании* не исполнит своей исторической роли.

К счастью, антиглобализм остаётся стержневым компонентом большинства разновидностей возрождённого Язычества славян, а потому стоит обмолвиться о будущем Родноверия, *каким мы хотели бы его видеть*.

Начнём с констатации, что Родноверие остаётся преимущественно *религией-идеологией*: гибко охватывая мировоззренческие и этические, а иногда и социально-экономические основания, оно достаточно легко ложится в фундамент личности и выступает как совокупность её жизненных позиций, а также стиль, которому она пытается следовать. Это абсолютно нормальное состояние: так к движению присоединяются люди, искренним зовом сердца для которых является возрождение Веры Предков; движение *кристаллизуется*, более того – кристаллизуется сама Родная Вера, приобретая адекватное современности выражение, не *модернизированное*, но способное прорвать гнилой Постмодерн.

Но если мы желаем, чтобы Родная Вера вновь стала доминирующей и народной (стала настоящим *Язычеством*), она должна перестать быть

идеологией. Она должна вновь стать составляющей частью *живой культуры*, в которой была бы восстановлена преемственность поколений, преодолен «разрыв» с Традицией, произошедший вследствие модернизации (в смысле адаптации к основам Модерна), в которой было бы вновь обретено *этническое*. Безусловно, это возможно только в условиях тотального цивилизационного сдвига, традиционалистической или даже этнореволюции (под ней мы понимаем не консервативный или «ультраправый» переворот, а любые действительно революционные превращения, которые, кроме новой социально-экономической системы, утверждали бы этническую самобытность и способствовали бы возрождению традиционной культуры как универсума вещей и практик). Постепенное проникновение Родной Веры в широкие слои общества также требует большого количества времени, а есть ли оно у нас? Что же, если крещение Руси продолжалось не одно столетие, не стоит ожидать, что *раскрещение* будет продолжаться меньше. Превращаясь в живую, повседневную и праздничную, культуру, представить которую мы сегодня не способны, Родноверие однозначно что-то потеряет, но приобретёт много больше – собственно, свою полноту, *язычскость*, если можно применить такое выражение. Путь такого превращения кажется нам естественным, поскольку ни один славянский народ (а все они остаются достаточно многочисленными вопреки всем неблагоприятным процессам) никогда не поддержит целиком и полностью определённую идеологию, однако каждый его представителей, не претерпевший окончательную деэтнизацию, подсознательно или бессознательно всё ещё является носителем этнической Традиции.

Что будет в таком случае с «конфессиями», родноверческими течениями и объединениями? В главе II мы обозначили вариант конфедеративного объединения общин, которое не имело бы возможности высказывать претензии по поводу чьей-либо исключительности, однако сплачивало бы единомышленников для общего действия. Когда уже во время написания этой книги нам удалось познакомиться со статьёй супругов Зуенко «Проблемы славянского родноверия в Украине и пути их духовного решения», мы были очень довольны подобным ходом мысли в её заключительной части, где высказываются предложения о структурной реорганизации движения. Стоит согласиться с мыслью, что существующие сегодня в Украине родноверческие объединения (ОРУ, РО СРВ, РПК, «Великий Огонь» и т.д.) вполне могли бы играть роль *философских школ*, которые основывались бы на общей платформе – Обычае, но предлагали бы различные равноценные *методы* и *подходы* к осмыслению и взаимодействию с Божественным, не пытаясь унижить значимость других. В конце концов, именно в таком виде существует сегодня

индуизм – та живая индоарийская Традиция, на которую мы так часто пытаемся равняться.

В этой книге было высказано немало пафосных предположений и мыслей. У кого-то неизбежно сложится впечатление утопичности и химеричности представленной картины. Однако напомним, что исторические закономерности складываются из переплетения воле сотен, тысяч и миллионов отдельных людей. Только от нас самих, от нашей активности, решительности и целенаправленности зависит, будет ли всё написанное выше пустой болтовнёй.

Кажется уместным привести тут фразу немецкого мыслителя и писателя Эрнста Юнгера, написанную осенью 1932 года, в предчувствии ещё одного, впрочем, неудачного и дискредитированного цивилизационного сдвига: «Чем больше утомлённость единичных людей и масс, тем выше ответственность, данная лишь немногим. Выхода нет, нет пути ни вперёд, ни назад; остаётся увеличивать мощь и скорость процессов, которыми мы охвачены. И как отрадно предчувствовать, что за динамическими излишествами эпоху скрывается определённый недвижимый центр»¹⁵¹.

Итак, к действию!

Слава Родным Богам!

Вместо послесловия: Преодоление современного мира

1. Преодоление современного мира не может быть игрой, начатой тобой для собственного удовольствия, или побегом от жизненных проблем.

2. Если ты принял сей путь Преодоления как собственную Истину и ежедневный ориентир, все твои мысли, слова, чувства, а следовательно – и действия должны выступать свидетельством избранного Пути и подчиняться ему.

3. Твои мысли, слова, чувства, а следовательно – и действия должны быть уже *за Чертой*, уже *по ту сторону* от современного мира.

4. Твой внутренний стержень – твой Бог, твой Вождь, твой категорический императив – пусть будет единственным, кто даёт позволение и право.

5. Как стены пустого дома не исполняются желанием, когда красивая женщина вступает в него, так пусть твой разум не возбуждается от информационных потоков, бурлящих в современности.

6. Стремись быть не модным, а мудрым, - не в профанном смысле бытовой опытности, а в её изначальном значении *внутреннего совершенства*.

7. Если ты Жрец, ежедневно приноси жертвы на алтарь своего Сердца: собственные недостатки, страхи, страсти и мороки. Не в морализаторстве, а в Отзывчивости, Рассудительности и Ведании превосходи современных людей.

8. Если ты Воин, ежедневно борись за Волю своего Народа, раскачивай его в колыбели стабильности, заставляй его быть свободным. Не в силе, а в Чести, Верности и Воле превосходи современных людей.

9. Если ты Хозяин, ежедневно трудись над добродетелями собственного Рода, его самодостаточностью, защищённостью, слаженностью. Не в богатстве, а в Щедрости, Уважении и Ладе превосходи современных людей.

10. Превосходя их, никогда не зазнавайся, будь скромным и искренним во всём и со всеми.

11. Пусть твоя совесть уничтожит тебя, изъест тебя изнутри, если предашь ты в чём-то Путь и людей, если не исполнишь чего-то, что обязан был.

12. Если можешь – значит, должен. Максимально пользуйся возможностями, которые предоставляет тебе Жизнь.

13. Учись читать Знаки своего Жизни, но не давай этому делу поработить тебя: Знаки – вспомогательные указатели, а не приговоры и догматы.

14. Спокойно смотри в глаза Смерти и рискуй, когда это нужно. В риске ты наиболее полно проявляешь и испытываешь своё естество.

15. Будь снисходителен к слабым и несчастливым, терпеливым к нерешительным, но нетерпимым к любой кривде и несправедливости.

16. Не ищи личной корысти и не позволяй другим использовать себя, но от чистого Сердца помогай всем, кто в этом нуждается.

17. Всегда сопоставляй свои желания со своими истинными потребностями. Что сверх меры – то не здраво.

18. Выделяй себе из аморфных всечеловеков (космополитов) современности и внутренне, и внешне – сделай себе одежду, характерную для твоего Края и Рода, разговаривай его говором, свято соблюдай его обычаи.

19. Воспитывай детей своих как принадлежащих уже к Новому Миру, чистому и свежему, будто рассветная роса, но готовых грудью встретить весь неумолимый натиск мира современного.

20. Прими эти указания или выработай собственные, но такие же непримиримые к себе и современности. Побеждай с Богами, да разольётся Их слава вновь по нашей Земле, и никто не станет обвинять нас в несерьёзности намерений, «сниженности» этических требований и «игрушечности» способа Жизни!

Искренность выше морали.

Естественность выше культуры.

Правда выше закона.

Справдливость выше милосердия.

Литература

- 1 Alpha online. Древнегреческо-русский словарь // <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>
- 2 V.L.S.L.V. Деломеланикон: Алхимия Хаоса. – Древний Город, 2011. – 224 с.
- 3 V.L.S.L.V. Книга Великой Нави. – Древний Город, 2011. – 217 с.
- 4 Андерсон Б. Уявлені спільноти // <http://litopys.org.ua/anders/and.htm>
- 5 Антонич Б.-І. Привітання життя // <http://www.ji.lviv.ua/ji-library/antonych/antonych-pryv.htm>
- 6 Афанасьев А.Н. Боги – суть предки наши. – М.: Рипол-классик, 2009. – 320 с.
- 7 Базик Д. Неоязичничество в сучасних релігійних пошуках українців // http://risu.org.ua/ua/index/monitoring/religious_digest/47135/
- 8 Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре восточных славян. – СПб.: Наука, 1993. – 242 с.
- 9 Баранова О.Г. Ильин день // <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4273.htm>
- 10 Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
- 11 Бенуа А. Как можно быть язычником. – М.: Русская правда, 2004. – 240 с.
- 12 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
- 13 Биbihин В.В. Новый ренессанс. – М., 1998. – 496 с.
- 14 Битцевский договор // <http://viatichi.narod.ru/files/bdogovor.htm>
- 15 Битцевское обращение // http://slavya.ru/docs/bitc_obr.htm
- 16 Боги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-и томах / Под общей ред. Н.И.Толстого. – Т. 1. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 204-215.
- 17 Богумил влх. Кровавые жертвоприношения у славян: Разоблачение мифа. – М.: Велигор, 2011. – 882 с.
- 18 Валіцький А. Чи можливий ліберальний націоналізм? // Націоналізм. Антологія / Упор. О.Проценко, В.Лісовий. – К., 2010. – С. 541-542.
- 19 Велемир влх. Волхвы против глобализма // Велемир. Велеслав. Власов. Путь волхва. – Донецк: Каштан, 2008. – С. 625-907.
- 20 Велемир влх. Дар шаманизма – дар волхования. – М.: Велигор, 2012. – 368 с.
- 21 Велемир влх. Книга природной веры. – М.: Велигор, 2009. – 592 с.

- 22 Велеслав влх. Волховские книги. – М.-Обнинск-Рязань, 2009. – 108 с.
- 23 Велеслав влх. Духовное Самопознание в Манифестационизме и Креационизме // <http://veleslav13.livejournal.com/125460.html>
- 24 Велеслав влх. Живые Веды Руси: Откровения Родных Богов. - М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. – 384 с.
- 25 Велеслав влх. Против религиозного формализма // <http://veleslav13.livejournal.com/67974.html>
- 26 Велеслав влх. Славление Вещего Бога – Света Светов // <http://veleslav13.livejournal.com/65581.html>
- 27 Велеслав влх. Славянский заговорник. - М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007. – 736 с.
- 28 Велесова книга. Святе Письмо українців // <http://www.oru.org.ua/index.php/bogoznavstvo/statti/134-velesova-kniga.html>
- 29 Видання Родового Вогнища // <http://alatyr.org.ua/rus/books/562-knigi.html>
- 30 Винниченко В. Відродження нації. Том 3. – Київ-Відень, 1920 (перепечатка 1990). – 542 с.
- 31 Власов Б. Русский календарный стиль // Вокруг света. – 1986. - № 8. – С. 38-42.
- 32 Войновський П. Моє найвище щастя: Спомини. – К., 1999. – 304 с.
- 33 Волошин А. Мирча Элиаде как «лёгкий» традиционалист // Традиция и традиционализм. Альманах (2012-2013). – Донецк: Донбасс, 2013. – С. 24-25.
- 34 Волховник: Правослов Рідної Віри / упор. Г.Лозко. – Тернопіль: Мандрівець, 2012. – 464 с.
- 35 Ворон Луганский. Род. Доктрина манифестационизма в Славянской Традиции // http://mokosha.at.ua/publ/suchasne_jazichnictvo/rod_doktrina_manifestacionizma_v_slavjanskoj_tradicii/11-1-0-29
- 36 Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 239 с.
- 37 Гайдуков А.В. Идеология и практика славянского неоязычества: Автореферат дис. канд. философ. наук: 09.00.06 / РГПУ им.А.И.Герцена. – СПб., 2000. – 19 с.
- 38 Гакслі О. Прекрасний новий світ // Всесвіт. – Ч. 5-6, 7. – 1994.
- 39 Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. – М.: Азбука, 2010. – 320 с.
- 40 Ги Дебор. Общество спектакля. – М., 2000. – 224 с.

- 41 Гобсбаум Е. Вік екстремізму. – К.: Альтернативи, 2001. – 544 с.
- 42 Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 253 с.
- 43 Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: АСТ, 2007. – 432 с.
- 44 Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. – М.: Айрис-Пресс, 2011. – 608 с.
- 45 Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Кристалл, 2001. – 642 с.
- 46 Гуцуляк О.Б. Неоязичництво другої половини ХХ сторіччя як парадигма свідомості суб'єкта цивілізаційно-культурного процесу // Людина і політика. – К., 2000. – № 3.
- 47 Дугин А.Г. Этносоциология. Учебно-методический комплекс. – М.: МГУ, 2010. – 80 с.
- 48 Дюмезиль Ж. Боги германцев. Цит. за кн.: Элиаде М. История веры и религиозных идей. – Том 2: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 187.
- 49 Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986. – 234 с.
- 50 Елиаде М. Чому я вірю в перемогу легіонерського руху? // <http://ntz.org.ua/?p=410>
- 51 Емельянов В. Десионизация. – Харьков: Свитовид, 2005. – 320 с.
- 52 Задорнов М. Язычник эры Водолея. – М.: АСТ, 2007. – 288 с.
- 53 Заява Качуріної А.В. // http://www.rodovid.name/zayava_kachurina_ua.html
- 54 Звернення до рідновірів України Славомира Савченка // http://vgoru.net/4th_congress_of_the_vgoru/504-zvernennya-do-ridnoviriv.html
- 55 Зибачинський-Орлан О. Воля до свободи (фрагмент) // Ї. – 1990. - № 4. – С. 3-7.
- 56 Зибачинський-Орлан О. Меч духа. – Вінніпег: Тризуб, 1980. – 111 с.
- 57 Зуєнко Мирослава і Мирослав. Проблеми слов'янського рідновірства в Україні та шляхи їх духовного вирішення // <http://www.vinesc.org.ua/doslidgennya/118-ridnovirstvo>
- 58 Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. – М., 1982. – С. 175-187.
- 59 Из «Вед Родолубия»: Веда Огнебога /Извод влх. Велеслава/ На возжигание обрядового Огня // <http://rodolubie.info/vedy/index.html>
- 60 Истархов В. Удар русских богов. – М.: Правда, 2007. – 315 с.

- 61 Исторические мифы «неоязычников-родноверов» // <http://newskif.su/2014/исторические-мифы-неоязычников-родн/>
- 62 История гонений на евреев // <http://gazeta.mirt.ru/?2-36-413--1>
- 63 Історія Родового Слов'янського Віча // <http://www.oru.org.ua/index.php/2012-09-05-09-52-14/34-hto-mi-k/394-123231.html>
- 64 Капри Ф. Дао физики. – М.: Орис, 1994. – 302 с.
- 65 Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. – К.: Либідь, 1999. – 352 с.
- 66 Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб.: Евразия, 2004. – 480 с.
- 67 Коло Рідновірів України // http://vgoru.net/kolo_ridnoviriv/
- 68 Колодний А.М. Україна в її релігійних виявах. – Львів.: Сполом, 2005. – 336 с.
- 69 Коломенское Обращение // <http://www.paganism.ru/kolom-o.htm>
- 70 Конт О. Дух позитивной философии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с.
- 71 Критика «Концепции Велеслава» // <http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic=213>
- 72 Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – 640 с.
- 73 Крутоус В.П. Эстетика и время. – СПб.: Алетейя, 2012. – 672 с.
- 74 Курицын В. Время множить приставки. К понятию постпостмодернизма // Октябрь – 1997, № 7.
- 75 Лада // <http://oru.org.ua/index.php/bogoznavstvo/ridni-bogi/107-lada.html>
- 76 Лазарева Е. Церковь Священной Белой Расы на пути к богочеловечеству // http://old.russ.ru/politics/marginal/20000316_lazar.html
- 77 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – 376 с.; Средневековый мир воображаемого. – М.: Прогресс, 2001. – 440 с.; Рождение Европы. – М.: Александрия, 2007. – 400 с.
- 78 Липа Ю. Призначення України // http://chtyvo.org.ua/authors/Lypa/Pryznachennia_Ukrainy/
- 79 Летописец еллинский и римский / гл. ред. О.В.Творогов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 530 с.
- 80 Літопис Родового Вогнища // http://alaty.org.ua/rus/rod_ogn_ru/308-letopis.html
- 81 Лозко Г.С. Арійський політеїзм і семітський монотеїзм як протилежні світоглядні системи // <http://www.oru.org.ua/index.php/bogoznavstvo/statti/5-ariyskiy-politeyizm.html>

- 82 Лозко Г.С. Велесова Книга – Волховник. – Вінниця: Континент-Прим, 2007. – 520 с.
- 83 Лозко Г.С. Метафізика жертвності в Рідній Вірі // <http://oru.org.ua/index.php/bogoznavstvo/kulti-v-ridniy-viri/221-metafizika.html>
- 84 Лозко Г.С. Пробуджена Енея. Європейський етнорелігійний ренесанс. – Х.: Див, 2006. – 468 с.
- 85 Лозко Г.С. Розвиток Рідної Віри в Україні в ХХ-ХХІ століттях // <http://www.oru.org.ua/index.php/bogoznavstvo/statti/133-pozvitok-ridnoyi-viri.html>
- 86 Лозко Г.С. Теологія Триглава за українськими джерелами // <http://oru.org.ua/index.php/bogoznavstvo/statti/276-teologiya-tryhlava-za-ukrayinskymy-dzherelamy.html>
- 87 Лозко Г.С. Українське народознавство. – К.: Артек, 2006. – 472 с.
- 88 Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
- 89 Малиновский Б. Аргонаты западной части Тихого океана. – М.: Росспэн, 2004. – 584 с.
- 90 Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.
- 91 Медоваров М. Неоязычество и религиозные устремления Юлиуса Эволы в сравнительно-историческом аспекте // <http://konservatizm.org/konservatizm/konservatizm/180112171705.xhtml>
- 92 Миколаїв Б. Відичне православ'я – наш шлях до Бога. – К., 2006. – 243 с.
- 93 Миколаїв Б. Віче українських рідновірів // <http://bohumyr.livejournal.com/884.html>
- 94 Миколаїв Б. Требник Рідної Православної Віри. – Кам'янець-Подільський: ПП Буйницький О.А. – 496 с.
- 95 Миролубов Ю.П. Сакральное Руси. Том 1. – М.: Золотой век, 1996. – 582 с.
- 96 Націоналізм: Антологія / Упоряд. О.Проценко, В.Лісовий. – К.: Простір, Смолоскип, 2010. – 685 с.
- 97 Невелева С.Л. Истоки индуизма // Индия 1984. Ежегодник. – М.: Наука, 1986. – С. 189-215.
- 98 Нечкасов Е. Проблемы языческого традиционализма // http://vk.com/page-53947527_44575129 // Також див. у альманасі Традиція и традиционализм / Сост. Р.Халиков. – Донецк: Донбасс, 2013. – С. 294-309.
- 99 Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Азбука-классика, 2009. – 336 с.
- 100 Новітні міфи та фальшивки про походження українців / Ред. Ю.Олійник. – К.: Темпора, 2008. – 136 с.

- 101 О летоисчислении от основания Словенска Великого // <http://rugevit.ru/vera/stat/leto.htm>
- 102 Офіційна відповідь голови ОРУ // <http://www.oru.org.ua/index.php/2012-09-05-09-52-14/34-hto-mi-k/244-2012-05-13-11-26-26.html>
- 103 Пашник С.Д. Духовне значення Хортиці // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Основи теорії військової справи та бойових мистецтв», м. Запоріжжя, 20 квітня 2007 р. – Запоріжжя, 2007. – С. 112-128.
- 104 Перебранка Локи // <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/ploki.htm>
- 105 Покон Рода Всевишнього // http://alaty.org.ua/ua/svashen_pisanie_ua/583-pokon-roda-vsevishnogo.html
- 106 Пушкин А.С. Песнь о Вещем Олеге // http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0217_22/1822/0127.htm
- 107 Русич М. Дещо із життєпису Володимира // Альманах Світання. – 1974. – № 3. Цит. за кн.: Лозко Г.С. Пробуджена Енея.
- 108 Савчук Б. Українська етнологія. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2004. – 559 с.
- 109 Сент-Екзюпері А. Маленький принц. – К.: Молодь, 1976. – 97 с.
- 110 Серяков М. Рождение Вселенной. Голубиная книга. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 576 с.
- 111 Силенко Л. Мага віра. – Гамільтон, 1979. – 1393 с.
- 112 Статут Всеукраїнського об'єднання «Собор Українських Звичаєвих Громад» // <http://www.vines.org.ua/stati/41-pravnyk/202-statut-vseukrajinskogo-objednannja>
- 113 Тёрох И.И. Сварог: Поэма. – Нью-Йорк, 1946. – 314 с.
- 114 Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- 115 Тойнби А.Дж. Постыжение истории. Сборник. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
- 116 Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
- 117 Тулаев П. Очерк по итогам Веча в Санкт-Петербурге // <http://ateneu.ru/old/rodoved/r038.htm>
- 118 Тупик О.О. Язичницькі традиції в духовній культурі українців (90-і рр. ХХ ст.): Автореферат дис. канд. філософ. наук: 07.00.01 / КНУ ім. Т.Шевченка. – К., 2002. – 20 с.
- 119 Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. – М., 2012. – 863 с.
- 120 Уманський О. Український космос у люстрі трипільського орнаменту // Індоевропа – Такі справи. – Кн. 1-2. – 1996-1997.
- 121 Усхваление Макоши // <http://kuznetsov-v.livejournal.com/52545.html>

- 122 Фаликов Б. Неоязычество // Новый Мир. – М., 1999. - № 8. – С. 148-168.
- 123 Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е.Петров, В.А.Шнирельман. – М.: ИА РАН, 2011. – 382 с.
- 124 Фон Биберштайн Й.Р. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. – СПб.: Изд-во им. Н.И.Новикова, 2010. – 400 с.
- 125 Фон Лист Г. Тайна рун. – М.: Гелиос, 2001. – 144 с.
- 126 Фон Паль Л. Все тайны Третьего Рейха. – М.: АСТ, 2010. – 512 с.
- 127 Форум українських рідновірів відбувся! // <http://donklass.com/arhiv/histdisk/kurgan/www.kurgan.kiev.ua/babich1.htm>
- 128 Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1986. – 706 с.
- 129 Хейердал Т. Путешествие на «Кон-Тики». – М.: Детгиз, 1957. – 368 с.
- 130 Чащин Я. Право Славів в Іудаїзмі // http://kruk.ucoz.ua/publ/pravo_slavie_v_iudajizmi/1-1-0-10
- 131 Чубинский П.П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования. – СПб., 1872. – Т. 3. – 488 с.
- 132 Шаян В. Віра Предків наших // <http://svit.in.ua/kny/booksha00.htm>
- 133 Шаян В. Проблема Української Віри // <http://svit.in.ua/kny/booksha5.htm>
- 134 Шаян В. Про Перуна знання таємне // <http://svit.in.ua/kny/shajan/perun.rar>
- 135 Шаян В. Тризуб // <http://svit.in.ua/kny/shajan/tryzub.rar>
- 136 Шиженский Р. Неоязыческий миф о Владимире I // <http://www.mesoeurasia.org/archives/8611>
- 137 Широпаев А. Неоязычество и «родноверие» // <http://shiropaev.livejournal.com/8643.html>
- 138 Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: Издательство ББИ, 2012. – xiv+302 с.
- 139 Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1998. – Т. 1. – 671 с., Т. 2. – 609 с.
- 140 Шухевич В. Гуцульщина. Частина четверта. – Верховина, 1999. – 303 с.
- 141 Эвола-Шуон-Генон. Касты и расы. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2010. – 168 с.
- 142 Эвола Ю. Лук и булава. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 384 с.

- 143 Эвола Ю. Против неоязычников // <http://politosophia.org/page/protiv-neoyazychnikov.html>
- 144 Эвола Ю. Языческий империализм. - М.: Русское слово, 1992. – 116 с.
- 145 Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том 1: От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический проект, 2008. – 622 с.
- 146 Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том 2: От каменного Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический проект, 2008. – 676 с.
- 147 Элиаде М. Йога. Свобода и бессмертие. – К.: София, 2000. – 400 с.
- 148 Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
- 149 Элиаде М. Мефистофель и Андрогин. – СПб.: Алетейя, 1998. – 376 с.
- 150 Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. – К.: София, 1998. – 384 с.
- 151 Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт. – СПб.: Наука, 2000. – 536 с.
- 152 Яблонская А. Язычники // <http://www.theatre-library.ru/authors/ya/yablonskaya>
- 153 Яковенко Н. Вступ до історії. – К., 2007. – 376 с.

Приложение 1: Слово о Чуде

Мы, родноверы, много в чём остаёмся детьми индустриального мира. Любим в своих дискуссиях апеллировать к науке, в которой обычно не сильно разбираемся, любим ссылаться на «логику» и «здравый смысл» и после этого старательно ждём, что Боги вот-вот снизойдут до нас и укажут нам Путь. Ей-богу, ждать Перуна на летающей тарелке из-такого созвездия в таком случае было бы более оправданно.

Мы не оставили в своей жизни места для Чуда, нет, не веры в него, а именно Чуда – плотского и пылающего, как сердце поэта. Мы не ждём спонтанных нарушений размеренного потока нашего существования, подспудно боясь их, считая, что именно такой ритм потока и соответствует «законам Природы». Когда же поток пересекает Чудо, будто мгновенная радуга над пропастью, будто последний луч Солнца, заходящего под вечер Купалы, мы либо замираем в ужасе, либо, что ещё хуже, просто не замечаем его.

А чего ещё ждать, если мы приучили себя (нас приучили, если так хочется переложить ответственность на кого-то), что разум и логика – превыше всего? Всю жизнь считать, что Родные Боги – такие себе частные случаи законов Ньютона или квантовых теорий? Да, Язычество может рассматриваться и как альтернативная описательная система, только вот возможности у неё намного шире. Формулы не входят в наши сны раскалёнными отблесками того, что много реальнее нас самих.

Здесь стоит сделать отступление, чтобы читатели могли правильно понять расставленные нами акценты. Это не рериховские «махатмы» разрывают канву наших снов и не «могущественные личности» помыкают нами, словно углями в жаровне. Это наше собственное подсознательное, океаны, бушующие за нашим «Я», выплёскиваются на «одомашненный», «окультуренный» берег сознания. И в зависимости от того, настроены ли мы каждое мгновение на восприятие Чуда или же вычеркнули даже возможность его из своей жизни, мы увидим всю непередаваемую красоту такого всплеска или же испугаемся и забьёмся в отдалённый уголок, чтобы переждать вечный шторм.

Когда-нибудь придёт понимание, что Традиция не отрицает, а Естественность даже обязывает выходить за рамки нами же сотворённого «сценария». А от готовности искренне и легко выходить за эти рамки и зависит, как часто и как сильно будут ломаться рамки навстречу, впуская в объятия Чуда.

Выкиньте из головы всё написанное выше, кроме первых двух абзацев. Мысль, которую я хотел бы донести, на самом деле очень проста. Мир – весь-

весь, до мельчайшей пылинки – должен представляться язычнику как Божественное Чудо. Это и есть настоящая альтернатива как механистической рациональности индустриальной эпохи, так и «страху Божьему», сознательно культивируемому любителями «зон безопасности» в пределах собственного «Я».

И приняв Мир как Чудо, мы, родноверы, сможем наконец-то стряхнуть пепел «формул» и «теорем», выстроенные нами же во имя собственного тщеславия в «пантеоны», и с улыбкой обратиться к неугасимому Пламени внутри.

P.S. Ум и гордыня будут подсказывать, что утверждения, приведённые выше, противоречат друг другу, а потому и автор – причудливый обманщик. Однако в моём понимании Чудо – это на самом деле и Мир как таковой, и прорыв привычных для нас мировых очертаний. Как писал герр Юнг, «духовно обесценивается религия, ослабляющая свои парадоксы».

Приложение 2: Модернизировать Архаику?

Три года назад я назвал свою книгу «Язычники атомного века», употребив это выражение совсем не в положительном значении. Наоборот, я хотел бы подчеркнуть парадоксальность, аномальность нашего положения и необходимость что-нибудь с этим делать. Тем не менее, за эти три года среди вполне адекватных украинских и российских язычников, совсем не долбославов, возникли разговоры о «приспособлении Обычая к городской среде», к современности в целом.

Уважаемые господа или не понимают, или сознательно отрицают, что между современностью (Модерном или Постмодерном) и всем, что мы хоть как-то можем обозначить как Язычество *par excellence*, без приставки «нео-», простирается бездна. С XVIII века человеческий мир изменился настолько, насколько не менялся со времён «неолитической революции» (8-9 тысяч лет назад).

Можно приспособить Язычество к капитализму, но оно будет разве что приятной локальной надстройкой над прагматичной протестантской этикой.

Можно быть язычником и мирно жить в тоталитарном государстве, использовать заговоры «от встречи с сотрудником ГИБДД» или чтобы тебя не

посадили за репост, более того, это может даже подействовать, но как в таком случае избавиться от чувства собственной никчемности?

Можно славить Родных Богов в условиях полного отчуждения, распада естественных сообществ, непрерывного разрастания городов, но как быстро нам надоест или, по крайней мере, станет некомфортно называть себя «славянами», «украинцами», «подолянами»?

Современное Язычество, на мой взгляд, имеет смысл *исключительно* как путь восстания против современного мира – без разницы, понимаете ли вы это восстание, как Генон и Эвола, или вкладываете в него другое значение (я лично вкладываю иное). Быть язычником и жить в мегаполисе стоит исключительно для того, чтобы подтачивать муравейник («человейник») изнутри, сагитировать побольше молодёжи валить из него нафиг (и это понемногу-таки начинает происходить!). *Здоровье – Земля – Оружие*¹. Благородная триада указывает вернейшие этические ориентиры для современного язычника.

На вопрос, всё чаще возникающий в родноверческих дискуссиях, чему отдавать предпочтение – возрождению *веры* или *быта*, следует ответить: *и вере, и быту*. Без внедрения в свой быт этнических практик, которые одни только и способны подкрепить идентичность и веру (если только вы не экстатичный радетель, аскет), без «самооселянивания» (даже если вы обрели себя на воинской стезе) – без этого Язычество атомного века будет просто одним из способов самоактуализации в потребительском глобализованном пространстве. Язычество превратится в конформистскую идеологию, способ примирения с омерзительной действительностью, способ сделать её не такой нестерпимой и отталкивающей.

Напоследок всем «техно-язычникам», «урбо-паганистам» (это такой же оксюморон, как «горячий снег») напомним о «нетленном» высказывании придурковатого Широпаева: Наш Ярило облачен не в лен, а в клепаный хром. Его солярность пахнет соляром и сталью. Он лыс от радиации, а мутация открыла в его челе третий глаз, лазурный, как небо Прародины». Вы *этого* хотите? Каждый раз, когда пожелаете «приспособить Язычество к современности», посмотрите на свои идеи в это зеркальце бреда.

P.S. Итак, в бессмысленном споре по поводу того, что же возродить в первую очередь – формы или содержание – мы отвечаем закономерно: и формы, и содержание (почему, собственно, нет?). Формы в текучем мире Яви действительно склонны изменяться, поэтому, на мой взгляд, стоит вести дискуссию о допустимых пределах развития Традиции, о формах «высокой

---

¹ В украинском языке все три слова начинаются с буквы «З»: «Здоров`я – Земля – Зброя»; З «З» и следующие из них 3 «О» («Оздоровлюся – Оновлюся – Озброюся») - основополагающие ценности в моём понимании.

древности», которые помогут противостоять «низкой современности», а не про отказ от «устаревших» форм или «способы взаимодействия с городом», иначе он рано или поздно нас раздавит. Нужно быть абсолютным профаном в социологии (да и в истории тоже), чтобы не понимать последнего.

Приложение 3: Идентичность и духовность

Тот, кто не первый год принимает участие в родноверческом движении и всерьёз задумывается о состоянии дел в нём, вероятно, заметил, что большинство людей сегодня обращается к Язычеству по двум главным причинам: в поисках духовности/истины/познание или же для укрепления собственной национальной идентичности. Существует также поток вовлечения через субкультуру (музыку, моду, символику), однако касаться его здесь мы не будем, поскольку он является наиболее поверхностным и скорее касается того, что можно было бы назвать «околоязыческой тусовкой».

В то же время два магистральных направления улавливаются достаточно чётко, обычно несложно определить то, по какому «каналу» пришёл к Язычеству тот или иной человек. Первый, духовный искатель, будет рассказывать вам о взаимодействии с Богами и духами, про всевозможные «практики» (в лучшем случае он назовёт их «радениями» или каким-либо другим славянским словом), о своих снах, сверхчувственному или подсознательном опыте. Второй станет разглагольствовать о славных Предках отдалённого прошлого (иногда ничего не зная про своих собственных прапрабабок и прапрадедов), о необходимости развивать патриотизм и национализм, а если всё совсем плохо – о жидомасонах, занимающихся геноцидом белой расы / славян / украинцев (на этом беседу лучше сразу же прервать).

На самом деле в нашем понимании современное Язычество обязано твёрдо держаться на здоровом соединении обоих начал. Человек, у которого нет проблем с самоидентификацией, который чётко соотносит себя с определённым краем и определённым этническим сообществом, не будет выдумывать «тарха тарховича» или «зимцерлу», а сосредоточится на разнообразных проявлениях тех Сил, которые действительно почитались его Предками, будет обращаться к духам той местности, в которой находится, и обретать жгучий внутренний опыт, воссоздавая истинно традиционные обряды. Точно так же человек, настойчиво работающий над собой, не будет иметь времени и желания

погружаться в конспирологию или прилагать усилия к унижению чьего-то духовного наследия, но этот самый настойчивый труд приведёт к решению проблем с идентичностью.

Сосредоточение только на одном из направлений, доведение его до абсурда, имеет очень грустные последствия. В первом случае духовные искания вырождаются в космополитический эзотеризм, абстрактное «славянство» (при том, что традиционная культура, которую мы все так или иначе отождествляем с Язычеством, всегда локальна, всегда сводится к формам, характерным для определённого села или края), причём это «славянство» без особых сложностей вливается в поток популярного New Age. Венец всему этому известен: «Я верю в Будду, я верю в Христа...». Во втором случае человек замыкается на мелочных вопросах вроде языка общения в общине (язык проведения обрядов – вопрос иного ранга и иной важности), сакрализации «Велесовой книги» или других текстов как «символов идентичности», придании чрезмерного внимания национальной истории, которая так же далека от Духа, как национальное (и любое другое) государство. Венец сему – поверхностное «обрядоверие», сохранение не Огня, а пепла, который даже не тлеет.

Итак, здоровое соединение этнической идентичности и духовности, *народничество, природоверие и антидогматизм.*

Наконец, следует обмолвиться про точку зрения, которую нередко можно услышать в среде вполне адекватных родноверов. Вот мы, говорят они, возрождаем народные традиции и получаем духовный опыт, а в политику нырять ни за что не хотим, это грязное, далёкое и вообще не нашего ума дело. Конечно, она в любом случае имеет право на существование, однако, по нашему мнению, основывается на неверном понимании слова «политика». Это понятие ведь было создано язычниками и сперва означало обязанность всех полноправных членов сообщества (полиса) принимать активное участие в его жизни. Добиться того, чтобы муниципалитет прочистил ливнёвки, чтобы администрация школы не требовала незаконных поборов, или отстоять сквер от застройки – в таком случае это политика? Безусловно, да. Что касается более распространённого понимания «политики», то здесь следует вспомнить о следующем. Мы часто говорим про целостность мира и деятельности человека традиционного общества: труд и отдых тут неотделимы от обряда, песни и молитвы. Разве вече, общинная жизнь, казачий круг не принадлежали к той же целостности? Если сегодня господствуют иные, грязные, неадекватные формы «большой политики», это лишь повод для того, чтобы самостоятельно создавать или воссоздавать формы получше – так же, как мы воссоздаём обряды.

Приложение 4:
Отзыв на книгу: Askr Svarte (Нечкасов Е.А.).
Polemos: Языческий Традиционализм

Том 1. Заря Язычества. – М.: Велигор, 2016. – 367 с.

Том 2. Перспективы Язычества. – М.: Велигор, 2016. – 517 с.

Когда я впервые узнал об этом труде, он крайне заинтересовал меня, поскольку, по сути, в нём угадывался тот же замысел, что и в «Язычниках атомного века», судя по оглавлению, поднимались те же или схожие проблемы, только в гораздо большем масштабе. Разочарование наступило где-то после 100-й страницы первого тома, потом отношение выровнялось и стало более взвешенным. Действительно, в «Polemos`e» внимание обращено на множество тем, некоторые из которых поднимаются в языческой среде впервые.

Достоинства книги каждый может оценить сам, тем временем я хотел бы выделить несколько мест, которые лично мне показались проблемными.

Во-первых, автор проявил чрезмерно большое доверие современному (именно современному) конструкту «индоевропейцы» и «индоевропейская триада». Приложение выделенной Дюмезилем триады к обществу создаёт исключительно идеальный тип, как его определял М.Вебер, на практике же любое общество прошлого оказывается более сложным. То, что описывали Платон и «Законы Ману» - в конце концов, это просто слова и представления людей, такие же, как и у Фукуямы про «конец истории» в либеральной представительной демократии. В таком подходе автора ярко проявляется догматический традиционализм эволаистского толка. Он не только не упоминает о том, что существуют (или существовали) этнические Традиции, в которых отношения со Священным выстраивались не так, как это предполагает иерархическая логика традиционалистов, но и пытается оценить наследие древних семитов с точки зрения «индоевропейской триады», - а это процедура именно из арсенала «гносеологического расизма», в котором автор не устает обвинять Модерн. Причём, в данном случае это «гносеологический расизм» не индоевропейской Традиции (если о таковой вообще можно говорить после распада культурно-языковой общности, ныне именуемой «индоевропейцами»), а именно традиционализма геноновской школы.

Во-вторых, труд предлагает качественный анализ Модерна и Постмодерна, но помещённый в очень сомнительную концепцию (т.е. фактически как у Маркса, которого автор поминает недобрым словом). Модерн представляется как победное наступление «титанов», «хтонических сил». Понятно, что и это от

Эволы. В некоторых своих произведениях (особенно ранних) барон представляет исторические события Античности как борьбу «пеласгического», «хтонического», «матриархального» и «дорического», «солярно-героического», а вместе с тем – и как борьбу Богов разных народов. Интересно, что автор уделяет огромное, даже чрезмерное внимание сословности, но при этом лишь мельком оговаривает во втором томе, что концепция Polemos`а, мира и жизни как борьбы («Война – отец всех вещей») есть специфический взгляд Воина, Кшатрия. В перспективе строгого манифестационизма представляется крайне сомнительным и противопоставление «хороший Дух» - «плохая материя» (даже в смягчённой форме «Эдиповой парадигмы», предлагаемой автором, - форме занятой, но не более), и яростная, бескомпромиссная борьба Богов и «титанов» внутри Сознания Единого (попытка недуалистически объяснить её в конце второго тома, с. 404 и далее, выглядит натянуто). Тем более, на с. 17, том 2, прямо говорится о «мирном снятии противоречий единого и множественности», то же и на с. 180.

Предельное заострение внимания на онтологичности Четырёх веков приводит к сомнительному утверждению, что не люди отвернулись от Богов, вытеснили Священное за пределы своей картины мира, а Боги реально покинули наш мир. Отсюда в главе «Примитивизм» следует двусмысленный призыв «принести в жертву Мир» (не в метафизическом, а вполне себе материально-деструктивном смысле), понятный в качестве слома цивилизационной парадигмы и нелепый в случае трактовки «Мира» не только как человеческого, но и Мира вообще. То есть «прихватить с собой Природу», в которой были, есть и будут явлены Боги.

К сожалению, в отношении этнической истории восточных славян автор остался под влиянием имперской парадигмы – безусловно, современной, известно, когда и кем созданной. Интересно, какое государство имеется в виду в утверждении «искусственное конструирование национальностей, таких как украинская и белорусская, ранее входивших в единый русский народ, и на протяжении более чем тысячелетия (!) входивших в одно государство» (с. 312, т. 1)?

Огорчает в книге также наличие ряда фактических неточностей (например, Игнатий Лойола зачислен в «известные протестанты») и огромное количество опечаток в первом томе, что вроде не должно никак влиять на суть излагаемого, но становится как-то печально, особенно после действительно глубоких размышлений автора о языке.

Наверное, есть некий символизм в том, что никаких возражений у меня не вызвало только самое начало и самый конец труда (раздел о Пути левой Руки – читая его, остаётся лишь умолкнуть и внимать Сердцем). В целом же,

«Polemos» выполнил свою задачу – непрестанно будил внутреннюю полемику, тревожил мысль, а также привёл к осознанию того, что свои книги необходимо издавать.

Надеюсь, что по крайней мере Славянское Язычество в скором времени очнётся от геноно-эволаистско-дугинского угара (как и от симулякров Постмодерна), дабы говорить с Богами на множестве наречий, самобытных и исключительно родных, дабы противопоставить низкой современности ту Древность, которую не нашептали обиженные аристократы минувшего века, а которую действительно сохранили наши Предки и бережно перенесли через разрыв поколений ответственные любители народной (читай – языческой) старины.